

Romantic Fantasy

ЧАРЛИ
ХОЛЬМБЕРГ

БУМАЖНАЯ
МАГИЯ

Annotation

После окончания школы волшебства девятнадцатилетняя Сиони поступает в подмастерья к магу Эмери Тейну. И это назначение вызывает у нее бурю негодования: мало того что ее наставник живет у черта на куличках, так он еще и занимается никому не нужной Бумажной магией! Сиони же мечтает о стезе Плавильщицы и жизни в Лондоне. Но у девушки нет выбора: хочешь по-настоящему колдовать – соблюдай правила. Так и прозябала бы Сиони в деревенской глуши, если бы не жестокое нападение адептки темной магии на ее мастера. Сиони отправляется в погоню. Но много ли может вчерашняя выпускница магической школы против искусной Потрошительницы?! Впервые на русском языке!

- [Чарли Хольмберг](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
-

Чарли Хольмберг

Бумажная магия

© Гришин А.В., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Моему мужу Джордану, порождающему всю
магию, которая есть в моей жизни.*

Глава 1

На протяжении последних пяти лет Сиони страстно желала стать Плавильщицей.

Тем не менее, когда самым одаренным выпускникам магической школы Таджис-Праффа пришла пора решать, каким именно материалам они посвятят свою дальнейшую жизнь, Сиони была поставлена в тупик. «У нас очень мало Складывателей», – объяснила ей магичка Эйвиоски за закрытыми дверями своего кабинета.

Сиони услышала эти слова от мг. Эйвиоски почти неделю назад, но до сих пор ощущала жаркие слезы, которые тогда прихлынули к ее глазам. «Бумага – замечательный материал, – продолжала мг. Эйвиоски, – но в последнее время доверие к ней заметно снизилось. В данной области осталось лишь двенадцать практикующих магов. К сожалению, сейчас у нас нет иного выбора, кроме как в приказном порядке направить группу новичков обучаться этой специальности».

И судьба Сиони была решена – она попала в группу Складывателей. Вердикт магички разбил ей сердце, и сейчас, направляясь к дому мага Эмери Тейна, она хотела, чтобы оно вообще остановилось.

Взгляд на чудовищное строение заставил Сиони еще крепче вцепиться в деревянную ручку чемодана – увиденное оказалось гораздо хуже тех кошмаров, которые уже несколько дней терзали ее воображение. Сам мг. Тейн – между прочим, единственный Складыватель на этой стороне Темзы – обитал в грязном предместье Лондона, и его жилище вполне могло проиллюстрировать страшные истории, которые рассказывают у костра в летнем лагере. Черные дощатые стены вздымались на высоту в добрых шесть этажей. Под порывами нахального ветра – вихрь налетел на Сиони, едва она ступила на узкую дорожку, ведущую к воротам, – посыпались лохмотья старой облупившейся краски. Здание, будто корону дьявола, увенчивали три нелепые башенки: на крайней слева, обращенной к востоку, зияла большая дыра. Из-за полуразрушенной дымовой трубы надрывно кричала не то ворона, не то сорока. Все окна – их Сиони насчитала семь – были наглухо заперты ставнями с тяжелыми цепями и напоминали бойницы в средневековом замке, так что Сиони даже не могла понять, горят ли в доме свечи. Скопившиеся за десяток прошлых зим палые листья лежали подушками на карнизах и свешивались из-под вспучившейся угольно-черной черепицы, а где-то поблизости кап-кап-капало нечто,

воняющее уксусом и потом.

И сам участок тоже был унылым: ни цветника, ни газона, ни каких-либо декоративных излишеств. В маленьком дворике темнели лишь булыжники да проплешины земли, настолько сухой и растрескавшейся, что ни одной былинке было не под силу укорениться в этой бесплодной почве. Плитки, отмечавшие путь к парадной двери (кстати, створка висела на ржавой петле), растрескались и развалились на куски, а многие просто стояли дыбом. Сиони засомневалась, что серые доски крыльца выдержат ее тяжесть хотя бы минуту или сколько там нужно, чтобы вызволить хозяина на порог.

– Убиться и не жить... – пробормотала Сиони.

Сопровождавшая ее мг. Эйвиоски, которая не отставала от выпускницы ни на шаг, нахмурилась.

– Глядя на дом волшебника, никогда не доверяйте своим глазам, мисс Твилл. Вы и сами прекрасно это знаете.

У Сиони пересохло в горле, и она попыталась сглотнуть, что удалось ей с превеликим трудом. Это она действительно знала, но сейчас выбросила из головы. Унылый неприглядный домище казался ей отражением ее собственной персоны и, конечно же, источником бед, которые ожидают ее в будущем. Теперь ее жизнь пошла наперекосяк. Но не исключено, что она, Сиони, себя и сглазила! Не далее как минувшей ночью она собрала всю бумагу, которую только могла отыскать в номере гостиницы, и клочок за клочком сожгла ее в камине, пока мг. Эйвиоски изучала карту в холле отеля. А может, мг. Тейн – вкупе со своим жилищем – служил доказательством того, что Сиони требуется развивать воображение.

Сиони судорожно вздохнула. В свои девятнадцать лет она добилась недюжинных успехов на поприще магии, но, видимо, все ее достижения пошли прахом. А ведь она преодолела столько преград на своем пути! Увы, сейчас она чувствовала себя донельзя истощенной – пустой оболочкой, из которой вытрясли душу! Скоро ее вдохновение будет потрачено на Складывание жалкой бумаги. Она посвятит остаток жизни исписыванию толстых тетрадей и чтению устаревших книг, а единственным ее развлечением станет отправка писем, конверты которых будут раскрываться перед адресатами. Но почему из обилия тех материалов, которые мг. Эйвиоски могла ей предложить, магичка выбрала именно бумагу? Почему она проигнорировала стекло, металл, пластмассу и резину? Мг. Эйвиоски, вероятно, не хотела понимать, что Складывание давно стало абсолютно бесполезным, умирающим искусством.

Не желая, чтобы ее волокли за руку, как школьницу, Сиони

выпрямилась и побрела к воротам. Забор представлял собой покосившиеся колья, врытые в землю тупым концом, с натянутой между ними колючей проволокой. С каждым шагом Сиони ощущала себя все более потерянной, а ветрище набирал силу, угрожая сорвать с нее шляпку, как только она потянется к засову...

Обстановка изменилось так резко, что Сиони подпрыгнула, чуть не уронив чемодан. Ее ладонь касалась уже не неприглядной ограды, собранной из наследия утихших войн и обломков разрушенных тюрем, а обычного забора из металлической сетки. Сквозь тучи проглянуло солнце, а порывы бури превратились в легкий порывистый ветерок. Дом был трехэтажным с желтыми кирпичными стенами. Распахнутые ставни окон оказались белыми, а крыльцо выглядело настолько монументальным, что по нему без последствий мог бы пробежать табун диких лошадей.

При виде внезапной перемены Сиони вытаращила глаза и застыла как вкопанная. Она подсознательно ожидала, что, когда она выпустит ручку калитки, угрюмая иллюзия вернется вновь, но дом оставался прежним. Дорожка, ведущая к двери, была ничем не вымощена, и теперь ее обрамляли вовсе не щербатые булыжники, а заросли красных, лиловых и желтых тюльпанов.

Хлопая глазами, Сиони отперла калитку и шагнула вперед. Никакие это не тюльпаны! Хотя – нет, тюльпаны, вот только бумажные, как и остальные растения во дворе. Как же тщательно свернут каждый лепесток! Сходство было поразительным – когда на солнце набежала тучка, тюльпаны синхронно поникли своими бумажными головками. Похоже, они отчаянно старались стать реальными цветами.

Сиони хватило одного взгляда, чтобы заметить полосы бумаги, висевшие на сетке забора. Между ними попадались листы длиннее человеческого роста. И они были гораздо шире, чем моторная повозка, доставившая Сиони и мг. Эйвиоски по нужному адресу. Очередная иллюзия. В памяти Сиони всплыла лекция о шпионаже, которую она слушала в прошлом году, – лектор тогда мельком упомянул об использовании бумажных кукол для маскировки человеческого облика. Сиони и представить себе не могла, что этот метод можно применить к целому дому, но, видимо, мг. Тейн достиг в своем деле совершенства.

С нею поравнялась мг. Эйвиоски. Магичка небрежно стянула шелковые перчатки и размяла пальцы. Трансформация ее несколько не взволновала, но она и не вздумала посмеиваться над изумленной ученицей.

Сиони втайне ожидала, что мг. Тейн появится на пороге, но ничего подобного не произошло. Дверь – теперь из добротного дерева,

выкрашенная светло-коричневой краской с оранжевым оттенком, – была плотно закрыта, и из-за нее не доносилось ни звука.

Возможно, он не злой, а просто сумасшедший, наморщив лоб, подумала Сиони.

Миновав бумажный палисадник, Сиони приблизилась к дому. Мг. Эйвиоски шла рядом, практически вровень с бывшей ученицей.

Поднявшись на крыльцо, Сиони уверенно постучала костяшками пальцев по двери. При этом она выпрямилась во все пять футов три дюйма своего роста, чтобы выглядеть внушительней. Рассеянно провела рукой по ярко-рыжей косе, переброшенной через левое плечо. Она нарочно не стала делать утром красивую прическу, равно как и надевать лучшее платье или студенческий форменный костюм. Ей нечему радоваться – зачем наряжаться? И так ясно, что мг. Тейн не давал насчет Сиони особых указаний.

Дверная ручка повернулась, хотя изнутри не было слышно ни звука. Когда дверь распахнулась, Сиони взвизгнула и отскочила.

На пороге возник скелет.

Кажется, мг. Эйвиоски тоже растерялась. Однако она выдала свое изумление лишь тем, что поджала губы, поправила очки в круглой оправе на своем незаурядном носу и процедила:

– Ну-ну...

Скелет как-то механически дернулся и неторопливо опустил череп с провалами глазниц. А Сиони наконец-то сообразила, что шесть футов этого костяка – всего лишь бумага: и голова, и позвоночник, и ребра, и ноги. Сотни, если не тысячи белых, скрученных клочков были сложены и сцеплены между собой для воспроизведения бесчисленных суставов.

– Он сумасшедший, – выпалила Сиони вслух.

Мг. Эйвиоски фыркнула, очевидно, поддразнивая девушку.

Скелет вежливо отступил в сторону.

– И много еще будет сюрпризов? – осведомилась Сиони, ни к кому персонально не обращаясь, и протиснулась в дом, стараясь держаться подальше от скелета – по крайней мере насколько позволял узкий дверной проем.

Очутившись внутри, Сиони оторопела. В воздухе витал запах старого дерева. Длинный вестибюль разветвлялся на три коридора: два уходили направо, а один – налево. Первый из правых упирался в небольшую гостиную, которая хоть и была тесно забита вещами, но поражала царившим в ней порядком. Все сияло чистотой: и подсвечники, и глиняные окарины – древние флейты, и мраморные письменные приборы... А еще

повсюду были книги: бережно расставленные на стеллажах или аккуратными стопками уложенные на каминную полку. Сиони, по своему обыкновению, внимательно изучила обстановку и пытливо посмотрела на потертую подушку. Наволочка явно свидетельствовала о том, что мг. Тейн предпочитает сидеть на левом краю дивана, откинувшись на спинку. В углу висела миниатюрная музыкальная подвеска – странное место для такого предмета, поскольку там вообще отсутствовал сквозняк, который заставил бы ее звенеть. Конечно, можно было бы приоткрыть окно, но и тогда ветерок был бы очень слабым. Наверное, мг. Тейну нравится форма, а не звук музыкальной подвески, предположила Сиони.

Сумасшедший, никаких сомнений, опять пронеслось у нее в голове.

На низком столике была разложена ровная стопка нераспечатанных писем, а рядом стояла музыкальная шкатулка и какое-то загадочное произведение кузнечного искусства.

Сиони отметила, что все вещи в гостиной идеально гармонировали друг с другом, и напряглась. Никогда прежде она не обнаруживала за барахольщиками такого пристрастия к... порядку.

Увиденное встревожило ее.

В коридоре имелись еще две двери (та, что слева, была закрыта), но Сиони, вместо того чтобы продолжить обход дома, потопталась на ковре и громко крикнула:

– Маг Тейн! К вам пришли гости, которые хотели бы увидеть кого-нибудь настоящего!

– Мисс Твилл! – сдавленно прошипела мг. Эйвиоски, а скелет тем временем зашуршал бумажными костями, следуя за ней по пятам. – Где ваши манеры?

– Но ведь не выйти к гостям – невежливо, правда? – возразила Сиони, прекрасно понимая, насколько по-детски звучат ее слова. Она откашлялась, сделала глубокий вдох и призналась: – Простите. Что-то я нервничаю.

– Можете не объяснять, – язвительно бросила мг. Эйвиоски, а из-за правой двери появился кто-то «настоящий». В руках он держал тяжелый фолиант.

– Итак, ко мне пожаловали гости, – протянул мужчина, захлопывая книгу, отчего по коридору пронесся ветерок, взметнувший его черные кудри. – Я должен был догадаться о вашем визите по стуку в дверь, – добавил он приятным баритоном.

Сиони намертво вцепилась в ручку чемодана. Нет, она не позволит себе рассматривать хозяина или долго обдумывать его, возможно, двусмысленную, реплику!

Мг. Тейн выглядел куда моложе, чем ожидала Сиони – лет примерно на тридцать, – и он не дал себе труда подобающе одеться. Наверное, дома мг. Тейн избегал и форменной одежды «профессионального мага» и броских нарядов. Он был облачен в обычные брюки и рубашку с высоким воротничком. На плечи он накинул нечто вроде легкого пальто цвета индиго. Балахон был намного больше размером, чем требовалось хозяину, с полами до щиколоток и рукавами, которые доходили до кончиков пальцев. Внешность у мг. Тейна оказалась неприметной – не смуглый, не бледный, не высокий, не маленький, не тощий, не толстый. Темные волосы закрывали уши и были не то причесаны, не то взлохмачены. Лицо обрамляли бакенбарды, а на носу под самой переносицей виднелась горбинка. Сиони поразило в мг. Тейне лишь одно – яркий блеск его глаз, зеленых, как летние листья, и сверкающих, будто их подсвечивали лампочкой изнутри.

Мг. Тейн взглянул на Сиони без тени улыбки, не шевельнув пальцем или хотя бы бровью, но Сиони, покосившись на мага, решила, что он доволен. Непонятно, правда, чем: то ли ее видом, то ли самим собой. На всякий случай она стиснула зубы.

– Маг Тейн, – произнесла мг. Эйвиоски (а Сиони задумалась над тем, насколько хорошо они знакомы друг с другом), – это Сиони Твилл, о которой я сообщила вам телеграммой.

– Да-да, – ответил мг. Тейн, положив книгу на непрочитанные письма и тщательно выравнивая всю стопку. Затем он повернулся и посмотрел на Сиони в упор. – Сиони Твилл, старшая из четверых детей и лучшая ученица в классе. Сколько студентов ваша тюрьма выпустила в нынешнем году?

Сиони поправила шляпку – только для того, чтобы чем-то занять свободную руку.

– Двадцать два.

– Немало, – бесцеремонно бросил Тейн. – Надеюсь, здесь вы найдете отличное применение магическим навыкам, усвоенным во время учебы.

Сиони молча склонила голову. Навыки у нее и впрямь были хорошими – и она ими гордилась, – но, сказать по правде, школьные занятия всегда давались ей легко. Обладая прекрасной памятью, она часто запоминала то, что нужно, прочитав текст лишь пару раз. Этот дар помогал ей справляться с трудностями и получать пользу от скучных лекций. Надо надеяться, что он поможет ей и сейчас.

Мг. Эйвиоски откашлялась, прерывая паузу, пока она не затянулась.

– В моем саквояже – новая форма Сиони. Сообщите мне, когда

приготовите Привязку.

– Конечно, – пробормотал маг и опять вперил взор в Сиони. – Полагаю, вы не откажетесь от ознакомительной экскурсии.

У Сиони заныло под ложечкой. Этот человек может разрушить ее будущее одним мановением руки! Когда он привяжет ее к материалу, пути назад уже не будет! Привязка действует на всю жизнь. Сиони принялась лихорадочно искать пути для бегства, если такие понадобятся, но обнаружила прямо за своей спиной бумажный скелет и опять взвизгнула. Тому, кто способен собственноручно делать демонов из бумаги, не нужны домашние призраки!

– Джонто, прекратись! – приказал мг. Тейн, и скелет послушно осыпался на пол – только череп остался лежать поверх кучи бумаги.

Сиони отступила в сторону. Делать искусственного привратника – какая гнусность! Неужели мг. Тейн сам не способен открыть дверь?

– Вы живете один? – вырвалось у Сиони.

– Пока это меня устраивает, – вымолвил мг. Тейн, направляясь вперед по коридору. – Тут расположен мой рабочий кабинет, – заявил маг, указывая на дверь слева, – а тут – столовая, – добавил он, на миг застыв возле двери справа.

Вслед за ним Сиони поднялась по невысокой лесенке и повернула за угол, подспудно ожидая, что на нее выскочит очередное страшилище.

Но вместо этого она очутилась в коротком коридорчике, где прямо друг напротив дружки висела пара зеркал. Также здесь был стол и комод, увенчанный пустой вазой. Коридор упирался в удобную, хорошо обставленную кухню, под самым потолком которой тянулись цепочки бирюзовых и желтых туго сложенных бумажных треугольников. Мойка с раковиной была вмонтирована в мраморную столешницу, испещренную пятнами от мокрых чашек. Кое-где, впрочем, имелись сухие участки. На металлической решетке над раковиной обнаружили кастрюли и сковородки: темные днища свидетельствовали о том, что их часто используют. Вокруг решетки обвивался бумажный виноград, весьма напоминающий кости скелета Джонто. Интересно, есть ли от него хоть какой-нибудь толк или мг. Тейн просто заскучал в этих стенах, вдали от живых людей? Сколько бумажных фонариков он мастерит для заклинаний, а сколько служат лишь бессмысленными украшениями?

Неужто Сиони придется провести остаток дней в качестве декоратора, пусть и знаменитого?

Решительно выкинув грустные мысли из головы, Сиони обвела взглядом кухню. Плита у мг. Тейна была узкая и старомодная, но неплохая.

Сиони внезапно озарило: между уроками по Складыванию она будет удирать сюда и развлекаться готовкой! Как-никак, не попади она в магическую школу, то вполне могла бы учиться на кулинарных курсах. Плата за обучение там была в десять раз меньше, чем в Таджис-Прафф, а Сиони имела призвание к этому делу. В общем, она нисколько не сомневалась в том, что ее приняли бы туда.

Сиони прошла через кухню в столовую. Пол комнаты устилал коричневый узорный ковер, а с потолка свисали сотни бумажных птиц. Птахи казались живыми и слегка покачивались на длинных тонких нитях. Девушка окинула взглядом квадратный обеденный стол, по соседству с которым возвышался темный буфет, забитый всякими блюдами, книгами, салфетками, банками и кувшинами. Вещи стояли на полках впритык, и Сиони невольно испугалась, что от малейшего колебания воздуха все разлетится вдребезги. На самом верху шкафа громоздились бумажные шары и шишки, составленные из таких же фигур поменьше, которые, в свою очередь, состояли из совсем крошечных шаров и шишек. Сиони прищурилась. Не будь дом настолько загроможден, он казался бы вполне уютным.

Сиони приблизилась к толстой стопке пергаментов, занимавшей угол стола, положила на нее руку и помолчала. Затем, вспомнив о бумажной иллюзии, скрывавшей ограду дома, насмешливо произнесла:

– С улицы ваша обитель внушает ужас.

Мг. Эйвиоски метнула в Сиони предупреждающий взгляд. Но мистер Тейн без всякого смущения ответил:

– Да. Забавно, согласны?

Пройдя мимо Сиони, он открыл дверь с длинной ручкой, за которой обнаружилась крутая лестница, уходящая на верхний этаж.

– Прошу за мной.

Сиони вздохнула и отправилась за хозяином вверх. Девятая ступенька глухо скрипнула под тяжестью ее веса, а вzbравшись на лестничную площадку, Сиони почувствовала, что у нее ноют колени.

– Ваша комната, – произнес мг. Тейн, распахивая дверь. – Можете расстаться с вашим багажом, если вам будет угодно.

Сиони переступила порог комнаты, резко отличавшейся от других помещений дома, которые она уже успела рассмотреть. Книжные полки пустовали. Никаких груд и стопок предметов, ноль безделушек – все было голо и аскетично. Однако на ковре отпечатались свежие вмятины, а это означало, что совсем недавно здесь была мебель, которую вынесли из комнаты. Похоже, мг. Тейн стал готовиться к приему ученицы накануне,

хотя его предупредили о Сиони почти неделю назад.

Еще сильнее Сиони удивило отсутствие бумажных украшений. Перед окном стояла двуспальная кровать. Рядом с ней в стену были вделаны три полки, а в двух шагах от изножья кровати находился письменный стол с единственным ящиком. Имелись в комнате и шкафчик (его, впрочем, должно было с лихвой хватить для небогатого гардероба Сиони) и тумбочка, на которой поблескивал новенький подсвечник.

Комнатушка была столь же скромной, как и ее спальня в Таджис-Прафф, хотя в ее школьных «апартаментах» явно недоставало книжных полок.

А еще бывшая спальня всегда казалась Сиони теплой и уютной. Возможно, такое впечатление возникло исключительно из-за того, что Сиони заслужила это место. Ей *хотелось* жить и колдовать в Таджис-Прафф.

– Благодарю вас, – выдавила она.

Опуская на пол чемодан, Сиони мельком подумала о спрятанном в его недрах пистонном револьвере Тэтэма, изготовленном в тысяча восемьсот сорок пятом году. Отец подарил его Сиони к окончанию школы, поскольку она ведь *намеревалась* стать Плавильщицей! Теперь Сиони решила, что распаковывать вещи надо без свидетелей. Незачем привлекать к себе внимание! Мг. Тейн, вероятно, придерживался такого же мнения, поскольку сразу возобновил экскурсию.

– Ниже находятся туалет, моя комната и библиотека, – продолжил мг. Тейн, когда Сиони покинула спальню.

Мг. Тейн замер перед очередной лестницей и замолчал.

– Привязку я подготовил там, – добавил маг, обращаясь к мг. Эйвиоски и кивая в сторону библиотеки.

Сиони произвольно замедлила шаг. Значит, прогулка по дому завершается Привязкой.

Она уставилась на дверь, в которую упирался коридор. Деревянная поверхность нисколько не отличалась от ничем не примечательной двери кухни.

– А что расположено на третьем этаже? – пискнула Сиони на всякий случай.

Возможно, там будет нечто такое, что улучшит ее настроение. Например, окно, из которого можно выпрыгнуть. Судя по высоте потолков первого и второго этажей, третий определенно очень высок, что довольно странно для дома на задворках.

– Большие заклинания, – вымолвил мг. Тейн ровным тоном, хотя его

глаза при этом весело сверкнули. Интересно, он осознает, насколько выразителен его взгляд?

Сиони мысленно отметила, что не нужно делать ему комплименты. Чтобы выжить, ей потребуется использовать все доступные ей преимущества, но не юлить.

Поскольку мг. Тейн недвусмысленно загородил собой лестницу на третий этаж, Сиони поплелась за мг. Эйвиоски в библиотеку. Помещение оказалось лишь немногим просторнее ее спальни. Стеллажи занимали всего одну стену, зато вздымались до самого потолка. Как Сиони и предполагала, книги занимали здесь все доступное пространство. Они были буквально вбиты внутрь – корешок к корешку, а кое-где стояли в два ряда, поэтому прочитать названия некоторых томов было невозможно. Похоже, что полки недавно протирали – потому что Сиони захотелось чихнуть, и она различила, как редкие пылинки пляшут в столбе света, падавшего сквозь широкое окно на противоположной стене. Взгляд Сиони зацепился за виток бумажной цепи, окружавшей раму, перенесся на сосновый стол. На нем громоздились стопки листов (конечно же, бумажных!) самых разных размеров и цветов, разложенных от светлых к темным и от грубых – к тонким и гладким. В правом дальнем углу стола находился компактный телеграфный аппарат.

Массивное кресло было развернуто к двери. Возле него покоился пюпитр с листом толстой белой, как яичная скорлупа, бумаги с изящным тиснением. Плотная бумага без каких-либо виньеток и украшений...

Сиони моментально поняла, что это такое.

Ее могила.

Сиони имела неплохое представление о материальной Привязке – та входила в число обязательных предметов (а их было несколько десятков), которые девушка освоила на протяжении последнего года упорных занятий в Таджис-Прафф. Сиони не могла сказать, что Привязка ее чем-то увлекла, это была просто-напросто клятва, связывающая душу с материалом и позволявшая творить магию *только* через него. Иными словами, маг не был способен творить заклинания для стекла и огня: здесь требовалось только что-то одно. В общем, Сиони нельзя было даже надеяться на то, что, связав себя с бумажной стихией, она сможет быть Плавильщицей.

Похоже, она должна забыть о своих школьных мечтах. Теперь ей не удастся ни выколдовывать ювелирные изделия, ни заклинать пули...

Это было несправедливо, но жаловаться было бессмысленно. Мг. Эйвиоски и мг. Тейн соблюдали правила. Сиони заслужила право выбирать материал, но поскольку предшественники пренебрегали Складыванием –

слабейшим из видов магии, – ее вынудили заняться постылой бумажной «волокидой».

Мг. Тейн протянул ей стандартный белый лист восемь на одиннадцать. Сиони взяла его двумя пальцами, перевернула, но не увидела никаких инструкций. Поверхность не облагораживали ни надписи, ни следы от Складок – магических или нет.

– Что мне делать? – спросила она.

– Почувствуйте его, – произнес мг. Тейн, складывая руки за спиной.

Сиони продолжала держать листок двумя пальцами, размышляя, когда же ее посетит озарение, но ничего не происходило. Мг. Тейн не шевелился. Выждав несколько секунд, Сиони стиснула бумагу между ладонями и подвигала руками взад-вперед, искренне стараясь «почувствовать» материал.

Продолжая улыбаться глазами, Бумажный маг молча взял чуть помятый листок и тихо спросил:

– Вы знаете слова?

Впору было подумать, что он читает по лицу Сиони как по раскрытой книге!

Сиони кивнула, чувствуя, что у нее отнимается язык. В памяти всплыла долгая беседа, которую они вели с мг. Эйвиоски еще в пути, сидя в повозке. Мг. Эйвиоски заявила: «Мисс Твилл, не позволяйте сбить себя с толку пустопорожней болтовней и прочими глупостями. Складывание требует острого глазомера и твердой руки – вы обладаете и тем, и другим. Все принимают свою судьбу, и вам тоже нужно подчиниться».

Ясно. Принимают свою судьбу. А так ли это на самом деле? Может, магичка использовала свой дар убеждения и хотела, чтобы Сиони отринула свои мечты?

Двое магов пристально наблюдали за ней. Мг. Эйвиоски со своим обычным непрошибаемым хладнокровием, а мг. Тейн со странным весельем во взгляде.

Сиони сжала губы. Магический выбор не оставлял ей вариантов. Ей суждены либо бумага, либо ничего, и лучше стать Складывательницей, нежели загубить свой талант.

Сиони подняла дрожащую руку и опустила ладонь на лист бумаги, лежавший на кресле. Потом зажмурилась и выговорила сквозь зубы:

– Вещество, созданное человеком, твой создатель призывает тебя. Пребудь со мною, и я пребуду с тобою всю свою жизнь, до того дня, когда я умру и обращусь в прах.

Несложные в общем-то слова, но в них заключалось все.

Ладонь Сиони вдруг потеплела, а затем тепло разлилось по ее телу и столь же быстро отхлынуло.

Дело было сделано.

Глава 2

– Я всегда считал, что Привязка необыкновенно сильно разочаровывает, – заметил мг. Тейн, снимая пюпитр с кресла. – Не желаете сохранить это?

Сиони моргнула и прижала навсегда связанные руки к груди.

– Что сохранить? – переспросила она.

Мг. Тейн махнул листом бумаги, который держал в руке.

– Некоторые испытывают к подобным предметам сентиментальные чувства.

– Нет, – огрызнулась Сиони.

Мг. Тейн проигнорировал ее грубость и приложил лист к стене. Пюпитр же занял свое место на столе – строго параллельно стопкам бумаг.

Мг. Эйвиоски помялась и наконец поставила на пол саквояж, сделанный из твердого пластика руками Полиформовщика. Эта специальность возникла лишь тридцать лет назад, после того как маги резины открыли пластмассу как таковую. Из саквояжа мг. Эйвиоски извлекла накрахмаленный красный передник и невысокую черную шляпу-цилиндр – форму подмастерья.

Несмотря на ноющую тяжесть в желудке и обрывки душераздирающих мыслей, громоздившихся где-то на дне черепа, Сиони приняла наряд с подобающим реверансом.

Передник подмастерья отличался от зеленого студенческого передника не только цветом, но и сборками на бедрах и тонкой алой каймой по краю нагрудного клапана. Ну и еще несколько больше закрывал бюст. Завязывался он сзади на шее и чуть выше талии и был снабжен двумя полукруглыми кармашками на бедрах.

Твердый блестящий цилиндр служил показателем определенного опыта. Студентам цилиндры не полагались. И пусть дорога, на которую вступила Сиони, будет узкой и малоинтересной, тем не менее передник и цилиндр служили весомым доказательством того, что она, Сиони, чего-то достигла в своей жизни. Она как-никак успешно прошла курс обучения в Таджис-Прафф всего за год, а кроме того, считалась лучшей в классе, что было практически подвигом.

– Благодарю вас, – вымолвила Сиони, приложив передник к груди.

Мг. Эйвиоски улыбнулась Сиони своей чудесной улыбкой. Сиони так любила мг. Эйвиоски за эту улыбку!

Если бы только мне можно было учиться у нее, подумала она с тоской.

Будь у нее хоть крошечный шанс, она предпочла бы заклинять стекло, а не бумагу.

Мг. Эйвиоски расправила плечи, вернув Сиони в реальность.

– Пожалуй, я смогу добраться до выхода, – произнесла она, – если только у вас не найдется второго бумажного слуги, который проводил бы меня до дверей.

Мг. Тейн хмыкнул и ответил:

– Патрисия, я с удовольствием составлю вам компанию. Сиони, а вы?..

– Я... Если не возражаете, то я побуду здесь, – ответила она.

Сиони не сомневалась, что если она сейчас присоединится к наставникам, то, конечно, сбежит и никогда уже сюда не вернется. И, как ей ни было тошно, Сиони знала, что, прежде чем можно будет спокойно приближаться к входной двери и искать другие пути отступления, ей следует выждать некоторое время. Ничего, она скоро освоится со своим новым положением и обязанностями. Сиони раз и навсегда связала себя клятвой, и если теперь она взбрыкнет и откажется от своей участи, то выкинет из жизни год, проведенный в Таджис-Прафф, а это не даст ей ничего хорошего. Да и вообще ничего.

Мг. Тейн кивнул и вручил слегка помятый листок, который давал ей, чтобы Сиони «почувствовала» материал. Сиони растерянно взяла его. Ей потребовалась пара секунд – маг Тейн и Эйвиоски едва успели дойти до двери, – чтобы осознать – с листком случилась странная метаморфоза.

Сиони повертела его в руках. На нем по-прежнему не имелось Складок или надписей, однако он стал другим, и эту перемену было очень трудно выразить словами. Конечно, он воспринимался как бумага – обычный невесомый листок вроде тех, на которых художники любят делать зарисовки, но Сиони сразу же насторожилась. Держа бумагу, Сиони ощущала постоянное покалывание в пальцах. Могло ли это быть результатом Привязки? Наверное, метаморфоза произошла именно с ней, с Сиони! Не для того ли мг. Тейн потребовал, чтобы она притронулась к листку до ритуала, чтобы сейчас она почувствовала разницу?

Охваченная недоумением, Сиони кинула бумажку на кресло и, подбежав к двери, высунула голову наружу. Магичка Эйвиоски и Тейн удалялись по коридору и негромко переговаривались. Надо запастись терпением, решила Сиони. Когда маги скрылись на лестнице, Сиони прокралась по коридору, выждала, чтобы они вошли в столовую, и осторожно спустилась по лесенке, старательно переступив через

скрипучую девятую ступеньку. Выбравшись в холл, Сиони обнаружила, что мг. Эйвиоски, к счастью, переступила порог, а мг. Тейн последовал за ней, оставив входную дверь распахнутой настежь. Маги не прервали свою доверительную беседу, и Сиони моментально заподозрила, что они обсуждали нечто важное, что, по их мнению, ей вообще нельзя слышать. Мг. Эйвиоски никогда не полагалась на то, что Сиони в точности выполнит все ее рекомендации.

Она на цыпочках пробралась по коридору, не сводя глаз с неподвижной кучи бумажных костей Джонто, которые громоздились на полу. Что ж... пока до Сиони не доносилось ни одного внятного звука из разговора наставников, но девушка не решалась подойти ближе хотя бы на дюйм.

Вместо этого она повернула ручку двери кабинета мг. Тейна и вошла внутрь.

Здесь беспорядок казался более организованным, чем в других помещениях дома. Окно с полукруглым верхом, прорезанное в противоположной стене и выходившее на зачарованные ворота, пропускало в кабинет блеклый предвечерний свет. Раздвинутые желтые бумажные шторы позволяли увидеть, что стекла снаружи не мылись уже довольно давно. Внизу располагался металлический стеллаж с книгами, папками и толстенными тетрадами наподобие той, что мг. Тейн держал руках, появившись перед гостями. По диагонали от стеллажа стояли три трехстворчатых шкафа: каждый имел четыре полки, прогибавшиеся под тяжестью стопок бумаги, плотно прижатых друг к другу. Неимоверное количество бумаг было уже Сложено – вернее, хозяин начал самолично Складывать их, чтобы сэкономить время. Вероятно, V-образные Складки являлись краеугольным камнем в заклинаниях и позволяли мг. Тейну мастерить всякие безделушки. Сиони подумала, что ее ученичество в основном сведется к изготовлению никчемных первоначальных Складок, которые мг. Тейн потом будет использовать на досуге, и тяжело вздохнула.

Второе, прямоугольное, окно, затененное снаружи высокой ивой, было опутано бумажными цепями. Туго натянутая «паутина» изгибалась под острыми углами или же, наоборот, безвольно свисала разорванными на концах петлями. Последние оказались соединены между собой настолько ненадежно, что стоило потянуть, и вся конструкция неминуемо рассыпалась бы. Некоторые петли были синими, другие розовыми, третьи разноцветными. Цвет, разумеется, не имел значения. Сиони усвоила это из курса истории материалов, пройденного в Таджис-Прафф.

На бледно-зеленом ковре валялись мелкие обрезки бумаги. Вероятно,

мг. Тейн не занимался здесь уборкой или специально поработал над заклинанием, чтобы посильнее напугать Сиони. Девушка принялась озираться по сторонам в поисках чего-нибудь магического, но комната была так загромождена, что ей с трудом удавалось отличить пюпитр от письменного стола. Стены же, напротив, были практически пусты, если не считать одинокого диплома мг. Тейна, забранного в рамку, да пары книжных шкафов, которые притулились по углам.

Входная дверь захлопнулась, но Сиони решила не спешить. Она нагнулась, подобрала с ковра клочок бумаги, расправила его пальцами. И снова почувствовала под кожей легкое покалывание. Сиони начала изучать бумажные обрезки. Каждый из них имел причудливую симметричную форму, хотя самый крупный не превышал размером ее ногтя.

Дверь в кабинет отворилась.

– Любуетесь? – светским тоном поинтересовался мг. Тейн.

По крайней мере, не злой, подумала Сиони.

– Вы делали снежинки, – произнесла она и добавила, посмотрев на клочок бумаги в форме продолговатого сердца: – Я угадала?

Мг. Тейн кивнул с невозмутимым выражением лица.

– Вы очень проникательны, – заявил он, и его зеленые глаза блеснули.

Сиони выпрямилась и отряхнула коричневую юбку, ниспадавшую до самых щиколоток. Если бы в его глазах не светилась обезоруживающая искренность, она бы предположила, что он смеется над ней. Совершенно непонятный человек.

– Сиони, я полагаю, вы позволите мне называть вас по имени, – вымолвил мг. Тейн, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на груди. – Он на миг замолчал и продолжил, не дожидаясь ответа: – Складывание вовсе не такое скучное дело, каким вы, несомненно, его считаете. Возможно, оно не столь занимательно, как Плавление, и не поражает новизной, как Полиформовка, но это весьма творческий процесс. Позвольте я продемонстрирую вам все на практике.

Сиони преодолела желание нахмуриться и постаралась не показать виду, что предложение мг. Тейна нагнало на нее смертельную скуку. Но ничего не поделаешь: теперь ей предстоит стать ученицей мг. Тейна на целых два года, если не дольше! Надо ему понравиться...

В итоге Сиони изобразила вежливую улыбку и направилась к двери.

Мг. Тейн шагнул в коридор, но когда Сиони последовала за ним, он бросил короткий взгляд на что-то, лежащее на столе. Сиони застыла на месте. Почему она раньше не заметила этот конверт – точно такой же, как и тот, что покоился в боковом кармашке ее чемодана?

Сиони сделала шаг назад и потянулась к проволочной подставке, заполненной до отказа самыми разнообразными конвертами и открытками. Выудив из середины вороха персиковый конверт, Сиони недоуменно замотала головой. На сей раз она испытывала такое потрясение, что даже не почувствовала покалывания в кончиках пальцев. Письмо было адресовано вовсе не мг. Тейну, а в Кабинет магов... а адрес оказался написан ее рукой. Сиони отправила письмо туда, поскольку ее благодетельница не назвала своего имени, и она не знала, каким еще образом с ней связаться.

Вернее, с ним.

Сиони не требовалось вскрывать конверт, чтобы узнать текст. Она помнила свое послание наизусть.

Мой неведомый благодетель!

Не могу подобрать слов, дабы выразить Вам свою искреннюю благодарность за предоставленную Вами возможность учиться в Таджис-Прафф! Однако, к моему величайшему сожалению, я должна признаться, что не располагаю сведениями о том, кому именно адресовать мою глубочайшую благодарность. С детства я мечтала овладеть тайнами магии, но буквально несколько дней назад решила, что финансовое положение моей семьи и, пожалуй, мое личное невезение делают мою мечту недостижимой. Но сейчас я с радостью сообщаю Вам, что я официально зачислена в школу Таджис-Праффа для одаренных в магическом отношении детей и твердо намерена дать Вам возможность гордиться тем, что я успешно закончу обучение за один год.

Мое послание бессильно передать все мое ликование и мою благодарность по отношению к Вам, но умоляю Вас снисходительно отнестись к моей попытке сделать это при помощи бумаги. Вы в корне изменили к лучшему и мою жизнь, и жизнь моей семьи. Ваша щедрость и доброта сделали меня счастливой. Теперь я способна достичь чего угодно, ибо ничто на свете не сможет преградить путь моим стремлениям.

Именно Вы в корне изменили мою судьбу. Я лишь молюсь о том, что когда-нибудь в будущем я узнаю Ваше имя и хоть как-то смогу отблагодарить Вас за все.

Искренне Ваша, с самыми теплыми пожеланиями,

Сиони Майя Твилл

Сиони остолбенела.

– Вы... мой благодетель? – пролепетала она, ощутив легкое головокружение.

Мг. Тейн, поджидавший ее за дверью, приподнял бровь.

Сиони уставилась на конверт.

– Это моя благодарность... письмо... – выдавила она, чувствуя, как в груди часто колотится сердце и сначала шея, а потом и лицо заливаются красной краской. – Моя стипендия... ее дали вы.

Собеседник склонил голову к левому плечу.

– Учиться в Таджис-Прафф – жуткое дело, правда?

– Почему? – спросила она и, сделав паузу, сглотнула, чтобы голос не дрожал. У Сиони вдруг заболело горло. – Почему вы... финансировали меня?

Она с детства понимала, что сможет поступить в подготовительную школу магов – а без этого ее никто не принял бы в подмастерья, – только если добудет финансовую поддержку. Сиони прилежно училась в средней школе и затем подала заявление в Таджис-Прафф. Сперва ее действительно порекомендовали на учебную стипендию Мюллера, но потом девушке без каких-либо объяснений просто отказали! Убитая горем Сиони собрала вещи и приготовилась к отъезду в Уксбридж, где рассчитывала найти работу домашней прислуги и накопить денег на поступление в кулинарное училище. За четыре дня до намеченной даты отъезда руководство Таджис-Прафф сообщило ей о возможности получить анонимную стипендию в размере пятнадцати тысяч фунтов! Деньги позволяли Сиони оплатить год обучения в Таджис-Прафф, включая расходы на книги и жилье. Случилось чудо – ни один банк не согласился бы дать кому-то из обитателей трущоб Уайтчепелс-милл-сквотс такую огромную сумму. Сиони знала это по собственному опыту.

Прочитав телеграмму, Сиони расплакалась. И на следующий день написала благодарственное письмо.

А мг. Тейн – человек, которого она ни разу не видела вплоть до нынешнего утра и которого восприняла как сумасшедшего колдуна, – оказался ее анонимным благодетелем! Он дал ей деньги, даже не рассчитывая когда-нибудь вернуть их! Мг. Тейн проявил неслыханную щедрость и даже не потрудился представиться...

Да и сейчас мг. Тейн ничего не ответил Сиони.

– Ну что, пойдемте? – спросил он и махнул рукой, как будто отбросил

ее вопрос в сторону.

Сиони поняла – этот жест закрывал тему. Если бы мг. Тейн хотел поговорить о стипендии и высказать свои соображения, ему достаточно было бы просто указать в письме свое имя.

Ошарашенная Сиони положила письмо на место. Потирая шею и затылок, она поплелась следом за магом по коридору и далее через кухню и столовую. Ему-то, может, и все равно, но она должна кое-что выяснить!

На лестнице Сиони набралась храбрости.

– Вы заказали мое распределение? – спросила она.

– Уверяю, то, что вас направили сюда, – чистое совпадение. Или неудачная шутка мага Эйвиоски. Если, конечно, это можно назвать шуткой. Я всегда считал ее несколько... суховатой.

Совпадение! Вконец ошарашенная Сиони потеряла дар речи и потащила за мг. Тейном в библиотеку. На полу лежала ее форма подмастерья. Сиони надела передник, но к цилиндру не притронулась. Он ведь предназначался для официальных появлений на публике.

Мг. Тейн развернул кресло и усадил туда Сиони. Взяв со стола дюжину листов бумаги и нечто вроде разделочной доски, он по-свойски устроился прямо на зеленом коврике – при этом полы его несоразмерно большого пальто раскинулись вокруг, как женская юбка.

– Я... я могу уступить вам кресло, – предложила Сиони.

Она до сих пор испытывала разочарование из-за того, что ей пришлось стать Складывательницей, а кроме того, ей было неловко сидеть перед мг. Тейном. Он столько для нее сделал, а она не имеет никакого представления о причинах его поступка! Между прочим, Сиони отправляла своему благодетелю письмо целых четыре раза (оно трижды возвращалось к ней), пока не попало по нужному адресу.

Впрочем, нигде – ни на уроках, ни в учебнике по этикету – не говорилось о том, как нужно вести себя в столь щекотливой ситуации.

– Пустяки, – буркнул мг. Тейн, склоняясь над доской и не замечая того, что волосы упали ему на щеки, а длинные рукава закрыли кисти рук. – У меня есть свои привычки. Я никогда ничего не Складываю на коленях.

Спутанные мысли Сиони зацепились за последнюю фразу.

– На чьих-то коленях или только на ваших? – выпалила она.

Мг. Тейн метнул на нее быстрый взгляд, и Сиони уловила в зеленых глазах мага лукавые искорки – однако смех так и не сорвался с его губ.

– Полагаю, если я начну Складывать на коленях постороннего человека, он сочтет меня эксцентричным, не правда ли?

– Вас и без того могут счесть эксцентричным, – заявила Сиони и едва

не прикусила себе язык.

Что она говорит? Сиони зарделась. До того как она увидела филантропа воочию, все казалось куда более легким! А теперь даже взлелеянная на протяжении почти всей жизни раздражительность не могла бы ее сейчас спасти. Как же выйти из неловкого положения? Пожалуй, лучше всего притвориться, что минуту назад не случилось ровно ничего из ряда вон выходящего. Так будет проще, и ее благотворитель-наставник останется доволен.

К счастью, мг. Тейн улыбнулся и как ни в чем не бывало постучал костяшками пальцев по разделочной доске.

– Весь мир состоит из Складок, – объяснял маг, сворачивая квадратный лист оранжевой бумаги несколько раз пополам. – Но вы, Сиони, конечно же, в курсе азов. Суть в том, чтобы сделать Складки правильно. Их надо расположить единственно верным образом, иначе заклинания не сработают. Точно так же, как нельзя заклинять зеркало, если оно не может дать точного отражения.

– Или испечь фруктовый пирог, не имея нужных ингредиентов, – робко вставила Сиони.

Мг. Тейн снова кивнул в ответ, но ученица почувствовала, что даже столь скромный знак одобрения безумно важен для нее. Сиони пытливо наблюдала, как мг. Тейн так и этак поворачивал листок, аккуратно сгибая его в разных частях. Бумага слушалась мага и, можно сказать, текла под его пальцами, как вода, – мг. Тейну не требовалось прибегать к дополнительным усилиям, чтобы заставить материал повиноваться его воле.

А Сиони ловила движения, откладывая их в памяти одно за другим.

Мг. Тейн смастерил нечто вроде воздушного змея и развернул плоскую фигурку в высокий кристалл. Не слишком сложно. Однако Сиони не разглядела в бумаге птицу до тех пор, пока мг. Тейн не приблизился к завершению своей работы. Птаха получилась не похожей на тех, что висели в столовой, – у нее была изящная шейка, широкий хвост и треугольные крылья, сходящиеся на концах до игольной остроты. Подняв свое произведение на ладони, мг. Тейн произнес:

– Дыши.

Сиони набрала полную грудь воздуха, но приказ относился не к ней.

Бумажная птица встряхнулась и подпрыгнула, хотя мг. Тейн и не сделал ей лапок, а затем взмахнула оранжевыми крыльями и взмыла к потолку. Она кружила по библиотеке и пикировала к полу. Сиони вытаращила глаза. Птица дважды облетела комнату, после чего

пристроилась на шкафу, где хранились книги по каллиграфии.

Сиони слышала об одушевлении и уже познакомилась со скелетом Джонто, но лицезреть за тем, как рождается волшебство, было поистине *волшебным* впечатлением. С заклинаниями такого рода она еще не встречалась. В Таджис-Прафф не преподавали Бумажные маги. И, как сказала мг. Эйвиоски, их в Англии осталось только дюжина – и не больше! Если Сиони успешно завершит свое ученичество, их станет тринадцать. Но это произойдет через два года, а то и через все шесть... Кроме того, Сиони плохо представляла себя настоящим Складывателем.

Но она всей душой стремилась к магии, пусть и такой примитивной, как эта.

– И вы можете сделать с бумагой все, что угодно? – осведомилась Сиони.

– Воображение – наш лучший советчик, – ответил мг. Тейн. – Но для создания чего-то действительно оригинального надо потратить изрядное количество времени. Вам предстоит узнать, какие Складки действуют, а какие – нет.

– И много вы уже освоили?

Мг. Тейн ухмыльнулся, будто счел вопрос абсурдным. А его руки уже делали вторую фигурку – крохотную зеленую лягушку. Он приказал ей: «Дыши!» – и та поскакала прочь, то и дело замирая, чтобы оглядеться и выбрать себе новое направление. Сиони втайне надеялась, что изо рта лягушки вылетит язык в попытке поймать несуществующую муху, но, разумеется, не стоило ожидать, что бумажная копия будет выполнена во всех деталях.

– Джонто оказался крепким орешком, – сообщил мг. Тейн, принимаясь Складывать белый лист. – Чтобы собрать его как следует, у меня ушло несколько месяцев, особенно много возни было с позвоночником и нижней челюстью. Человеческая анатомия весьма хитроумна, а ведь нужно делать идеальные Складки, скажем, для плечевого сустава. Джонто состоит из тысячи шестисот девяти бумажных частей, но одушевлен как единое целое. Соедините все в правильном порядке, и ваше творение восстанет! Таков наш первый урок на сегодня.

Мг. Тейн умолк, демонстрируя лежавшую на ладонях пухлую рыбку. Маг коротко дунул в нее, придавая фигурке объем. Складки, похожие на крылья первой бумажной птицы, образовывали грудные плавники. Мг. Тейн поднес рыбку к лицу, что-то прошептал и выпустил ее на свободу. Она вильнула хвостом как живая и устремилась вверх. Сиони проследила за ней взглядом и только тут заметила, что потолок испещрен полосами

белой бумаги, прошитыми по краям толстой бечевкой. Белая рыбка приоткрыла рот, ухватилась за ближайший узелок, потянула его на себя и развязала.

И, к изумлению Сиони, потолок преобразился! Вниз полетели бумажные снежинки – некоторые крохотные, с ноготь Сиони, а другие – аж с ее ладонь величиной. Они сыпались сотнями, причем постепенно, как настоящий снег, и бумажные полосы на потолке истаявали прямо на глазах. Сиони вскочила с кресла и, рассмеявшись, протянула руку, чтобы поймать снежинку. Та оказалась ледяной, но не таяла на ладони, а лишь слегка покалывала кожу.

– Когда же вы это наколдовали? – спросила она и обнаружила, что у нее изо рта вылетело облачко пара, сквозь которое, как хрусткие конфетти, продолжали неторопливо падать снежинки. – На такую магию, наверно, ушли... годы.

– Отнюдь, – возразил мг. Тейн. – С опытом все получается быстрее, – добавил он, сидя на коврике.

Неужели творившаяся вокруг магия оставила его равнодушным? Хотя, несомненно, волновала – ведь она была его творением.

– Магичка Эйвиоски обмолвилась, что вы, узнав о своем назначении, не запрыгали от радости, и я не виню вас в этом. Но волшебство, творящееся посредством бумаги, имеет свою прелесть.

Сиони выпустила пойманную снежинку и, повернувшись к мг. Тейну, уставилась на него. Неужели он колдовал ради нее?

«Пожалуй, он не сумасшедший. А может, у него такое сумасшествие, какому я даже радоваться буду», – подумала она.

Когда последняя снежинка опустилась на пол, мг. Тейн поднялся и взял с полки тонкую книжку в твердом переплете. Жестом указал Сиони, чтобы она снова села в кресло. Она повиновалась.

Мг. Тейн протянул ей книгу. На обложке красовались тисненые серебром изображение мыши и название «Дерзкое бегство Пипа». Сиони мысленно отметила, что стоило ей прикоснуться к книге, как по ее коже опять побежали колющие мурашки. Интересно, привыкнет ли она к новому колдовскому ощущению?

– Детская сказка? – спросила она. По крайней мере, в снежинках было нечто захватывающее дух.

– Сиони, я не из тех, кто согласен попусту тратить время, – проворчал мг. Тейн.

Он окинул пронзительным взглядом Сиони, потом ковер из бумажных снежинок, нахмурился и еле заметно прищурил глаза.

Вероятно, он бы предпочел, чтобы его творения ложились на пол ровными рядами на должном расстоянии друг от друга, но настоящий снег никогда не ведет себя подобным образом, пронеслось у Сиони в голове.

– Я намерен чему-то научить вас. Рассматривайте это как домашнее задание.

Сиони обмякла в кресле.

– Домашнее задание? Но я еще не распаковала...

– Читайте с самого начала, – перебил он, дернув подбородком.

Недовольно сжав губы, Сиони открыла книгу на первой странице, где был изображен серый мышонок, сидящий на листочке раскидистого дерева. Чутье тотчас шепнуло ей, что она уже видела эту картинку, и Сиони мигом восстановила в памяти клонившийся к вечеру дождливый день примерно семилетней давности. Тогда Сиони поручили присматривать за сынишкой соседей. Расстроенный отсутствием матери ребенок полчаса рыдал под дверью. В конце концов Сиони стала рыться в книжном шкафу и нашла потрепанный экземпляр «Дерзкого бегства Пипа». Она прочитала ее малышу от корки до корки. Мальчик перестал хныкать на четвертой странице.

Сиони решила не делиться с мг. Тейном своим давним воспоминанием.

– «Однажды утром мышонок Пип вышел прогуляться и увидел прямо возле пенька, под которым жил, большой кусок золотистого сыра», – прочитала она.

Когда она собралась перевернуть страницу, мг. Тейн остановил ее.

– Хорошо, – произнес он. – А теперь прочтите еще раз.

Сиони оторопела.

– Еще раз? – повторила она.

Он кивнул.

Сдержав тяжелый вздох, Сиони повиновалась:

– «Однажды утром мышонок Пип вышел...»

– Сиони, вложите хоть малую толику выразительности в текст! – хохотнул мг. Тейн. – Разве вам в Праффе не рассказывали о словесных иллюзиях?

– Я... нет. – Если честно, то Сиони не имела понятия о том, что упомянул маг, и почувствовала, что всерьез расстраивается, несмотря на все свои попытки избежать этого состояния. Она не привыкла дважды повторять одну и ту же ошибку и почувствовала себя глупой неумехой.

Мг. Тейн оперся о стол.

– Как написана данная история?

– А что это за вопрос?

– Он из тех, на которые следует отвечать.

Сиони насупилась. В словах мага угадывалось недовольство, но произнес он их небрежным, чуть ли не ленивым тоном.

– Несомненно, она написана на бумаге.

Мг. Тейн щелкнул пальцами.

– Именно! А бумага теперь ваша бесспорная вотчина. Сиони, придайте смысл вашим действиям. И перестаньте нервничать, – добродушно добавил он и улыбнулся.

Сиони вспыхнула и обругала свою светлую кожу, всегда выдававшую ее смущение. Откашлявшись и стараясь сохранять спокойствие, она медленно прочитала абзац.

Мг. Тейн потребовал прочесть в третий раз. Сиони сглотнула, зажмурилась и вообразила соседский дом, в котором она семь лет назад присматривала за маленьким мальчиком. Тогда он сидел у нее на коленях, а она держала в руках его любимую книгу. «Ты вроде бы опять читаешь ему, – приказала она себе. – Давай, не бойся».

Тогда, может быть, Бумажный маг отпустит ее восвояси. Она, кстати, уже в третий раз пересматривает свое мнение насчет его душевного здоровья!

– «Однажды утром мышонок Пип вышел прогуляться, – произнесла Сиони, читая с теми же интонациями, которые использовала семь лет назад, стараясь утешить расстроенного малыша, – и тут же увидел прямо возле пенька, под которым жил, большой кусок золотистого сыра!»

– А теперь то, что нужно. Можете убедиться сами.

Сиони открыла глаза и едва не выронила книжку.

Она увидела серого мышонка – тот парил в воздухе, как привидение, и смешно подергивал носиком. За ним, как усталый червяк, тянулся хвост. Рядом возвышался пенек, накрытый зеленым листом, и лежал крупный кусок золотистого сыра, и все это представляло собой точную иллюстрацию к первой прочитанной фразе. Живая картина висела прямо на уровне ее глаз, и Сиони смутно различала сквозь нее книжный шкаф, стоящий в углу.

Сиони подавилась словами, которые собиралась произнести.

– Ч-что т-такое? Это я сделала?

– Хм-м-м... – протянул мг. Тейн. – Очень помогает, если есть возможность заранее увидеть образ, например в книжке с картинками. Уверен, что со временем вы сможете разыгрывать по своему желанию целые эпизоды из любого романа. Признаюсь, вы удивили меня: я-то думал, что мне придется самому показать вам основы данного рода магии.

Но, похоже, вы уже знакомы с историей Пипа.

Сиони вновь зарделась – и от похвалы, и от того, что ее уличили в чтении совершенно детской, по ее мнению, сказки. Призрачная картинка просуществовала мгновение и рассеялась, как и должно случаться со всеми непрочитанными историями.

Сиони решительно захлопнула книгу.

– Это... восхитительно и действительно сверхъестественно, – проговорила она, глядя на мг. Тейна. – Эстетически сверхъестественно, если так можно сказать.

– И занимательно, – заявил он. – Никогда не отказывайтесь от развлечений, Сиони. Хорошее развлечение будет приятно всем и каждому. А теперь – очередной трюк. – Мг. Тейн взял со стола квадратный лист бледно-серой бумаги и принялся Складывать его на весу, не пользуясь доской.

Складки казались относительно простыми, но когда маг закончил работу, в руках у него было нечто вроде короба для яиц – правда, на четыре яйца и без крышки.

Достав из-за пазухи ручку, мг. Тейн начал что-то писать на бумажной поверхности своего произведения. Сиони обратила внимание, что он левша.

– А как это называется? – любопытствовала Сиони и, поднявшись, положила «Дерзкое бегство Пипа» на освобожденное кресло.

Уголки губ мг. Тейна поползли вверх.

– «Коробка случайностей», – ответил маг и, подбросив свое творение в воздух, поставил стоймя его треугольные клапаны.

Сиони, привстав на цыпочки, заглядывала ему через плечо, а мг. Тейн чертил символы на каждом из Сложенных треугольников. Сиони сразу узнала очертания знаков судьбы: точно такие же изображены на картах предсказателей, которые те раскладывают в шатрах в дни карнавалов.

– Я не предсказательница, – пробормотала она.

– Теперь – предсказательница, – парировал мг. Тейн, демонстрируя «коробку случайностей» во всей ее красе. – Не забывайте, Сиони, вы сильно отличаетесь от прежней Сиони, той, какой вы были еще час назад. В Таджис-Прафф вы просто читали о магии, а теперь получили ее в свое распоряжение. Но отрицание этого не вернет вас к состоянию обычного человека.

Сиони задумчиво кивнула.

– Итак... – протянул мг. Тейн и посерьезнел. – Назовите мне девичью фамилию вашей матери.

Сиони крепко переплела пальцы. Если мг. Тейн и впрямь сумасшедший, выдать ему девичью фамилию матери было бы по меньшей мере неразумно. За время учебы Сиони доводилось слышать о множестве ужасных старинных проклятий, в которых использовались имена, и она очень настороженно относилась к магии имен.

Мг. Тейн мрачно взглянул на Сиони.

– Можете доверять мне. Если вы беспокоитесь, то подумайте хотя бы о том, что я мог бы получить эти сведения, запросив из Праффа ваше личное дело.

– Прямо от сердца отлегло! – язвительно буркнула Сиони, не сдержав улыбки. – Ее фамилия Файлинджер.

Мг. Тейн распахнул «коробку случайностей», как большой бумажный рот, а затем сложил ее заново, открывая все буквы в фамилии Файлинджер.

Она была распространенной, и поэтому он записал ее без ошибок.

– А теперь – дату вашего рождения.

Сиони назвала дату, и маг вновь принялся складывать коробку.

– Назовите число.

– Тринадцать.

– Не больше восьми.

Сиони вздохнула.

– Восемь.

Высвободив одну руку, мг. Тейн поднял клапан, открыв символ, которого Сиони не смогла разглядеть. Мг. Тейн уставился в потолок.

– Занятно... – тихо произнес он.

– Что? – воскликнула Сиони, пытаясь заглянуть в коробку, но маг моментально ее захлопнул.

– Видеть свою собственную судьбу – не к добру. И чему сейчас учат школяров? – пробурчал он, прищелкнув языком.

Сиони теперь вообще не понимала, шутит он или же нет, поскольку мг. Тейн опустил голову, занялся коробкой и вывести секрет по его глазам было невозможно.

– А впереди вас ждет немало приключений, – добавил он вполголоса.

«Да уж! Жить в вашем обществе – то еще приключение, – подумала Сиони. – Никому мало не покажется». Однако едва только мысль успела оформиться в ее мозгу, какая-то часть Сиони успела пожалеть об этом. Определенно, мг. Тейн не нанес ей никакой личной обиды... пока.

– И больше вы ничего не нашли... внутри? – спросила она.

– Увы, – ответил он, протягивая Сиони «коробку случайностей».

В пальцах Сиони закопошились щекотные мурашки – тело отметило

свежую магическую связь.

– Уловили? – спросил мг. Тейн.

– Ваши действия?

– Да.

– Ага. Это было не слишком сложно.

– Тогда прошу.

Сиони аккуратно взяла коробку кончиками пальцев.

– Какую девичью фамилию носила ваша мать?

– Владейра, – произнес маг. – С одним «р».

Сиони открыла и закрыла коробку, подражая мг. Тейну, а потом пересобрала ее в соответствии с датой рождения наставника. Она угадала верно – ему было тридцать лет, а в следующем месяце исполнится тридцать один. Когда пришла пора выбрать число, мг. Тейн назвал три.

– Тройка – к несчастью, – фыркнула Сиони, отгибая уголок.

– Только для Плавильщиков, – возразил мг. Тейн, напомнив между делом (может, намеренно, а может, и нет), что путь Плавильщика для нее закрыт навсегда.

Сиони прикусила щеку, чтобы не показать виду, что до сих пор огорчена из-за своей участи.

Теперь ей открылся сложный завиток. Что за таинственный знак? Если бы она видела его прежде, то непременно узнала бы. Но не успела Сиони и рта раскрыть и спросить, что он значит, как ее зрение раздвоилось. В воображении Сиони возник странный образ: силуэт незнакомой ей женщины. Но в ее мозгу тотчас вспыхнуло имя. Неужели это нормально для Бумажных магов?

Сиони опустила «коробку случайностей» и сурово осведомилась:

– Кто такая Лира?

Выражение лица и поза мг. Тейна не изменились, но Сиони могла поклясться, что на секунду взор мага потемнел и устремился куда-то в прошлое. Зеленые глаза мг. Тейна как-то потускнели и утратили часть прежнего блеска... Возможно, просто солнце за окном библиотеки стало светить ярче и все дело было именно в этом, хотя Сиони полагала, что причина кроется совсем в другом.

Маг побарабанил двумя пальцами по подбородку.

– Интересно...

– И кто же она?

– Знакомая, – ответил он и широко улыбнулся. – Сиони, по-моему, у вас исключительный талант, что, конечно же, пойдет на пользу нам обоим. Попробуйте в этой области и с книгой – мне хотелось бы в субботу

увидеть иллюзию целиком. И, кстати, почему бы вам не заняться распаковкой вещей?

Мг. Тейн больше ничего не сказал о «коробке случайностей». Будто забыв о ней, он направился к двери, выглянул в коридор и крикнул:

– Дыши! – а спустя две секунды добавил: – Джонто, не мог бы ты помочь ликвидировать беспорядок?

Сиони водрузила «коробку случайностей» на стол, подумав, что беспорядок, о котором говорил мг. Тейн, мог относиться и к снежинкам, и к ней.

Глава 3

Перед тем как Джонто появился на пороге, Сиони, зажав под мышкой «Дерзкое бегство Пипа», успела подобрать с пола дюжину снежинок. Несмотря на явную покорность и бумажные кости, присутствие скелета слегка нервировало Сиони, и она поспешила откланяться. Одну из самых маленьких снежинок она сунула в карман передника, чтобы изучить на досуге.

Мг. Тейн скрылся в своей спальне, и Сиони направилась к себе. Кинув на стол книгу и цилиндр, она взгромоздила чемодан на кровать, где уже покоилась бежевая шляпка, которую Сиони привезла с собой.

Дважды щелкнув, открылись замки чемодана. Сверху лежал зеленый ученический передник, который Сиони сунула в последнюю минуту, решив, что он ей еще пригодится. Отшвырнув его в сторону, она принялась вытаскивать блузки и юбки, встряхивая каждую и разглаживая морщинки на ткани. К счастью, маг не забыл повесить в шкаф плечики, и Сиони аккуратно развесила на них все предметы своего гардероба.

Взяв в руки последнюю юбку, она погрузилась в размышления. Куда, скажите на милость, ей спрятать нижнее белье и пистонный револьвер? А тут еще возникла проблема воздаяния за дарованное ей образование. Да уж, пятнадцать тысяч фунтов – вовсе не шутка! Где Сиони была бы сейчас, если б не эти деньги? Мыла бы полы у богатенького аристократа в надежде накопить на поступление в кулинарное училище?

Но, самое главное, почему мг. Тейн проявил столь неслыханную щедрость? Сиони никогда прежде с ним не виделась, в противном случае она бы сразу запомнила встречу. Кроме того, сама стипендия не имела названия и не содержала условий для возврата средств. Сиони не могла поверить, что ее заметили и выбрали как адресата разового пожертвования исключительно за отличную успеваемость, в чем ее, похоже, хотел убедить маг.

Или все было именно так?

Кто вообще такой этот маг Эмери Тейн, который озолотил совершенно незнакомого человека и даже не потребовал, чтобы стипендиата направили к нему в ученики?

Вернувшись к разборке чемодана, Сиони задумалась о том, сколько в действительности зарабатывает маг. Вероятно, прилично, если только мг. Тейн не копит деньги, складывая в кучу, как поступает со всяким хламом,

которым полон его дом. Сиони надеялась, что его доход окажется по-настоящему велик. Иначе она будет мучиться от страшных угрызений совести. Пожалуй, лучше не проявлять излишнего любопытства, хотя этот вопрос ее очень заинтриговал.

Впрочем, сейчас надо заняться другим и полностью сосредоточиться на задании. Сиони полезла в чемодан, где оставалась ее косметика, шпильки и заколки для волос, дневник и библиотечная карточка, которая вряд ли пригодится ей здесь, в таком захолустье. Неожиданно ее мысли вновь изменили направление. Девушка наткнулась на собачий ошейник бирюзового цвета, лежавший в углу среди ее белья. Сиони провела пальцами по краям, разлохматившимся от постоянного жевания. Вчера она отвезла джек-рассел-терьера Биззи матери, которая теперь будет ухаживать за собачкой.

Сиони вздохнула. Биззи была ее лучшей подругой на протяжении последних лет и не давала ей приуныть, когда Сиони училась в магической школе Таджис-Праффа. Тем, кто стремится закончить обучение экстерном, трудно находить время для того, чтобы обзавестись друзьями. Дни забиты уроками и лекциями! Но Биззи не нужно было делать домашние задания, и она всегда дожидалась, когда же Сиони вернется в свою спальню. Биззи и впрямь была самым верным другом, о котором можно только мечтать.

– У вас есть собака? Или очень большая кошка?

Сердце Сиони оборвалось, и она крутанулась на месте, с треском захлопнув крышку чемодана. В дверях, не переступая порог спальни, застыл мг. Тейн с внушительной стопкой книг. Зря она не закрыла дверь.

Сиони стиснула в кулаке ошейник.

– У меня была собака. Она жила со мной в Таджис-Праффе. А теперь все изменилось. Магичка Эйвиоски сказала, что я не могу взять Биззи с собой... из-за вашей аллергии.

Мг. Тейн медленно кивнул, и его зеленые глаза ярко сверкнули.

– Я всегда неважно переносил присутствие животных, даже в детстве, – признался он. – Я любил пчел.

– Пчел? – повторила Сиони.

Он посмотрел на нее так, будто это предпочтение было всеобщим. Что ж, пожалуй, Сиони следует не удивляться вкусам своего наставника!

Мг. Тейн, по своему обыкновению, не стал ничего добавлять, хотя был настроен вполне дружелюбно.

– Вы позволите мне войти? – спросил он.

– Да.

Толкнув ногой дверь, чтобы она открылась пошире, мг. Тейн

переступил порог комнаты и взгромоздил стопку книг на письменный стол. Сиони поежилась – она забеспокоилась, что все они предназначены для нее.

– Полистайте на досуге, когда вы устанете от Пипа, – пояснил мг. Тейн, хлопнув по верхней обложке ладонью.

Сиони, склонив голову набок, прочла надписи на корешках: «Астрология для юношества», «Анатомия человеческого тела. Том I», «Руководство по пиротехнике» Маркуса Уотерса, «Теория полета» и «Усмирение духов: Введение в дао». С каждым названием Сиони чувствовала себя все более обескураженной.

– Но ведь тут ничего нет про бумагу, – выпалила она.

– Хм-м-м... Теперь мне ясно, почему вас приняли в Таджис-Прафф, – пробурчал Тейн. Сиони бросила на него яростный взгляд, но он, ничуть не смутившись, продолжал: – Сиони, бумага – это не просто древесина, пропущенная через измельчитель. Пусть книги послужат вам стимулом для будущих уроков.

Маг постучал пальцами по подбородку и задумчиво взглянул в окно.

– Вы не проголодались? – поинтересовался он.

Сиони положила ошейник Биззи.

– Не очень. Я перекусила по дороге, в повозке.

– Ладно, я оставлю вам что-нибудь на плите, – подытожил он, направляясь к двери. – Отдохните, Сиони, – добавил он приглушенным голосом, выйдя в коридор. – Завтра у вас будет напряженный день. Мы же не хотим изменять трудовой этике Таджис-Прафф, верно?

Сиони окинула взглядом внушительную стопку книг, гадая, какую же работу Бумажный маг мог запланировать для нее. Ей доводилось слышать, что сперва многие наставники загружают своих учеников физическим трудом, дабы смирить, а может, и сломать новичков. Сиони взмолилась, чтобы с ней не случилось такого. Впрочем, не будет ничего удивительного, если окажется, что мг. Тейн вознамерился сначала сломить ее разум под тяжестью колдовских томов. Пожалуй, она могла быть уверенной лишь в том, что ей не придется заниматься прополкой – в садике перед домом не росло ни единого живого цветка.

Затем Сиони закончила распаковку вещей. Она быстро сложила косметику, заколки, дневник и ошейник Биззи на комод, который стоял в стенной нише возле кровати. Белье и револьвер она оставила в чемодане, который засунула под кровать. Солнце неторопливо склонялось к западу. Ей нужны часы, подумала Сиони. Она купит их, если мг. Тейн даст ей немного жалованья. Надо будет завтра же с утра попросить его об этом.

Устроившись на кровати, Сиони раскрыла весьма потрепанную «Астрологию для юношества» и пробежала глазами первые четыре главы, а потом просмотрела иллюстрации в «Анатомии человеческого тела», читая подписи к изображениям легких, почек, сердца и печени. Улегшись на подушку с «Теорией полета» на животе, Сиони представила себе бумажный снегопад и вскоре скользнула в суматошный сон. Ей пригрезились заколдованные пушки и другие заклинания, которые она могла бы выучить, если бы только мг. Эйвиоски позволила ей стать Плавильщицей.

Проснувшись Сиони внезапно и вздрогнула, словно от удара. Наверное, ей опять приснилось падение. Навязчивый кошмар преследовал Сиони по меньшей мере раз в неделю с одиннадцатилетнего возраста, когда она во дворе дома двоюродного брата своего дяди свалилась с крапчатой кобылы.

За окном ее новой спальни не было ни намека на солнечный свет. Прижавшись к стеклу, Сиони увидела в ночном небе абрис луны в третьей четверти. Уже очень поздно, вероятно, первый час пополуночи.

Прислушиваясь к бурчанию в животе, Сиони пару раз моргнула, разгоняя дремоту, и оправила юбку, которая закрутилась вокруг ног. Заодно она расчесала и заплела свалывшиеся волосы, поскольку в таком неопрятном виде не стоило попадаться кому-то на глаза. Правда, здесь не жило ни души, кроме мг. Тейна и его скелета-дворецкого, но пугать наставника (а то и Джонто) своим внешним видом ей тоже не хотелось.

Сиони было непривычно находиться в доме, погруженном во тьму, и она торопливо зажгла свечу. Что ни говори, а в Таджис-Прафф коридоры всегда озаряли электрические лампы или светильники, огонь в которых поддерживали огненные маги! Добравшись до кухни, девушка обнаружила на плите две кастрюльки. В одной находился рис, который, похоже, успел слегка прокиснуть, а в другой – нечто похожее на консервированного тунца. Сиони пожалала плечами. Это что – обычный ужин мг. Тейна или он так угощает гостей? Если рис и тунец предназначены для визитеров, то трудно даже вообразить, что с аппетитом уплетает хозяин наедине с Джонто! Не исключено, что мг. Эйвиоски направила ее сюда только для того, чтобы обеспечить опытного мага Англии нормальной едой и не дать ему загнуться, после чего в стране осталось бы не двенадцать, а уже одиннадцать Бумажных магов.

Утром ей придется обследовать кухонные шкафы и разобраться, какие съестные припасы имеются у мг. Тейна.

Сиони отыскала тарелку и взяла горсть риса, но не притронулась к рыбе. Сделав пару шагов в направлении своей комнаты, она уловила странные звуки – может, кто-то задвинул ящик в столе или комод. Не в

силах противостоять любопытству, Сиони положила в рот ложку риса, пересекла на цыпочках кухню и столовую и увидела в коридоре полоску света. Она падала как раз из двери кабинета мг. Тейна.

Сиони зачерпнула еще ложку риса. Какое же хобби заставляет наставника бодрствовать глубокой ночью? В голову ей пришла мысль о том, что он втихомолку балуется темными искусствами, но, к счастью, полный рот не позволил Сиони рассмеяться. Она представила себе, что мг. Тейн (сумасшедший он или нет) истово развлекается работой с тенями, а то и Потрошением, запретной магией, источником силы для которой служит человеческая плоть, что уже не показалось ей забавным.

А когда она припомнила то, что рассказывал об Потрошении мг. Филлипс, преподаватель истории колдовских воздействий, у нее по спине пробежали мурашки.

«Материальную магию, конечно, можно творить при помощи веществ, сотворенных человеческими руками, но много лет назад кое-кто решил, что, поскольку люди порождают людей, их тоже можно считать человеческими созданиями. Так возникли темные искусства. А сейчас откройте сто двадцать шестую страницу».

Сиони потерла пальцами зудевшую шею. Теперь подобные вещи встречаются только в страшилках, которые рассказывают у костров, да на уроках истории в Таджис-Прафф. Вдобавок Сиони видела, как мг. Тейн творил Бумажную магию, а значит, он не мог быть адептом Иссечения.

Сиони прокралась по коридору вдоль стены, радуясь тому, что половицы здесь не скрипели и не выдали ее. Приблизившись к кабинету, она услышала тихий напев. Мг. Тейн что-то гудел себе под нос, но Сиони не разобрала мелодии. А то, что она уловила, казалось... чужеземным.

Он оставил дверь чуть приоткрытой. Сиони чуть-чуть подтолкнула створку указательным пальцем и прищурилась.

Мг. Тейн работал, сидя спиной к двери за узким столиком, приставленным к его письменному столу. Под правой рукой у него находилась стопка стандартных белых листов, свою ярко-синюю хламиду он бросил на спинку кресла. Продолжая напевать, маг взял из стопки лист и принялся Складывать его. Сиони толком не рассмотрела действий своего наставника. Но что же он наколдовывал после полуночи?

Стараясь двигаться бесшумно, Сиони отступила от двери и направилась обратно в столовую. Она не любила тайн, особенно таких, в которых не принимала активного участия. Ну ничего, скоро она нажмет на мг. Тейна по этому поводу. А может быть, и нет.

Где-то ближе к утру мг. Тейн, судя по всему, отправился спать. По

крайней мере, когда Сиони спустилась вниз (ровно в девять часов и одну минуту), в кабинете его и след простыл.

Сиони, разумеется, надела передник подмастерья и заплела косу, но не стала ни подравнивать брови, ни румяниться, что с недавних пор вошло в моду в городе. В этом просто не было смысла: кого, спрашивается, она должна здесь очаровывать? Перетащив один из стульев из столовой на кухню, Сиони забралась на него, проверила содержимое подвесных шкафчиков и нашла там солидные запасы провизии. У мг. Тейна имелись все ингредиенты для того, чтобы, например, испечь шоколадный кекс, хотя, как заметила Сиони, банки и пакетики были не распакованы. Подле водопроводной раковины стоял огромный мешок с рисом, в хлебнице было полкраюхи хлеба, а в леднике, который Сиони обнаружила за кухонным столом, – яйца и изрядное количество разнообразного мяса. В леднике оказалось также несколько горстей бумажных конфетти. Сиони задумалась о том, зачем их сюда положили – то ли по случайности, то ли для заклинания, – но потом смахнула их с бекона и вынула из ящика коробку с яйцами, кусок чеддера и перевязанный пучок фенхеля.

Сиони достала сковородку, разожгла плиту и услышала непонятные звуки. Царапанье и шорох бумаги по дереву, доносившиеся из коридора. Решив, что это Джонто, она стиснула в кулаке кухонную лопаточку, чтобы отбиваться ею, но когда дверь с легким скрипом приотворилась, за нею оказалось нечто гораздо меньшего размера.

Сиони ахнула от изумления. Перед нею, помахивая хвостиком, стояла бумажная собачка.

Ее туловище состояло из десятков бумажных частей, которые почти не приметно переходили одна в другую – от головы до подушечек лап и кончика хвоста. Глаз у нее не было, зато имелись ноздри и пасть, которая открывалась – и тогда из нее вылетал хриплый звук, отдаленно похожий на лай. Она подбежала к Сиони, уткнулась ей в ноги, гавкнула и принялась обнюхивать туфли девушки.

Сиони запоздало поняла, что собака похожа на помесь лабрадора и терьера.

Она остолбенела, положила лопаточку на плиту, выронила пучок фенхеля и, наклонившись, погладила бумажную голову псины. Та оказалась неожиданно плотной на ощупь – у Сиони появилось ощущение, будто она гладила настоящую мохнатую шерсть.

– Привет! – сказала Сиони, и песик подпрыгнул, уперся передними лапами в ее колени и высунул сухой бумажный язык.

Сиони расхохоталась и почесала песика между ушей, а он зафыркал от

удовольствия.

– Откуда ты такой взялся?

Дверь снова заскрипела, извещая о появлении мг. Тейна. Он выглядел усталым, но отнюдь не вымотанным – на нем был тот же балахон цвета индиго.

– Меня точно не обсыплет крапивницей, – сказал он, улыбнувшись и губами и глазами. – Это, конечно, не заменит настоящую собаку, но, надеюсь, она придется вам по душе, Сиони.

Сиони выпрямилась и широко распахнула глаза. Бумажный песик издавал шелестящий шепот и тыкался носом в ее лодыжки.

– Собаку сделали вы? – прошептала Сиони, чувствуя, что у нее засосало под ложечкой. – Вы... вы колдовали целую ночь?

Он почесал в затылке.

– Вы проснулись? Прошу прощения... я отвык от того, что в доме может быть кто-то, кроме меня.

«Отвык...» – мысленно повторила Сиони. Мг. Тейн казался достаточно молодым для того, чтобы иметь хотя бы одного ученика до нее (если он это имел в виду). Жаль, она не сообразила спросить мг. Эйвиоски о предыдущих подмастерьях мг. Тейна, если таковые действительно здесь были. А сейчас, когда под ногами фыркает очаровательная псина, ей надо повременить и не приставать к наставнику с глупыми расспросами.

Мг. Тейн сотворил собаку для нее. Потому что она упомянула о Биззи.

Сиони покосилась на песика, потом опять взглянула на мг. Тейна. Сильно ущипнула себя за руку, чтобы не заплакать, хотя слезы уже брызнули из ее глаз.

– Спасибо вам, – пролепетала она. – Я... я очень тронута. Не стоило вам... в общем, огромное вам спасибо. – Она схватила лопаточку. – Хотите завтракать? Я как раз собралась готовить...

– Значит, у меня есть уйма свободного времени, – буркнул мг. Тейн, уставившись на дверь. – Если вы не возражаете...

Она кивнула головой: мол, конечно же, нет! Мг. Тейн улыбнулся глазами и был таков.

Сиони направилась к леднику, чтобы взять еще яиц.

Свежеиспеченный песик потрусил за ней, обнюхивая пол на ходу. Сиони присмотрелась к его бумажным суставам, двигавшимся как одно целое: теперь-то ясно, о чем вчера вещал ее нелюдимый наставник!

Наклонившись, Сиони подняла упавший фенхель.

– Пожалуй, я назову тебя Фенхелем, – заявила она, обращаясь к песику и складывая яйца в карманы передника. – Может, эта кличка подошла бы

коту, но ты ведь не настоящая собака... да и звучит совсем неплохо.
Фенхель склонил голову набок, плохо понимая, чего от него хотят.

* * *

Мг. Тейн завтракал у себя в кабинете, заваленном книгами и тетрадками. После еды Сиони занялась иллюзиями чтения – ей удалось воссоздать в воздухе три из четырнадцати страниц, и Фенхель каждый раз пытался изловить появлявшуюся мышь. Песик отвлекал Сиони, но она нисколько не сердилась. Она даже надела на Фенхеля бирюзовый ошейник Биззи. Он пришелся песику впору.

Сразу после полудня мг. Тейн позвал Сиони в библиотеку и, показав ей стопку бумаг на столе, объяснил, как много значат для магии плотность и зернистость поверхности. Маг показался ученице слегка рассеянным и то и дело повторялся, но Сиони решила его не перебивать. Ее очень обрадовало, что наставник не запряг ее в физическую работу. Мысли о своей горькой участи уже не одолевали ее, как вчера, и она почувствовала, что почти благодарна мг. Тейну за сегодняшний урок. То, чему учил ее наставник, постепенно закреплялось в той части ее существа, что так страстно стремилась к познанию. Вскоре Сиони поймала себя на том, что полностью поглощена лекцией мг. Тейна, и когда в конце урока безошибочно пересказала ему все услышанное об особенностях бумаги, то прямо расцвела от его похвалы.

– Совершенно верно, – произнес он, глядя в окно на что-то такое, чего Сиони не видела сквозь стекло.

– Вы чем-то обеспокоены? – вежливо осведомилась Сиони, заметив, что он раскладывает листы не в те пачки на столе.

Взяв бумагу у него из рук, она положила их правильно, не забыв тщательно выровнять стопки.

– А?..

– Вы чем-то обеспокоены? – повторила она. – Ваши мысли сейчас витают где-то далеко.

Что, если он всегда под вечер делается немного несобранным? Но она знакома с ним меньше суток – и ей попросту не с чем сравнивать его поведение. Что же с ним творится? Так или иначе, но Сиони была уверена, что никакого безумия тут и в помине нет.

– Вы правы, – согласился маг после паузы и вновь погрузился в раздумья. – Мои мысли заняты тем, что нужно делать с новым учеником и

тому подобными вещами, – тихо добавил он.

– Я у вас первая?

– Вторая с половиной, – ответил он.

– С половиной? – выдохнула Сиони. – Как же может быть половина ученика?

– Последний не выдержал всего срока, – туманно произнес наставник.

Сиони была озадачена, и в ее горло словно проскользнула бусинка страха. Несчастный случай? Сбежал? Изгнан? Кстати, маги часто увольняют подмастерьев?

Сиони прикусила щеку. Разумеется, мг. Тейн ее не выгонит. Англия позарез нуждается в Бумажных магах. Какая выгода в том, чтобы разбрасываться талантливыми выпускниками Таджис-Прафф? И потом, уже можно не брать в расчет то, что она, Сиони, не мечтала стать Складывателем. Кроме того, еще вчера она получила Привязку к бумаге...

До этой минуты у Сиони не было никаких сомнений в надежности своего положения, но внезапно ее желудок перехватило резким спазмом. Она приложила столько усилий для того, чтобы стать тем, кем она оказалась, – пусть даже ей предстоял путь Складывательницы, а не Плавильщицы! Она должна пройти обучение у мг. Тейна!

На миг она увидела перед собой звезды, вспомнила дорожную аварию, запах подгоревшего лука... Миссис Эпплтон, кричавшую на нее, когда она вылила вино...

Зажмурившись, Сиони отогнала тяжелые воспоминания. Обучение – это вам не очередная работа. Если мг. Тейн выдворит ее отсюда, вернуться обратно она уже не сможет. Теперь Сиони намертво привязана к бумаге – и только к ней, правда, пока она еще не имеет права полновластно распоряжаться этим ломким материалом. Но, с другой стороны, она ведь не хочет стать несостоявшейся магичкой, которой запретили колдовать из-за нарушения правил.

– Вы как будто съели лимон с кожурой, – заметил мг. Тейн, снимая плотный лист аспидного цвета с самой правой стопки, возвышавшейся возле телеграфного аппарата.

– Я подумала о том, какой незадачей было бы оказаться связанной с чем-то, а затем бросить свое занятие, – призналась Сиони.

– Верно. А сейчас позвольте показать вам основные Складки, если, конечно, вы не проходили этого в Прафф.

Сиони покачала головой: нет, не проходили.

Мг. Тейн опустился на пол со своей неизменной разделочной доской и расправил на ней бумагу.

– Давайте, Сиони, проверим вашу проницательность, – сказал он.
Ей бросили вызов! Ладно.

Сиони сосредоточилась. Мг. Тейн сложил бумагу по диагонали, так, что получился треугольник. Материал хорошо держал Складку.

– Это половинная Складка – так называется любая Складка, превращающая квадрат в треугольник. А вот полная, – произнес маг и перегнул бумагу вдвое, – она превращает треугольник в меньший треугольник без всякого остатка.

Сиони кивнула, продолжая молча наблюдать за его действиями. Такие же две Складки он сделал накануне, когда творил бумажную птичку, превращая прямоугольник в квадрат, а потом и в подобие воздушного змея. Сейчас мг. Тейн велел Сиони повторить Складки и произнести их названия, несколько раз указав на то, что для успеха мероприятия листы бумаги должны быть абсолютно ровными.

Неожиданно взгляд мага вновь сделался отсутствующим, и глаза утратили обычный блеск.

– Начнем заниматься одушевлением, – пробормотал он, уставившись в окно. – Это отличный путь для освоения Складок.

– Если у вас есть дела, – сказала Сиони, – я могла бы попробовать Складывать самостоятельно.

Но в самой глубине своей души она хотела, чтобы он остался и продолжал обучать ее.

Что за наивность!

Мг. Тейн кивнул и поднялся, полы длинного балахона хлестнули его по ногам. Сиони ощутила острый укол разочарования. Когда маг скрылся в коридоре, в комнату бодро вбежал Фенхель. Песик прижался на мгновение к Сиони, покрутился на месте, лег на коврик и уснул. Впрочем, Сиони решила, что бумажная собака не способна уставать. Вероятно, поведение было вложено в Фенхеля заклинаниями.

Сиони застыла, держа в руках сложенный лист. Она смотрела в открытую дверь и думала о том, что гложет мг. Тейна. Он почти целую ночь возился с бумажным Фенхелем, вдруг вспомнила она и ощутила угрызения совести. Хотя привычная магия наверняка не могла быть причиной его... рассеянности. А сама она вела себя образцово. По крайней мере, сегодня.

– Я должна наладить с ним отношения, – вполголоса сказала она Фенхелю. – Любому ученику нужно, чтобы наставник хорошо к нему относился, а не то придется застрять здесь не на два года, а на шесть лет.

Хотя Сиони уже зафиксировала в голове магическую технику, она принялась повторять заученные движения вновь и вновь, пока руки не

стали делать Складки автоматически. Лишь после этого она переместилась на кухню. Обнаружив в стенном шкафчике специи и вино, Сиони решила приготовить что-нибудь по-настоящему съедобное. Вполголоса пересказывая «Дерзкое бегство Пипа» с разными интонациями, которые могли пробудить к жизни образы с четвертой страницы, Сиони поставила на плиту кастрюлю. Пока вода для пасты закипала, Сиони успела вымыть оставшийся с ночи сотейник и поставила его на огонь. Растопила масло, добавила муки и молока для белого соуса, в который следовало добавить еще лимона и чеснока, чтобы он сгодился для курицы из ледника. Не найдя лимона, Сиони решила обойтись томатом и базиликом. Помидоры и базилик нравятся всем, а раз мг. Тейн держит их на кухне, можно не сомневаться в том, что они не представляют для него опасности и будут ему по вкусу. Сиони знала из жизненного опыта, что аллергики очень чувствительны. Она начала свое обучение с неверного шага и не собиралась вогнать наставника в краску в прямом смысле слова. Теперь-то она не допустит ошибок!

Когда курица подрумянилась, Сиони нарезала хлеб и вылила соус в пасту.

Спустя несколько секунд на пороге кухни возник мг. Тейн.

– Похоже, что я задал вам слишком мало, если вы сумели приготовить столько всего, – заявил он, глядя, как Сиони склонилась над плитой, чтобы проверить состояние курицы. – Сколько живу в этом доме, не помню, чтобы в нем так приятно пахло.

Сиони сдержала улыбку, которая просилась ей на уста. Неужто она удостоилась похвалы от Бумажного мага?

– Я хотела поблагодарить вас. И попросить прощения за мое вчерашнее поведение. Я... немного переволновалась, – произнесла она и заправила за ухо выбившуюся прядь волос.

– В этом нет необходимости, – ответил он и насмешливо прищурился.

– Все будет готово через минуту, – сказала она, кидаясь к шкафу, где стояла зеленая керамическая миска. Она оказалась на самой верхней полке, и Сиони пришлось забраться на разделочный стол.

– Если хотите, присаживайтесь, пожалуйста.

Мг. Тейн не то улыбнулся, не то попытался одновременно улыбнуться и подмигнуть. Его лицо приняло лукавое выражение.

– Благодарю вас, Сиони. Но после обеда вы прочтете кое-что еще и Сложите двести листов бумаги.

Сиони вывалила пасту в керамическую миску и водрузила ее на стол. Затем она аккуратно переложила курицу и жареные овощи на широкое

блюдо – в хозяйстве мг. Тейна не было подносов – и поднесла свое произведение наставнику. Мг. Тейн слегка вскинул брови, и Сиони догадалась, что она произвела на него впечатление. По крайней мере, Сиони надеялась, что правильно истолковала его мимику. Все это могло означать, что маг приберег курицу для иной цели и отметил про себя, что Сиони приготовила ее без разрешения. Если так, то остается уповать на то, что вкусная еда пригасит его недовольство.

Сиони присела на стул у противоположного края квадратного стола, но тотчас вскочила и поинтересовалась:

– Вы умеете разделывать птицу?

– Полагаю, это умеет Джонто.

Сиони побледнела, а мг. Тейн сузил глаза. Он что, шутит? Как ни в чем не бывало она взяла нож и вилку и ловко разрешила курицу на куски.

– Я подумала, что мое обучение, вероятно, предусматривает стипендию или жалованье... – сказала Сиони, совсем осмелев.

Мг. Тейн рассмеялся – легким странным смехом. Звук исходил из места между горлом и грудью.

– А-а, понятно. Интрига усложняется.

Сиони вспыхнула.

– Нет, все, что я сказала прежде, было совершенно искренне. Честно!.. Но ведь люди обычно разговаривают за едой, особенно если им предстоит долго жить в одном доме, вот я и решила, что мое жалованье – вполне подходящая тема для начала...

– Школьный совет назначил вам стипендию, – вымолвил мг. Тейн, подхватывая с тарелки пасту с томатно-базиликовым соусом. – Поэтому она у вас есть. Полагаю, сумма составит десять фунтов в месяц, и еще что-нибудь, если я буду платить вам сверх того.

Десять фунтов! Сиони уставилась в свою тарелку. Только бы собеседник не заметил, что ее глаза превратились в плоски! Целая куча денег! Если она будет экономной, то сможет ежемесячно посылать половину домой.

Сиони робко взглянула на Бумажного мага.

– И... вы будете мне платить сверх того?

– Я не уморю вас голодом, если вы намекаете на это, – сказал мг. Тейн, поигрывая вилкой.

Сиони сразу вспомнила про рис и тунца, но промолчала. Слова насчет голодания нужно будет напомнить мг. Тейну, но не сейчас. Позже. Она прикусила язык и опять села на свое место. Бумажный маг не стал произносить ничего похожего на молитву, да и Сиони сама редко это

делала, поэтому она отрезала себе кусочек курицы, краем глаза наблюдая за сотрапезником.

Мг. Тейн намотал на вилку пасту и поднес к губам. Попробовал, и его глаза на мгновение просветлели.

– Сиони, если бы я не присутствовал на уроках, – произнес он, сделав глоток вина, – то решил бы, что вы нашли способ заколдовывать спагетти.

Сиони просияла.

– Вам понравилось?

Он кивнул, подцепляя вилкой пасту.

– Вкус ничуть не уступает аромату. Вот признак всесторонне развитого человека! Я вас поздравляю, Сиони.

– С моей всесторонностью или с удавшейся пастой?

В его зеленых глазах заплясали яркие искорки, но вслух он ничего не сказал.

Сиони попробовала курятину. Надо же – удалась и совершенно не пересушена. Когда Сиони расправилась с третьим куском мяса, мг. Тейн нарушил паузу.

– Старшая из четверых... – протянул он.

– Две сестры и брат, – ответила Сиони. – А у вас большая семья? По-моему, вам изрядно досталось от сестер.

– Мне изрядно доставалось от многих, но сестер у меня не было. Я единственный ребенок в семье.

Это много чего объясняет, промелькнуло у Сиони в голове.

На кухне снова воцарилась тишина.

– Когда вы покупаете продукты? – спросила Сиони, чтобы загладить неловкость.

Он замер, не донеся вилку с пастой до рта.

– Полагаю, когда выхожу из дома. Покупка продуктов для меня – самое кошмарное дело.

– Почему?

Мг. Тейн отложил вилку и задумчиво подпер подбородок ладонью.

– Для этого нужно отправляться в город, – веско произнес он, – а на улице, помимо всего, еще и жарко.

Сиони прожевала очередной кусок курятины.

– У вас высыпают веснушки? – полюбопытствовала она.

Он рассмеялся.

– Ну и тема...

– Я имела в виду, – начала Сиони, – что могу понять, если человек не выходит на улицу из-за веснушек. – Она взглянула на свои руки, густо

усыпанные веснушками, и нахмурилась. В период с марта по октябрь они покрывали каждый кусочек ее кожи, открытый солнцу.

– У меня их не бывает, – возразил мг. Тейн и поспешно добавил, чтобы приободрить Сиони: – К тому же в веснушках нет ничего дурного. Небо не требует, чтобы вы выглядели, как все, кто вас окружает.

Сиони улыбнулась и отправила в рот спагетти, чтобы скрыть свое смущение и радость.

– А если у вас появилось столько свободного времени, – резюмировал мг. Тейн, – первую контрольную мы с вами устроим завтра утром.

Глава 4

Мг. Тейн сдержал свое обещание и устроил Сиони контрольную на следующее утро – точнее, в шесть часов, – прислав в качестве гонца Джонто. Проснувшись и увидев в паре дюймах от своего носа ухмыляющийся череп бумажного скелета, Сиони заорала во всю глотку. В комнату немедленно примчался Фенхель, вынюхивавший мышинные норы в гостиной на первом этаже. Сиони скомандовала скелету: «Прекратись!» – точно так же, как сделал на днях мг. Тейн, и, к ее великому облегчению, дворецкий осел на пол в изножье кровати и превратился в безопасную грудку рукотворных костей.

Мелкое, практически не требующее усилий заклинание, но Сиони впервые за время, прошедшее с тех пор, как она обрела связь с бумагой, почувствовала, что обладает хоть каким-то могуществом.

Мг. Тейн гонял ученицу по разным видам бумаги, которые накануне показывал ей в кабинете. Благодаря хорошей памяти Сиони умудрилась ничего не перепутать. Мг. Тейн вознаградил ее довольным кивком и отправил выполнять домашние задания.

Пресловутые задания заключались в чтении учебников, которыми ее снабдил наставник. Сиони углубилась в «Руководство по пиротехнике» Маркуса Уотерса, но быстро отложила его в сторону. Сперва книга показалась ей интересной, но, к сожалению, она была напечатана мелким – просто неудобоваримым – шрифтом, да и иллюстраций в ней практически не имелось, что затрудняло понимание текста. Сиони одолела лишь половину главы. Совершив набег на кухню и приготовив тост, она взялась за первый том «Анатомии человеческого тела» – ее содержание было куда более занимательным (хотя и несколько гротескным).

В течение следующих дней Сиони по собственной инициативе упражнялась с различной бумагой, имевшейся в библиотеке. Она без устали практиковала основные Складки. Мг. Тейн взял за обыкновение устраивать ей контрольные в самое разное время суток. Разумеется, он ее ни о чем заранее не предупреждал, и Сиони трудилась не покладая рук. В четверг маг экзаменовал ее дважды. В пятницу она делала Складки так старательно, что натерла мозоль на правом указательном пальце. В результате мг. Тейн в субботу научил ее мастерить снежинки – подобные тем, что падали с потолка библиотеки в первый день ее ученичества.

– В принципе разрезы подчиняются тем же правилам, что и Складки, –

объяснил он, сидя на полу в библиотеке, скрестив ноги и положив любимую доску на колени. – Если вы вырезаете фигуры не для украшения, то нужно делать все очень точно, иначе магия не сработает. Если же магия вам не нужна, то вырезайте как душе угодно.

– А это для украшения? – уточнила Сиони, подумав о снежинке, которую она стянула из библиотеки и хранила в ящике письменного стола. Когда Сиони в последний раз осматривала бумажную кроху, та холодила ей пальцы.

Мг. Тейн Сложил белый квадратный лист в половинную Складку, превратив его в равнобедренный треугольник.

– А как вы сами считаете?

Сиони вспомнила о снегопаде, об изящных и сложных геометрических формах снежинок, сыпавшихся на ковер. Ни одна из них не повторялась, как это и бывает с настоящим снегом.

– Для красоты, – сказала Сиони.

– Толковый ответ, – пробормотал мг. Тейн, взмахнув ножницами. – Снежинкам обязательно требуется один особый разрез, чтобы они могли хранить холод. Смотрите.

Он поднял треугольник и, приложив ножницы к самой толстой Складке, сделал надрез в сантиметре ниже угла. На доску упал миндалевидный кусочек бумаги.

– Остынь! – приказал маг.

Сиони не заметила, чтобы с бумагой случилось хоть что-нибудь, но когда маг протянул ей клочок, тот оказался ледяным и приятно остудил ее мозоль.

– А в остальном полагайтесь на собственное воображение, – подытожил мг. Тейн.

К понедельнику запас продуктов на кухне сильно сократился.

– Я могла бы отправиться за покупками, – заявила Сиони. – Поход по магазинам не составит мне труда.

Мг. Тейн поднял взгляд от стола, где лежала маленькая рукописная книжка, прижатая с одной стороны чашкой чая с лимоном, а с другой – ножиком для масла. В левой руке он держал ручку.

– Сиони, покупка провизии не входит в ваши обязанности.

– Прошу вас, – настаивала Сиони, поправляя плиссированные складки юбки. – Если я здесь живу, мне надо что-то делать по дому. – *Кроме того, я очень даже не прочь ненадолго выбраться на улицу.* – А если честно, то из тех крошек, которые остались в ваших шкафах, я не сумею приготовить ничего съедобного.

Мг. Тейн улыбнулся (по своему обыкновению, глазами, а не губами).

– Подготовка тоже не входит в ваши обязанности. Как продвигается ваше чтение?

– Я закончила «Анатомию» и дочитываю «Дао».

Мг. Тейн повернулся в кресле и обвел взглядом шкаф позади стола. Вытащив с нижней правой полки толстый том, он протянул ей фолиант. Обложку украшала надпись «Анатомия человеческого тела. Том II».

Сиони, насупившись, взяла книгу.

– Но если вы настаиваете, – продолжал маг, – я могу вызвать для вас извозчика. Не задерживайтесь допоздна. – Он потрогал губы кончиком ручки. – Полагаю, вас пора учить одушевлению. Вот и займемся, когда вы вернетесь. – Он протянул Сиони несколько банкнот – она удивилась тому, что он начал доверять ей деньги, – и углубился в чтение.

* * *

Однако они приступили к занятиям по одушевлению лишь на второй неделе обучения Сиони. Сначала мг. Тейн дал ученице очередное задание. Она должна была подготовить для урока восьмидюймовый лист желтой бумаги, делая на нем все необходимые Складки и произнося их названия вслух по мере выполнения. В результате у Сиони вышел пожеванный квадрат с отпечатавшимся на нем узором, похожим на звезду. Подготовка бумаги облегчит последующее Складывание, хотя заключительный этап будет смазанным – пояснил ей мг. Тейн.

– А теперь начнем с чего-нибудь попроще, например с лягушки, – объявил маг, поднимая такой же желтый листок, но без предварительно сделанных Складок.

Сиони не забыла бумажную лягушку, которую ей продемонстрировали в первый день приезда. Она сразу же вспомнила, как пальцы мг. Тейна умело сгибали нужные Складки, и не сомневалась, что сможет сотворить точно такую же фигурку без дополнительных указаний. Но эту уверенность она держала при себе и внимательно наблюдала за работой мага, проверяя свою память. Убедившись, что она не упустила ни единой важной детали, и еще раз проверив свою память, Сиони мысленно похвалила себя и улыбнулась.

– Дыши! – приказал мг. Тейн фигурке, и та пошевелилась, прыгнула с его ладони и удалилась на добрых два фута от ноги мг. Тейна, прежде чем тот скомандовал: – Прекратись! – вернув лягушку в состояние

безжизненного комка бумаги.

Заклинание показалось Сиони примитивным, и у нее прямо-таки руки чесались от желания поскорее выполнить его. Но Сиони набралась терпения и, сконцентрировавшись, дождалась разрешения приступить к Складыванию. Незачем ей быть слишком нахальной и бежать впереди поезда!

Слегка напружинив спину, Сиони взглянула на желтый квадрат и поспешно перебрала в памяти события последних дней. Когда, интересно, в ее голове отложилась эта необычная дисциплинированность? Неужто она невольно решила вести себя так же послушно, как бумажная собачка?

Сиони покосилась на Фенхеля, который, сидя в углу около двери, скреб задней ногой за бумажным ухом.

Сиони облизала губы и принялась за работу. Она выполнит задание, невзирая ни на что, и полностью скопирует технику Складывания, которую ей только что продемонстрировал маг. Она чувствовала на себе его взгляд – необычно тяжелый, – но никаких замечаний он не делал.

Старательно выравнивая края бумаги, Сиони сложила лягушку и рассмотрела свое творение, показавшееся ей чересчур сморщенным. Прошептала: «Дыши», и, к ее великому облегчению, зверушка ожила. Лягушка вытянула одну лапку, затем другую и лениво запрыгала по ладони. Губы Сиони растянулись в улыбке.

Фенхель встрепенулся и, принохиваясь, уставился на Сиони.

– Очень неплохо, – произнес мг. Тейн. – Я хотел бы, чтоб вы еще пару раз повторили то же самое, прежде чем выполнить задание без предварительного Складывания. А завтра мы будем делать журавлей и соек.

– А сейчас, значит, день на лягушек? – не удержалась Сиони, но мг. Тейн уже поднимался с пола, и его синее широкое одеяние, как всегда, хлестнуло его по ногам.

Бумажный маг вскинул темную бровь.

– Вряд ли вам потребуется для этого дополнительное время, – буркнул он, кивая в сторону лягушки, которая трепыхалась на ладони Сиони. – Для человека, желавшего быть Плавильщиком, вы справляетесь более чем хорошо.

Сиони вздрогнула и уронила лягушку, которая упала на спину и задержала лапами, как опрокинувшийся жук. Фенхель метнулся к ней и принялся толкать лягушку носом.

– Откуда вы узнали?

Мг. Тейн загадочно улыбнулся и бережно спрятал Складывательную

доску под стол – на совершенно равном расстоянии от передней и задней левых ножек.

– Не забывайте о чтении, – добавил он и покинул комнату.

* * *

Как и было обещано, Сиони прошла уроки Складывания птиц, затем рыб, а позже выполнила контрольное задание по созданию лягушек без предварительной подготовки. Экзамен она провалила, но лишь потому, что мг. Тейн устроил гонки между своим творением и лягушкой Сиони, а та, к сожалению, отстала на два ярда. Весьма своеобразный путь для оценки ученических успехов! Сиони хотела было протестовать, но наставник заявил, что, прежде чем он отправит в Таджис-Прафф ведомость о ее успеваемости, она сможет повторять «экзамен» сколько захочет.

Во время Складывания очередной лягушки для соревнования телеграф в библиотеке вдруг защелкал. Сиони сидела за столом, отодвинув подальше пачки бумаги, чтобы освободить себе немного свободного места, и даже подпрыгнула от неожиданного треска аппарата. Фенхель, свернувшийся у ног своей хозяйки, вскочил и затыкал на наглуую железку, хотя его слабенькие голосовые связки не могли соперничать с машиной. Отложив наполовину готовую желто-зеленую лягушку и отодвинув стул, Сиони встала и наклонилась над телеграфом, всматриваясь в выползавший из него отрезок бумажной ленты.

«...обнаружился в Солихалле на...»

Дальнейший текст ускользнул от взгляда Сиони. Откуда ни возьмись появилась чья-то рука, ухватила кончик ленты и потащила его из машины. Сиони не требовалось оборачиваться, чтобы понять – за ее спиной стоял сам мг. Тейн. Когда обрывок ленты скользнул мимо нее, она успела заметить имя Альфред.

Отступив в сторону, она смотрела, как мг. Тейн изучал послание – на сей раз его ярко-зеленые глаза не выдавали никаких тайн. Теперь ее наставник (кстати, почему-то сегодня он побрился небрежно и на его подбородке оставался клочок щетины) был максимально сосредоточен. Мг. Тейн прочел телеграмму, не переводя дыхания, и скомкал ленту в ладони.

– Что случилось в Солихалле? – осведомилась Сиони.

Город находился в сотне миль на северо-запад от Лондона.

Мг. Тейн скупой улыбнулся – одной из тех своих редких улыбок, в которых участвуют только губы, но не глаза.

– Просто друг, – невпопад ответил он, крутанулся на месте и быстро вышел из библиотеки, чуть не наступив на Фенхеля.

Сиони смотрела ему вслед, когда он шел по коридору, пока он не скрылся в спальне. Что еще за друг у него «обнаружился» в Солихалле?

Сиони не шевелилась, раздумывая о выражении глаз ее наставника. Что за новый блеск в них появился? Похоже, что она читает книгу, из которой вырвана часть страниц. О чем же говорилось в телеграмме?

Прикусив нижнюю губу, Сиони плюхнулась в кресло и вернулась к лягушке, но теперь Складки занимали от силы половину ее мыслей. Едва она приступила к созданию задних лапок, как в библиотеку ворвался мг. Тейн с кучей всякой всячины: книгами, тетрадями, карандашами. Он опустил весь ворох на стол перед Сиони, поправил две стопки бумаг и, наконец, заговорил.

– Незапланированный урок! – провозгласил мг. Тейн, взяв чистый белый лист для телеграфа. Достав свою неизменную доску, маг уселся на пол, скрестив ноги. После непродолжительного колебания Сиони взяла такой же лист и подошла к магу.

– Я все буду делать быстро, поэтому смотрите внимательно, – предупредил мг. Тейн, расправляя бумагу.

Он Сложил ее ровной полосой на дюйм от края, прогладил Складку ногтем и, перевернув лист, сделал другую Складку.

– Бумажный веер, – объяснил он, опять переворачивая лист. – Вы, несомненно, делали такие раньше.

– В детстве, – подтвердила Сиони, бросив быстрый взгляд на его лицо.

Он снова переворачивал бумагу, Складывая ее и ухитряясь идеально делать каждый сгиб без помощи линейки.

– Главный трюк состоит в том, чтобы сделать все строго одинаковым, – бубнил он. – Каждая полоса должна быть точно такой же длины и ширины, как и остальные, иначе заклинание не сработает. Можете, если угодно, разметить их, но если правильно сделать первую Складку и ориентироваться строго по ней, результат оправдает ваши ожидания. А лишние куски можно просто обрезать.

Закончив изготовление веера (конечно, без малейшего остатка), он потянул гармошку за край.

– Скреплять здесь ничего не нужно, – добавил маг напоследок.

Развернув веер в сторону двери, мг. Тейн легонько взмахнул им. От бумаги повеял ветерок – один порыв, второй третий... Сиони почувствовала, что это не обычный сквозняк, но слишком слабый для того, чтобы причинить какие-то неприятности.

Мг. Тейн кинул веер на ковер.

– Готово! Я бы хотел, чтобы в мое отсутствие вы освоили это на практике.

Его слова почему-то потрясли Сиони.

– Отсутствие? – повторила она. – Вы куда-то уезжаете?

– По магическим делам, как обычно, – бросил он и поднялся.

Положив доску на стол, мг. Тейн повернулся к грудке предметов, которые принес с собой.

– «Искусство папье-маше», – прочел он название на корешке толстой книги и показал на лежащую поверх нее тетрадь. – Сиони, вам нужно обязательно делать выписки из этого труда. Если их окажется достаточно, я не заставлю вас писать изложение.

У Сиони отвисла челюсть.

– Но...

– «Живой бумажный сад», – перебил он, указывая на соседнюю книгу в стопке. – Здесь тоже необходимо делать выписки. Я отметил пятую, шестую и двенадцатую главы – они сопровождаются упражнениями, которые вам надо выполнить. И «Повесть о двух городах». Прекрасное произведение. Вы с ним знакомы?

Сиони поперхнулась и уставилась на мага, не мигая. Он опять свихнулся! Пусть ему удалось на время внушить ей, что он не безумец, но теперь...

– Совершенствуйтесь в изготовлении веера, – добавил наставник. – Правильно сделанным веером можно вызвать сильные порывы ветра, которые не уступят морской буре. И, конечно, не забывайте про чтение тех книг, которыми я снабдил вас.

Сиони встряхнула головой и встала.

– Как долго вы собираетесь отсутствовать?

Мг. Тейн пожал плечами.

– Надеюсь, поездка будет не слишком длительной. Изменять привычному образу жизни на месяц или два – весьма утомительно. Да, на всякий случай: вы в курсе, как связаться с Патрисией?

– Патрисией? – переспросила Сиони, поймав себя на прорезавшейся в голосе визгливости. – Вы о магичке Эйвиоски? Я... да, но...

– Вот и отлично! – Мг. Тейн похлопал Сиони по плечу и решительно шагнул к двери. – Мне пора. Постарайтесь ничего не поджечь.

Сиони бросилась за ним вдогонку.

– Вы уезжаете прямо сейчас?

– Да, – отчеканил маг, скрываясь в своей спальне.

За несколько минут, прошедших между получением телеграммы и его появлением в библиотеке с кучей домашних заданий, он успел собрать вещи. В коридор мг. Тейн вышел, волоча их за собой. Приостановившись, он пригладил темные волосы, и Сиони заметила странный блеск в его глазах и поджатые губы. Он явно волновался.

– У вас все в порядке? – выпалила она, застыв на пороге библиотеки и испугавшись, не выходит ли ее вопрос за рамки допустимого.

– Хм?.. – вопросительно буркнул он: тиканье настенных часов не смогло заглушить доброжелательности невнятной реплики. – В порядке, разумеется. Берегите себя, Сиони. – Он развернулся и пошел в противоположную от Сиони сторону. Поравнявшись с дверью туалета, мг. Тейн взглянул на Сиони и произнес: – Держите двери закрытыми.

Сиони смотрела ему вслед, пока он спускался по лестнице, а потом слушала глухой топот башмаков по полу первого этажа. Фенхель сухим языком облизал носок ее туфли.

Подбежав к окну библиотеки, Сиони выглянула наружу – мг. Тейн уже миновал бумажные цветы в палисаднике и вышел на грязную улицу через изящные ворота. Любопытно, а ждет ли его извозчик?

Сиони не заметила, что прижалась носом к стеклу, пока оно не помутнело от ее дыхания. Бумажный маг скрылся из поля ее зрения и оставил ее одну в забитом всякой всячиной и еще не изученном ею коттедже посреди безлюдного захолустья.

Держите двери закрытыми.

У Сиони тревожно екнуло сердце.

Глава 5

«Папье-маше традиционно изготавливают двумя способами... – уставшей рукой строчила Сиони в тетрадке, – из полосок бумаги и из бумажной массы, которая делается на клее или крахмале».

Тяжело вздохнув, Сиони отложила карандаш и взглянула в окно спальни. Солнечные лучи пронизывали ее комнату – на подушке и покрывале темнели очертания листьев.

Вернется ли мг. Тейн сегодня? Она, между прочим, не сделала и десятой части домашнего задания, которое он подготовил для нее! Маловероятно, что он станет сурово наказывать ее за нерадивость, хотя Сиони уже усвоила, что он редко поступает так, как она ожидает.

В доме, двери и окна которого оставались закрытыми со вчерашнего дня, царила тишина. При желании можно было услышать даже тиканье часов в библиотеке за стеной. Фенхель бродил по нижнему этажу. Неподвижные бумажные кости Джонто покоились в шкафу магического кабинета, куда их перенесла Сиони. Теперь дом казался по-настоящему неживым.

Сиони опустила голову. Слова о папье-маше расплывались и меркли перед глазами. Зевнув, она захлопнула книгу с тетрадкой и отпихнула их в сторону. Они с грохотом шлепнулись на пол. Сиони вытащила второй том «Анатомии человеческого тела» и, листая страницы, добралась до закладки, отмечавшей главу о сердечно-сосудистой системе. Начав с картинки артерии в разрезе, она перевернула еще одну страницу и уставилась на изображение сердца, рассеченного вдоль, так что были видны желудочки и предсердия. Прочла абзац и захлопнула учебник.

Она слышала, как Фенхель вскарабкался по лестнице, немного постоял и вновь поспешил вниз. Сиони, которой было невозможно сидеть за столом, потянулась и спустилась на первый этаж.

Фенхель застыл у кабинета мг. Тейна. Поскольку хозяин никогда не выносил отсюда еду, Сиони предположила, что песик почуял Джонто. Сиони открыла дверь, и Фенхель вбежал в комнату, приносясь на ходу. Наконец он встал на задние лапы, исследовал свисавшую с окна бумажную цепь и напрямик направился к шкафу, где мирно лежал дворецкий.

Сиони посмотрела на окно, затененное растущей снаружи ивой. Как же тихо в доме! Очень безответственно оставлять новую ученицу без присмотра. Нужно доложить об этом мг. Эйвиоски.

Сиони взглянула на стол и подумала, что, пожалуй, можно с пользой провести время, воспользовавшись отсутствием наставника.

Улыбнувшись, Сиони села в кресло и принялась выдвигать ящики стола мг. Тейна: благо все они оказались незапертыми. Однако Сиони не нашла ничего интересного – содержимое стола было самым что ни на есть обычным. Несколько тетрадей с записями магических совещаний, запас ручек и карандашей. Ватная палочка, маленький швейный набор. На миг Сиони привлекла диковинная многоконечная звезда из бумаги, предназначавшаяся для украшения торжественного жезла или чего-то в этом роде. Прежде чем задвигать каждый ящик, Сиони убеждалась в том, что все лежит строго на своих местах. Она нисколько не сомневалась, что, если она передвинет любую ручку на пару миллиметров вправо или влево, мг. Тейн непременно заметит «непорядок».

Затем пришел черед проволочной подставки для писем. Сиони прикоснулась кончиками пальцев к краю благодарственного письма, собственноручно отправленного ею год назад. Пятнадцать тысяч фунтов!

Она закусила губу, но размышлять над тайной ей пока не хотелось. Сиони просмотрела наскоро все письма, читая лишь имена отправителей (перед некоторым стояли стандартные сокращения «мг.» или «д-р.»). На одном послании красовалась подпись «Альфред Хьюз». Вспомнив о телеграмме, Сиони выудила письмо из пачки, но это была скромная помятая старая карточка с рождественскими поздравлениями, даже без картинки. В памяти вдруг всплыло: она уже слышала имя Хьюз! Мг. Альфред Хьюз заседал в Кабинете магов! Точно! Он – рельефщик и работает с резиной. Как-то раз он выступил в Таджис-Прафф с речью. У мг. Тейна, значит, имеются высокопоставленные знакомые.

Как ни странно, ни в одном из писем не попалось обращения Тейн, да и посланий от родственников Сиони не обнаружила. Мг. Тейн сообщил, что был единственным ребенком в семье, но как же родители? Двоюродные и троюродные родственники? Кузены и кузины, в конце концов?

Сиони осмотрела книжные шкафы. Полки ломились от разнообразных учебников, романов и толстенных тетрадей, исписанных от корки до корки. Ежегодник Академии Грэнджера, датированный тысяча восемьсот восемьдесят восьмым – тысяча восемьсот восемьдесят девятым годами, выбивался из общего ряда. Сиони покрутила его в руках. Возможно, они с мг. Тейном закончили одну среднюю школу, правда, с разрывом в двенадцать лет. И почему мг. Эйвиоски отправила ее на обучение к столь молодому магу? Хотя чему тут удивляться – для Складывателей выбор невелик. Сиони вспомнила, с каким чопорным видом мг. Эйвиоски сидела в

повозке, и задумалась.

Фенхель потрогал лапой ее туфлю.

— Знаю, знаю: надо работать, — сказала Сиони, сдержав напрушивавшийся вздох. Она подхватила бумажную собачку на руки, рассмеялась, увидев, как та завиляла хвостом, и аккуратнейшим образом задвинула кресло м. Тейна вплотную к столу.

Остаток дня она занималась Складыванием лягушек и вееров, прочла по анатомии даже больше, чем хотела, и разрисовала поля своей тетради множеством завитушек.

* * *

Когда м. Тейн не вернулся и на следующий день, Сиони занервничала.

Она никогда не замечала за собой склонности к тревогам, да и волноваться о человеке, с которым она проработала всего ничего (тем более что поначалу она и работать с м. Тейном вообще не хотела), было попросту глупо. Но теперь ситуация изменилась.

Сиони до сих пор не могла забыть странный блеск, который появился в его глазах накануне отъезда, думала о таинственной телеграмме и места себе не находила от беспокойства. Она даже решила связаться с м. Эйвиоски, но затем отказалась от этой идеи. Что она ей скажет? Сегодня (по крайней мере сегодня) у нее не было ни малейшего желания причинять неприятности Эмери Тейну.

В итоге Сиони решила отвлечься и ринулась на кухню.

К ланчу она поджарила себе рыбы с картошкой. Вытерла стол и подмела пол. Немного отдохнула и собрала свое белье, чтобы постирать.

Выйдя из спальни, Сиони взглянула на закрытую дверь комнаты м. Тейна. С ее стороны будет правильно постирать и его постельное белье, верно?

Кинув грязную одежду, собранную в ком, около лестницы, Сиони робко переступила порог спальни Бумажного мага и огляделась.

Хозяйская кровать оказалась побольше, чем у нее, что было, впрочем, вполне объяснимо. Сквозь широкое окно свободно струился дневной свет. На комод, у которого отсутствовали три бронзовые ручки, стояли три разных подсвечника. Вокруг них разместились целая коллекция бус, ювелирная шкатулка и ворох изделий из бумаги, напоминающих детали и обломки машин. На прикроватной тумбочке валялся роман с оторванной обложкой, бутылка бренди и стакан. Рядом находилась еще одна бутылка —

пустая и с корабликом внутри, а также высокая бумажная коробка, раскрашенная в серый, лиловый и персиковый цвета.

Обнаружилась здесь и полка, на которой лежали плотные глянцевые листы, письменные принадлежности и книги. По соседству со шкафом, где хранились пальто, пиджаки и брюки, стояла закрытая корзина с грязным бельем.

Сиони поднесла ладони к лицу наподобие лошадиных шор и шагнула к корзине. Сегодня – никакого излишнего любопытства. Ей уже девятнадцать, и она способна уважать личную жизнь мужчины.

Она полоскала белье, покуда не стерла костяшки пальцев, а потом развесила все на веревке на заднем дворе дома.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Сиони обнаружила, что она до сих пор пребывает в одиночестве. Покончив с лекцией по анатомии, она сняла чистое белье, сложила его и задумалась. Где же м-р. Тейн его хранит? В конце концов, Сиони решительно свалила все на кровать – пусть он сам разберет свои вещи, когда вернется.

На мгновение Сиони задержалась возле книжного шкафа. Господи, сколько же книг у этого человека! Сиони пробежалась взглядом по корешкам, размышляя между делом о том, почему наставник держит их здесь, а не в библиотеке. Нет, она ничего не вынюхивала, ни в коем случае! Обычное девичье любопытство.

Учебников оказалось меньше десятка – в основном беллетристика известных и неизвестных авторов. В шкафу обнаружился второй экземпляр «Повести о двух городах» и сборник стихов Мэттью Арнольда. А на самом краю той же полки притулился сборник церковных гимнов.

– Странно, – произнесла Сиони вслух, вытаскивая книжку в кожаном переплете.

От ее пальцев в пыли на обложке остались явственные следы. М-р. Тейн вроде бы не отличался религиозностью. Он даже не молился перед едой. Корешок книги хрустнул. Отметив его идеальное состояние, Сиони пролистала страницы.

Потом Сиони изучила обложку – на ней имелась тисненная золотом монограмма и надпись: «Семья Тейн».

– Семья Тейн?.. – изумленно произнесла Сиони.

Какие же еще могут быть Тейны? М-р. Тейн определенно не женат, а его

родителям книга принадлежать не могла – чересчур новая. Вероятно, у Бумажного мага родился внебрачный ребенок где-нибудь в Норвиче, и кто-то хитроумно шантажировал его религиозным сборником.

Расхохотавшись от этой мысли, Сиони пробежала глазами знакомые и незнакомые гимны.

Из последних страниц что-то выпало – засушенные цветы.

Сиони нагнулась, осторожно подобрала пурпурно-оранжевые цветочки и залюбовалась их хрупкой красотой. Она не могла понять, какой же они разновидности. И кто из Тейнов положил их сюда?

В коридоре затыкал Фенхель. Сиони вернула книгу на место и вытерла испачканные пылью пальцы о юбку. Выйдя из комнаты наставника, она закрыла за собой дверь.

Больше она туда не входила.

* * *

Через пару дней Сиони проснулась часов в шесть утра от громкого стука. Девушка с визгом вскочила с кровати, сразу вспомнив предупреждение мг. Тейна о том, что двери нужно держать закрытыми...

– Сегодня мы будем изучать бумажные кораблики! – жизнерадостно сообщил голос мг. Тейна из коридора. – И начнем прямо сейчас! Подымайтесь, Сиони!

Сиони почувствовала, что сердце у нее подскочило к самому горлу. Сорвав с постели одеяло, она закуталась в него поверх ночной рубашки и чуть-чуть приоткрыла дверь. За ней стоял мг. Тейн – совершенно в том же виде, в каком уехал из дома – в костюме и синем безразмерном балахоне.

– Я... когда вы вернулись? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Только что. Куда вы дели Джонто?

– В... – начала она, но тотчас перебила себя: – Как ваши дела? Вы встретились с другом?

– Дела идут, – туманно ответил маг. – И, кстати, спасибо, что постирали мои вещи, но в том не было никакой необходимости, поскольку я отсутствовал и носить их было некому. Увидимся в библиотеке. Даю вам на сборы десять минут.

Мг. Тейн звучно хлопнул в ладоши и широкими шагами удалился по коридору.

Так. Он пропал почти на неделю, и ему нечего сказать по этому

поводу?

Сиони захлопнула дверь и крепко потерла ладонью затылок.

А разве я имею право изводить наставника вопросами о его поездке?

Встряхнув головой, она оделась и причесалась, заплетя косу за левым ухом. По крайней мере, о контрольных он помалкивал. Пока.

Когда Сиони явилась в библиотеку, мг. Тейн уже сидел на ковре с доской на коленях. Рядом с ним лежали прямоугольные листы бумаги. Сиони украдкой рассматривала наставника. Идеально чистая одежда, хорошо выбрит, но плечи слегка опущены, а под глазами есть синяки. Значит, устал, но от чего? Зачем ему понадобилось устраивать очередной урок вместо того, чтобы выспаться и отдохнуть?

Сиони уселась напротив него. Она решила не задавать вопросов. Хочет хранить тайны при себе – пусть хранит.

– Кораблик мы начинаем с половинной Складки, а потом делаем две двойных – под названием «собачье ушко», – объяснил мг. Тейн, не отрываясь от магической работы.

– Какой смысл в игрушечных кораблицах? – пробурчала Сиони. – На нем никто не поместится, и он сразу утонет.

– Заколдованный бумажный кораблик не так-то просто утопить.

– Почему?

– Он будет тонуть, но медленно, – сказал маг, кивнув на свою доску и покосившись на Сиони. – Многие поколения Складывателей тщетно пытались добиться водостойкости бумаги, но им, по крайней мере, удалось сделать ее довольно прочной. Кораблики полезны в тех случаях, когда нужно отправить сообщение, а сделать это по воздуху по какой-либо причине сложно или опасно. Возможно, в эпоху телеграфа или телефона данная методика покажется вам устаревшей, но, вам, Сиони, обязательно надо ею овладеть.

Наставник перебросил своей ученице заготовку и Сложил края бумаги так, чтобы получить дно кораблика.

– Складывайте как для оживления. Не сомневаюсь, вы помните правила.

Сиони склонила голову и тоже углубилась в работу. Тем не менее, когда маг завершил последнюю Складку, Сиони заметила под просторным правым рукавом его синего балахона толстую повязку, белевшую на предплечье.

Что-то в ней напряглось, словно внутри тела, от горла до пупка, натянулась тугая скрипичная струна.

– Что случилось с вашей рукой? – негромко и мягко произнесла

Сиони.

Пальцы мг. Тейна застыли, как будто в один миг заledenели. Он взглянул на девушку, потом на свою руку. Спокойно опустил рукав балахона до самых пальцев.

– Банальный ушиб. Я часто забываю, как много внимания требует ходьба.

Сиони нахмурилась. Струна натянулась еще сильнее, и у Сиони зародилось смутное ощущение, что ее наставник что-то скрывает.

А вдруг его рука болит?

Мг. Тейн дал Сиони лист бумаги и велел опять повторить все Складки, что удалось ей с первой же попытки. Успех слегка утешил ее.

Мг. Тейн поднялся и взял доску неповрежденной рукой.

– А теперь давайте прогуляемся к речке и спустим кораблики на воду!

Струна резко натянулась – да так туго, что, похоже, могла лопнуть в любую секунду. Мускулы Сиони, особенно шея, плечи и колени, окаменели.

– К ре... реке? Той, что снаружи? – запинаясь, пролепетала она.

Мг. Тейн ухмыльнулся.

– В доме ведь нет реки, верно?

Сиони буквально приросла к полу. Мг. Тейн протянул руку, чтобы помочь ей, но Сиони оцепенела. Сердце у нее забилося, щеки зарделись.

– Я... – Она закашлялась. – Нельзя ли испытать их здесь? В ванной? Пожалуйста...

Мг. Тейн пытливо посмотрел на Сиони.

– Хорошо. Вы, значит, страдаете водобоязнью?..

Сиони густо покраснела.

– Ах! – воскликнул он, словно приходя в себя. – Признаюсь, вы меня удивили. Я считал, что вы не из таких.

Сиони с трудом удалось чуть-чуть расслабить плечи, чтобы пожать ими.

– У каждого есть какие-то страхи.

Бумажный маг глубокомысленно кивнул.

– Вы совершенно правы, Сиони. Ладно, идем в ванную.

И он снова протянул ей руку. Сиони ухватилась за нее и позволила магу поднять ее из кресла, успев почувствовать странное покалывание в кончиках пальцев.

Пытаясь остудить покрасневшееся лицо, она прижала ладони к щекам и поплелась к выходу.

Через минуту Сиони стала свидетелем очередного Бумажного

колдовства. Когда они встали возле ванны, то синхронно произнесли над корабликами заклинания «Плыви» и «Держись», и те стали покачиваться над водой. Не дождавшись, пока хрупкие суденышки начнут тонуть, Сиони с разрешения наставника удалилась к себе и раскрыла «Астрологию для юношества», но почему-то не могла сосредоточиться на том, что читала.

* * *

Сиони выкладывала рыбные котлеты на сковородку. Фенхель поскуливал у нее под ногами и вилял хвостом в надежде на подачку.

– Но ты же вообще не можешь есть, глупыш! – укорила Сиони бумажного песика и слегка отпихнула его в сторону, чтобы открыть духовку и извлечь оттуда керамическое блюдо со спаржей.

Она ненавидела спаржу – с тех пор, как в последнем классе школы работала в агентстве, направляющем официанток обслуживать приемы и балы. Но похоже, что все мало-мальски важные люди лакомились спаржей, и теперь Сиони уговаривала себя относиться к ней терпимее.

Дверь распахнулась, и в кухне появился мг. Тейн, выглядевший уже не таким измотанным. Вероятно, он вздремнул, пока Сиони готовила обед.

– М-м-м, – протянул он. – Надеюсь, вы делаете порции для двоих?

– Конечно, потому что готова спалить конспект по папье-маше, даже не показывая его вам, – огрызнулась Сиони. Она подхватила котлету на вилку и помахала в воздухе, привлекая внимание и мага, и Фенхеля. – Я еще не закончила возиться с этой ерундой, но, если вам угодно, я сама справлюсь с дюжиной рыбных котлет.

Мг. Тейн рассмеялся.

– Полагаю, школьный совет не одобрил бы вашу язвительность. Надо бы мне прочитав те письма, которые я получил из Таджис-Прафф...

Сиони замерла с котлетой, вздетой к потолку, а мг. Тейн махнул рукой.

– Пусть горит!.. Я страшно голоден.

Улыбаясь от сознания одержанной победы, Сиони опустила котлету, вынула остальные из духовки и накрыла на стол.

Тейн подвинул ей стул и лишь потом сел сам.

– Нам снова нужно покупать продукты, – заметила Сиони, положив рыбную котлету себе на тарелку и передавая общее блюдо мгу. Тейну. – И я теперь гадаю, какого же числа можно надеяться получить стипендию.

– Видимо, мне никогда не удастся вкусить стряпни ученицы без

разговора о деньгах, – парировал мг. Тейн, кладя себе две котлеты, и поднял вилку, снова не вспомнив о молитве. – Впрочем, я...

Маг произнес по меньшей мере еще одно слово, но все звуки заглушил взрыв, раздавшийся в коридоре.

Сиони выронила блюдо со спаржей, обернулась и уставилась, выпучив глаза, на щепки и обрывки бумаги, которые сквозняком внесло из коридора в столовую. Запахи пикши и шнитт-лука смешались с пылью и краской. Мг. Тейн резко вскочил со стула.

В коридоре, будто издевательские аплодисменты, раздались гулкие шаги. Обувь с твердой подошвой и на каблуках. Сиони сделала шаг вперед, но мг. Тейн вскинул руку в предупреждающем жесте. Куда только подевалось его недавнее веселье? Он был настороженным – не бодрым, не рассеянным, а твердым. Мг. Тейн даже сделался выше ростом, а балахон на нем прямо ошетинился, как мех дикой кошки.

В столовую вошла женщина. Она выглядела сногшибательно – высокая, с длинными вьющимися темно-каштановыми волосами, глазами кофейного цвета и гладкой, без намека на веснушки, кожей. Одета она была в черную рубашу, облегавшую ее довольно пышную фигуру, и узкие брюки с накладными заплатами на коленях. На ногах у женщины красовались туфли с двухдюймовыми каблуками, прихваченные на щиколотках двумя шнурками.

Она показалась Сиони знакомой, и, чтобы вспомнить, где она видела это лицо, девушке хватило пары секунд.

В «коробке случайностей».

Мг. Тейн побледнел.

– Лира?

Кишки Сиони перекутило болезненным спазмом, а сама Сиони потеряла дар речи. Женщина метнулась к Сиони и вытянула руку, встряхивая флакон, в котором поблескивала темно-красная жидкость.

Все случилось мгновенно. Мг. Тейн схватил Сиони за плечи и попытался закрыть ее своим телом, но Лира быстро налила жидкость в ладонь и плеснула ее прямо в Сиони, приказав: «Взорвись!»

Взрыв обрушился на Сиони, как гигантский кулак. Выбив воздух из легких, он швырнул девушку на угол с такой силой, что обеденный стол перевернулся вверх тормашками. Горячая еда полетела в разные стороны. Тарелки сотнями осколков разлетелись по паркету. Сиони врезалась спиной в стену и медленно осела на пол.

Мир вокруг Сиони померк, а перед глазами заплескали пятна света и тени. Сиони несколько раз моргнула, но внезапно в стену обрушилось что-

то еще, и весь дом завибрировал от удара. Наконец зрение Сиони восстановилось. Девушка, преодолевая боль в спине, подняла голову и обнаружила, что мг. Тейн прижат к стене вплотную. Он пытался заговорить, но что-то незримое не позволяло магу раскрыть челюсти. Артерии на его шее раздулись и пульсировали.

Сиони перевела взгляд на свои окровавленные руки, запаниковала, но тотчас сообразила, что кровь холодная и вообще не ее. Это была та самая жидкость, которую использовала Лира.

«Лира плеснула в меня кровью», – подумала Сиони.

У нее самой кровь похолодела в жилах.

Магия плоти.

Лира была Потрошительницей.

Адепткой запретного искусства.

Сиони снова скосила глаза и увидела, как Лира схватила мг. Тейна за воротник сорочки и разорвала ее до пояса, обнажив его грудь.

– Я ухажу насовсем, дорогой, – прошептала она, – и забираю тебя с собой.

И Лира вонзила правую руку ему в грудь. Сиони с трудом сдержала взглас ужаса. Вокруг запястья Лире сверкнуло золотое кольцо пыли, а мг. Тейн вскрикнул сквозь стиснутые зубы. Лира тем временем вытащила свои окровавленные пальцы из плоти мг. Тейна – она крепко держала в кулаке все еще бьющееся сердце.

На лбу Сиони выступили крупные капли пота. В висках бешено стучал пульс, голова кружилась.

«Не поднимать голову!» – приказала она себе, чувствуя, как кожа холодеет. Она попыталась изобразить обморок, но ее била дрожь, а из глаз текли слезы. Если Лира так легко расправилась с мг. Тейном, то уж Сиони убьет сразу – прихлопнет как муху.

А Лира, похоже, именно это и намеревалась сделать. Или нет?

Каблуки прощелкали по паркету. Сиони приоткрыла глаза, посмотрела в просвет между поваленными стульями и заметила, что Лира уронила несколько капель крови Тейна на свою ладонь, улыбнулась и выплеснула остаток на пол. После чего исчезла в вихре алого тумана.

Сиони разрыдалась, едва женщина исчезла из вида. Потом, преодолевая резкую боль в ушибленной спине, поднялась на ноги и кинулась к мг. Тейну. Прежде чем она добежала до него, заклинание, прижимавшее его к стене, рассеялось, и наставник грохнулся на пол.

Глава 6

– Нет, НЕТ! – отчаянно завопила Сиони.

Слезы ручьями бежали по ее щекам. Обхватив одной рукой мг. Тейна за шею, она положила его навзничь. Сиони не могла оторвать взгляд от глубокой огненно-алой дыры в его груди, до сих пор обрамленной сверкающим золотым магическим кольцом. С каждым ударом сердца Сиони отверстие уменьшалось.

За спиной Сиони еле слышно шуршал Фенхель. Сиони, продолжая трястись, оглянулась на бумажную собаку, потом опять посмотрела на мг. Тейна. Кожа наставника приобрела землистый оттенок.

Сиони опрометью помчалась наверх, в кабинет, сбив по дороге чудом уцелевший стул.

Мысли у нее путались, ноги заплетались, но она успешно преодолела это расстояние. Повсюду царил хаос – на полу валялись ошметки от мебели, в воздухе кружились хлопья пыли. Сиони вломила в кабинет. Ринувшись к стеллажу с бумагами, девушка принялась лихорадочно перебирать листы, пока не нашла достаточно плотный. Не самый толстый, но у нее не было времени привередничать.

Она скатилась по лестнице на кухню, поскользнувшись на луже разлитой крови, упала на колени и поморщилась. Не теряя ни секунды, Сиони принялась делать Складки. Она не вставала с паркета и не знала верных Складок – откуда ей было знать, – но должна была попытаться.

В ее памяти мелькали примеры произведений мг. Тейна. Птичка, рыбка, «коробка случайностей», веер. Бумажные безделушки, скульптуры и цепи, которыми был набит дом. Потом Сиони стала прокручивать в голове содержание тех уроков Бумажной магии, которые преподавали в Таджис-Прафф...

Половинная Складка, остроконечная. Безымянные Складки, названия которых еще оставались для нее загадкой. Неважно. *Лишь бы края были ровными.*

Сиони сложила лист пополам, потом опять пополам и вскоре получила квадрат. Затем она начала изготавливать птицу вроде той, которую однажды смастерил мг. Тейн. Туловище птахи будет основой, решила Сиони, держа в уме картинку из «Анатомии человеческого тела». Ее руки замерли. То, что получилось, немного походило на сердце. Немного, но...

Сиони подползла к мг. Тейну. Дыра в его груди продолжала

уменьшаться.

– Дыши! – приказала Сиони бумажному сердцу, и оно слегка раздулось в ее ладони.

Сиони торопливо сунула его в окровавленную полость и отдернула руки за мгновение до того, как кожа на груди мг. Тейна затянула отверстие.

Маг не пошевелился.

– Ну пожалуйста! – всхлипнула Сиони и вытерла глаза окровавленными пальцами.

Она гладила его по щекам, хлопала, прижимала ухо к его груди. Она слышала, как билось бумажное сердце – слабо, словно сердце старика, лежащего на смертном одре.

Но мг. Тейн не двигался.

– Ты должен жить! – крикнула она ему, орошая слезами его грудь. Если магия не в силах спасти его... ничем иным она не располагала.

Коротко глотая воздух открытым ртом, Сиони поднялась, избежала по лестнице и помчалась в библиотеку. Схватив телеграф, она подсоединила к нему провода связи с единственным адресатом, к которому могла обратиться – магичке Эйвиоски.

Дрожащие пальцы отбили код. Сиони сглотнула пересохшим горлом.

«Тейн ранен точка немедленно приезжайте точка немедленно точка потрошитель украл его сердце точка».

Она попятилась от телеграфа, словно это был труп, и зажала рот ладонью, чтобы подавить рыдания.

Фенхель лаял и подпрыгивал на бумажных лапках у нее под ногами.

Как только Сиони взглянула на песика, тот рванулся в коридор. Сиони последовала за ним – обратно в столовую. Не успев еще увидеть мг. Тейна, она услышала его хриплое дыхание.

– Тейн! – прохрипела Сиони, падая перед ним на колени.

Он походил на мертвого – глаза чуть приоткрыты, сквозь белую кожу просвечивали вены. Он попытался поднять палец, но не смог и уронил.

– Окно, – с трудом выдавил он. – Вторая... цепь. Возьми...

Сиони подскочила и понеслась в библиотеку, отчетливо представив себе по пути цепи, висевшие на окне. Сначала она сняла вторую слева – тугую цепь из Сложенных прямоугольных звеньев. А потом заодно и вторую справа – свободную, собранную из овалов.

Вернувшись в столовую, она показала их мг. Тейну.

– Которая из них? – выдохнула Сиони.

Он дернул подбородком в сторону туго сплетенной цепи из прямоугольников и прошептал:

– Вокруг... груди.

Взяв в руку конец цепи, Сиони наклонилась над наставником. Просунув бумажные звенья у него под спиной, она перекинула их мг. Тейну на грудь, таким образом, чтобы оба конца скрестились.

– Облегчение, – просипел он, и цепь натянулась по его команде. Маг набрал в грудь воздуха и закашлялся.

Сиони приподняла его голову, чтоб ему было легче. Откашлявшись, он широко открыл глаза и посмотрел на нее.

Она ахнула. Его глаза...

Они утратили свой свет.

Ни блеска, ни эмоций. Мертвые, стеклянные зрачки.

У Сиони вновь брызнули слезы.

– Я телеграфировала магичке Эйвиоски, – прошептала она, чувствуя, что каждое слово застревает у нее в горле. – Она придет. Кто-нибудь обязательно вам поможет.

– Это было разумно, – произнес он слабым монотонным голосом. – Ближайший врач... далеко.

– О небеса! – выдохнула Сиони, убирая со лба мг. Тейна упавший локон. – Что она с вами сделала?

– Лира... забрала мое сердце, – сообщил он деловитым тоном. Словно учебник заговорил.

– Знаю, – ответила Сиони. – Зачем?

– Чтобы помешать мне.

– Помешать? В чем?..

Мг. Тейн промолчал. Его остекленевшие глаза медленно вращались в орбитах, без всякого выражения осматривая комнату.

Сиони продолжала гладить его лоб, даже когда убрала с него все смоляные завитки волос.

– Что это за цепь? – спросила она, вытерев плечом свои собственные слезы. Если бы ей удалось и дальше заставить его говорить...

– Цепь жизненных сил, – тихо и равнодушно сказал он, уставившись в потолок. – Она поможет новому сердцу некоторое время биться.

– Некоторое время?.. – повторила Сиони.

– Бумажное сердце не продержится долго, особенно если оно неумело сделано. – Цепь поддержит его на день, в лучшем случае на два.

– Но вам нельзя умирать! – воскликнула Сиони, но мг. Тейн не отреагировал ни на громкий звук, ни на слезу, которая упала ему прямо на переносицу. Он, похоже, ничего не заметил. – Вам нужно научить меня еще очень многому! Вы слишком хороший для того, чтобы умереть!

Он ничего не ответил.

Осторожно опустив голову мг. Тейна на пол, Сиони поднялась и направилась в гостиную, перешагивая через обломки и вытирая слезы, которые градом лились из ее глаз. Взяв с дивана подушку, Сиони кинулась к соседнему шкафчику, стоявшему рядом, вытащила из него одеяло и вернулась обратно. Она постаралась как можно удобнее устроить мг. Тейна именно там, где его сразило заклинание Лирь: переносить его куда-то она боялась. Фенхель сидел рядом с мг. Тейном и скулил, часто повиливая хвостом.

Через два часа после заката в дом прибыла подмога. Сиони сразу узнала эту троицу, которая с трудом пробиралась в столовую по коридору, засыпанному обломками мебели и штукатуркой. Точнее сказать, одного человека она знала лично, а двоих вспомнила. Мг. Джон Кэттер, Плавильщик, и мг. Альфред Хьюз, Рельефщик, входили в состав Магического кабинета: Кэттер – по вопросам сельского хозяйства, а Хьюз – по уголовным делам. С ними, конечно же, была и мг. Эйвиоски.

Сиони, выплакавшаяся к тому моменту до изнеможения, рассказала все, включая даже самые мелкие (и вроде бы несущественные) детали. Она постаралась ничего не забыть и упомянула о своем предсказании, сделанном ею несколько недель назад с помощью «коробки случайностей». В конце концов Сиони предположила, что, возможно, она по ошибке представила себе будущее появление Лирь, и поэтому катастрофа произошла именно по ее, Сиони, вине.

– Не смещите людей, – фыркнула мг. Эйвиоски, которая внимательно выслушивала Сиони, пока маги Кэттер и Хьюз при свете четырех свечей осматривали неподвижного мг. Тейна. – Будущим Эмери Тейна не мог манипулировать ни один человек на свете, кроме самого Эмери Тейна.

Мг. Хьюз тем временем натянул резиновые перчатки и присел возле мг. Тейна. Сиони наблюдала за тем, как он ощупывал шею и грудь мага, и невольно подумала о том, что раз мг. Хьюз – Рельефщик, то и перчатки его наверняка зачарованы. Она еще больше уверилась в этой мысли после того, как мг. Хьюз сунул их в карман вместо того, чтобы кинуть в мусорную корзину.

– Это, несомненно, случай Потрошения, кроме того, весьма мощного, – пробормотал мг. Хьюз. – Я считал, что защита не позволит им, и в особенности Лире, явиться сюда.

– Защита? – вырвалось у Сиони, и у нее вновь испуганно заколотилось сердце. – Зачем Лире понадобилось обижать мага Тейна? Кто она такая?

Мг. Хьюз хмыкнул и погладил свою короткую седую бородку. Мг.

Эйвиоски положила руку на плечо Сиони.

– Мисс Твилл, вам лучше отправиться в постель. У вас выдался очень тяжелый день.

– Нет! – крикнула Сиони. – Разрешите мне остаться с ним! Вы должны позволить мне помогать ему!

Мг. Эйвиоски поджала губы и даже как будто стала старше и выше ростом, чем обычно. А может, все дело было в том, что в столовой царил полумрак...

– Мисс Твилл, вы уже не ученица Таджис-Прафф, однако пока пребываете под опекой нашего магического правления. Отправляйтесь наверх и отдохните. Это не просто добрый совет. Разумеется, мы обсудим происшедшее, но завтра утром.

У Сиони будто все кости обмякли под кожей. Она отступила от мг. Хьюза и попятилась, не отрывая взгляда от лежащего на полу мг. Тейна. Его глаза были закрыты, а дышал он хотя и слабо, но ровно. Мг. Кэттер стоял рядом и что-то писал в блокноте.

Сцепив руки на груди, Сиони нехотя повернула к двери, а потом опять посмотрела на мг. Тейна. Она не сводила с него глаз, пока не вышла в коридор. Мг. Хьюз закрыл за нею дверь, но Сиони знала, что он не запер ее – как-никак, а ключа у него не было.

После краткого колебания Сиони поднялась наверх. У себя в спальне Сиони сняла туфли и крайне осторожно прокралась обратно, переступив через скрипучую девятую ступень.

Сиони примостилась на первой ступеньке, уклонившись от тонкого лучика света, который пробивался сквозь замочную скважину, и прислушалась.

– ...Подобраться поближе, – прогудел мг. Хьюз. – Именно Эмери, если вы помните, предоставил нам сведения, позволившие схватить Лилит. И случилось это менее двух месяцев тому назад.

– Не было ли других покушений? – нервно осведомилась мг. Эйвиоски.

Сиони никогда прежде не слышала у магички столь взволнованного голоса!

– Вчера утром примерно таким же способом убили мага Карла Тоде, – заявил мг. Хьюз. – Он тоже охотник вроде Эмери. Но действовала там явно не Лира. Она... гораздо опрятнее своих сообщников.

– Но теперь Тейн стал новой жертвой, – заметил мг. Кэттер. – Кстати, ничего подобного не случалось с тех пор, как *они* в прошлом году добрались до Пайпера. А что утверждал Гейбон Сьютер, когда мы его

арестовали? Он бился в кресле, как одержимый... «Мы доберемся до всех! Вы охотитесь на нас, как на диких зверей, но мы вам это припомним...»

– Значит, мы имеем дело с вендеттой. Личной мстью, – подытожила мг. Эйвиоски. – Если мои сведения об их отношениях верны...

– «Я ухажу, и забираю тебя с собой», – процитировал мг. Хьюз реплику Лир, которую недавно услышал от Сиони. – Больше она ничего не сказала. Ни писем, ни ритуалов... Патрисия, я знаю Лир. Она не пошла бы на убийство исключительно ради мести и не стала бы устраивать такой спектакль, если бы при этом не присутствовала мисс Твилл.

– Она слишком хитра, – вмешался мг. Кэттер. – Посмотрите, как ловко она действовала. Раз – и исчезла. А дело сделано.

– Здесь много подводных камней, – возразил мг. Хьюз и замолчал. – Ей было известно, какое важное место Эмери занимает в синдикате, впрочем, как и всем нам. Эмери лично позаботился об этом. Ну а поскольку она всегда... питала к нему... особый интерес...

«Синдикат?» – удивилась Сиони и сжалась в комок, пытаясь унять дрожь.

Что за потрошители и синдикат?

Неужели мг. Тейн сам боролся с черными магами? И о каком «особом интересе» упоминал мг. Хьюз?

Пол в столовой заскрипел, и свет в замочной скважине погас – кто-то загородил ее с той стороны. Сиони затаила дыхание, но створка не отворилась. Кто-то привалился к ней изнутри, и голоса сразу стали глуше.

– Вероятно, она хочет покинуть Англию, – предположил мг. Кэттер – Сиони с трудом удалось разобрать слова. – А может, и вообще Европу.

– И как нам быть? – спросила мг. Эйвиоски, которая, видимо, стояла возле двери.

– Надо произвести тщательную документацию, – отчеканил мг. Хьюз. – Собрать любые улики, сделать зарисовки и тому подобное. Отыскать на полу ту самую кровь, которой Лира могла воспользоваться.

– Начать ее розыск? – вопросительно произнес мг. Кэттер.

– Прощение должно пройти через Кабинет, – раздраженно ответил мг. Хьюз. – Нужно получить одобрение, санкции на действия за пределами дома Тейна, собрать команду...

Сиони смяла в кулаках подол юбки. Одобрение? К тому времени след Лир давно простынет!

– К тому времени она окажется вне пределов досягаемости, – резюмировала мг. Эйвиоски, как будто услышала мысли Сиони и согласилась с ними.

– Патрисия, не забывайте, что Потрошители очень непростой народ, – наставительно заметил мг. Хьюз. – Они чрезвычайно опасны, и любой из них может с легкостью пропустить смертоносный разряд через тело жертвы с помощью одного-единственного прикосновения. Такова темная магия! Потрошителей нельзя просто догнать и поймать. А если Лира исчезла в облаке кровавого тумана, как описала нам мисс Твилл, значит, сейчас она может находиться где угодно в радиусе тридцати миль.

Все умолкли. В наступившей тишине Сиони отчетливо слышала, как в ее ушах пульсировала кровь. Лицо горело, в глазах жгло. Они что, позволяют Лире скрыться?

– А как же Эмери Тейн? – тихо сказала мг. Эйвиоски.

Последовала пауза, которую нарушил мг. Хьюз.

– Мы постарались устроить его... поудобнее, – пробурчал он.

«Нет!» – мысленно вскрикнула Сиони и поспешно зажала обеими ладонями рот, чтобы не завопить на самом деле. Что они творят? Неужто они дадут ему умереть?

Сиони передернула плечами и поднялась. Превозмогая боль в затекших коленях, она на цыпочках поднялась по лестнице. У нее уже не оставалось сил, чтобы подслушивать разговоры членов Кабинета. Когда Сиони достигла верхней площадки, слезы у нее хлынули вновь, но на сей раз они казались ей совершенно ледяными.

Мг. Тейн погибнет.

Мага Эмери Тейна ждала смерть – и в груди у него даже не было собственного сердца. Это никуда не годилось!

Слабый топот возвестил о том, что к Сиони приближался Фенхель. Остановившись, он почесался, как настоящий пес, а затем поскреб лапой бирюзовый ошейник.

Сиони подхватила Фенхеля на руки и бережно его прижала к груди, следя при этом, чтобы на бумажные лапы не попали ее слезы.

Все никуда не годилось!

Она застыла у двери своей комнаты, но не вошла внутрь, а поплелась дальше по коридору. Поравнявшись со спальней мг. Тейна, Сиони взяла Фенхеля под мышку, толкнула свободной рукой дверь, зажгла свечу на комоде и осмотрелась.

Комната мг. Тейна совсем не изменилась, только свежeweыстиранное белье исчезло с кровати. Наверное, мг. Тейн уже убрал его. Сиони покосилась на темное окно, крепче прижала Фенхеля к себе и задумалась. Миновала комод и книжные шкафы, остановилась у приоткрытой дверцы гардероба и рассеянно провела рукой по одежде мг.

Тейна. Отрешенно отметила про себя, что какие-то из этих вещей еще пару дней назад отмокали в корыте... В глубине шкафа Сиони обнаружила белоснежный официальный костюм (именно белый цвет символизировал бумагу). Двубортный пиджак со сверкающими золотом пуговицами и твердыми обшлагами рукавов выглядел новым и свежим, словно его никогда не надевали. У Сиони мелькнула непроизвольная мысль о том, что м.г. Тейн в таком виде был бы неотразим. Хорошо, что он не надел костюм во время их вчерашней встречи, иначе бы Сиони точно онемела и попросту утратила дар речи.

Она насупилась – для никчемных размышлений сейчас не время и не место.

Сиони отступила от шкафа. Под мышкой задергался Фенхель. Она опустила песика на пол и сунула озябшие руки в карманы юбки. Что-то мягко прикоснулось к фаланге пальца правой руки, как будто погладило ее.

Сиони вынула из кармана крохотную снежинку. Все верно, Сиони припрятала малютку в первый же день, когда ей пришлось стать Складывательницей. Потерла пальцем микроскопические тончайшие разрезы и порадовалась тому, что не постирала юбку. Снежинка еще хранила в себе холод – совсем как настоящий снег. Тот снег, который он сделал для нее. Он ведь устроил бумажный снегопад именно для нее, Сиони, разве нет?

Стоя в тусклом свете свечи, Сиони сказала вслух:

– Я обязана это сделать. Я должна спасти его.

Ибо она знала, что никто другой этого не сделает.

Закусив губу, Сиони выбежала из комнаты и позвала Фенхеля. Заслоняя свечу ладонью, чтобы огонек не задуло, она пробралась в библиотеку и поставила подсвечник на стол возле окна. Усевшись на стул, Сиони выбрала квадратный лист зеленой бумаги средней толщины и принялась Складывать его по памяти, чтобы получилась птица. Складки тихо шуршали под ее пальцами.

Взяв лист розовой бумаги полегче, она Сложила вторую птицу, затем третью, белую. Во время работы Сиони представляла себе ладони м.г. Тейна, направляющие движения ее рук, и, прищурившись, проверяла, совпадают ли края и ровными ли получились перегибы.

Создав шесть птиц, Сиони с полной уверенностью в своих действиях отдала им приказ.

– Дышите.

Пять сразу ожили. Правда, вторая, розового цвета, оставалась безжизненной бумажной фигуркой. Сиони посмотрела на смятую бумагу.

Наверное, она ошиблась в какой-то из Складок, но сейчас она не могла досконально выяснять, что она сделала не так.

Две из пяти пташек сразу взмыли вверх, третья начала прихорашиваться, четвертая разглядывала Сиони безглазой головкой, а последняя принялась прыгать по столу, отчего Фенхель сердито зарычал. Сиони успокоила собаку и, отыскав перо, придвинула к себе белый листок.

Перо двинулось по бумаге, оставляя четкие буквы. Сиони писала быстро, но внимательно, стараясь не допускать ошибок. Уверенности в том, что затея сработает, у нее не было, кроме того, она не могла позволить, чтобы все испортила какая-то ерунда, вроде глупой описки.

Закончив, Сиони посмотрела на бумажных пташек.

– Сюда, ко мне! – позвала она их и засвистела, изображая, как могла, птичьи трели.

Две самые шустрые сразу слетели к хозяйке из-под потолка. Затем приблизилась третья, четвертая и пятая. Птицы послушно выстроились перед Сиони в два ряда на столе и сложили крылышки.

Глубоко переведя дух, чтобы говорить спокойным и ровным тоном, Сиони начала читать вслух.

– «Женщина с темно-шоколадными, почти черными волосами и кофейными глазами ворвалась в столовую. – Сиони помолчала и мысленно представила себе недавнюю сцену: уверенную позу Лир, изгиб ее подкрашенных алой помадой губ, длину и остроту ногтей в то мгновение, когда она погрузила их в сосуд с кровью. – В этой женщине давно поселилось зло, которое запечатлелось и в ее лице, и в ее одежде. От ее усмешки протрезвел бы самый безалаберный пьяница, а темные искусства, которым она была предана, оставили кровавые следы на кончиках ее пальцев».

Рассказ постепенно начал собираться перед птицами в эфирные цвета, складывающиеся в образ Лир, какой ее запомнила Сиони – а Сиони была уверена в картинной точности своей памяти. Вокруг Лир даже воплотилась столовая, но Сиони сосредоточилась на Лире, отчего фон пошел расплывчатыми пятнами, зато лицо Лир приобрело невиданную четкость.

– Мне нужно, чтобы вы отыскиали ее, – сказала Сиони, позволив иллюзии истаять в воздухе. – Найдите ее и возвращайтесь сюда. Вы сумеете выполнить мою просьбу?

Бумажные пернатые несколько раз подпрыгнули на месте. Сиони не рассчитывала получить более убедительного подтверждения.

Кивнув, Сиони подбежала к окну и рывком, от которого, похоже,

сотряслось полкомнаты, дернула створку вверх, чтобы птички улетели на свободу. Ветер показался ей прохладным, но ночное небо не обещало дождя. По крайней мере, сегодня мать-природа встала на ее сторону.

А потом Сиони, неотрывно сопровождаемая Фенхелем, принялась собирать все, что ей требовалось.

Она взяла с каждой стопки бумаги по небольшой пачке, а потом отправилась в спальню мг. Тейна за листами большего формата. Их она свернула в рулон и скрепила его шнурком для волос. Направившись к себе в комнату, Сиони закрыла дверь, извлекла из чемодана тэтэмский револьвер и спрятала его на дно вязаной сумочки. В последние недели ей было не до ухода за оружием, однако она успевала наскоро чистить его. Тяжесть в сумке придавала ей немного... пожалуй, уверенности в себе. Вернувшись в библиотеку, Сиони обнаружила атлас и на всякий случай вырвала оттуда две карты: одну – Англии, а другую – Европы. Когда Сиони возилась с атласом, ей в голову пришла щемящая мысль, что, если дело дойдет до карты Европы, она никогда не найдет Лиру. Слишком велик континент... а мг. Тейну осталось жить максимум пару суток...

Сиони тряхнула головой.

– Я найду ее, – громко произнесла она, обращаясь не то к себе, не то к Фенхелю. – И разделаюсь с ней.

Собрав все, кроме продуктов (Сиони не осмеливалась спуститься на кухню), она неохотно легла в кровать. Уснуть ей не удалось. Наконец бессонницу сменило недолгое тревожное полузабытье. Едва забрезжил рассвет, Сиони спустилась вниз.

В доме осталась лишь мг. Эйвиоски. Магичка посапывала на диване в гостиной. Не потревожив ее, Сиони прокралась на кухню и прихватила хлеб, сыр и кусок салями. На день-другой хватит. Покончив со сборами, она опустилась на колени около неподвижного мг. Тейна. Он медленно и хрипло дышал.

Сиони приложила ухо к его груди – кто-то из магов все-таки смысл с мг. Тейна кровь. Правда, о страшном происшествии напоминало несколько запекшихся красных капель, темнеющих на разорванном воротнике рубашки.

Пх-х... пх-х... постукивало сердце. Удары были настолько слабыми, что Сиони с трудом их улавливала.

Сиони взглядела в пепельно-бледное лицо, и страх, как ножом, резанул ее по сердцу. Лира-Потрошительница легко расправилась с мг. Тейном! Разве сможет Сиони одержать победу при встрече с ней?

Главное – не дать ей прикоснуться к себе, подумала Сиони, вспомнив

ночной разговор магов из Кабинета. Сама же она доподлинно знала, что единственный шанс у нее будет только в том случае, если она застанет противницу врасплох.

– Пожалуйста, живи, – прошептала она мг. Тейну. – Если ты станешь меня учить, я не буду возражать против Складывания. Я буду Бумажным магом. Пожалуйста, живи. Иначе я на всю жизнь останусь никчемной злою и не принесу никому пользы.

Сиони погладила мг. Тейна по голове, глубоко вздохнула и вышла в коридор. Сейчас надо запастись терпением. Пробравшись в библиотеку, она взяла наугад несколько книг по Складыванию и принялась листать их, задерживаясь в тех местах, которые казались ей нужными и интересными. Сиони разглядывала иллюстрации и вчитывалась в текст, пока не чувствовала, что новые сведения запечатлелись в ее памяти. Иногда она прислушивалась к мг. Эйвиоски, которая ворочалась внизу, надеясь, что магичка проспит допоздна.

Внезапно Сиони уловила тихое постукивание в окно библиотеки.

Повернувшись, Сиони увидела в утреннем свете бумажную птичку. Ее хвост был согнут под неестественным углом, а конец правого крыла разлохматился, как будто она попала в серьезную передраку. Когда девушка распахнула окно, зеленая птичка (первая из тех шести, которые сделала Сиони) впорхнула в комнату.

Сиони подставила ей руку, и птаха уселась на раскрытую ладонь своей хозяйки.

– Ты нашла ее? Прошу тебя, скажи, ты видела кого-нибудь?

В ответ маленькая бумажная фигурка встрепенулась и нахохлилась.

– Это значит «да»?

Птичка зашелестела крыльями.

– Ты сможешь проводить меня туда? Если я тебя починю?

Птица опять встрепенулась.

Ощущая стремительно нараставшую тревогу, Сиони положила птицу на стол и расправила ее хвост. Порывшись в вещах мг. Тейна, Сиони отыскала клей и скрепила потрепанные смятые крылья. Птица клюнула крупную блестящую каплю и испачкала клеем бумажный клюв.

– Перестань, – строго сказала Сиони, вскидывая сумку на плечо.

Бережно взяв птицу, Сиони вышла в коридор и застыла как вкопанная.

А что теперь, собственно, делать? Нанять извозчика? Как она объяснит, куда нужно ехать? И хватит ли у нее денег? Где прячется Лира? Бумажный вестник ничего не сможет сообщить Сиони!

А если мг. Эйвиоски уже проснулась и ждет, когда Сиони спустится

вниз? У нее нет времени уговаривать магичку, чтобы та отпустила ее! Нужно действовать, прежде чем Лира...

Немного помедлив, Сиони повернула голову и посмотрела на лестничный пролет, ведущий на таинственный третий этаж. Мг. Тейн упомянул, что там хранятся «большие заклинания». Даже в его отсутствие Сиони не осмеливалась забираться туда. Но если там есть нечто полезное?

Сглотнув, Сиони бросилась вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки. Седьмая протестуяще скрипнула под ее весом. Сиони испугалась, что дверь может быть заперта, но, когда девушка взялась за ручку, та повернулась почти без сопротивления.

Здесь пахло пылью и плесенью, и было заметно прохладнее, чем внизу. Оказалось, что третий этаж представлял собой один просторный зал. Сиони подняла глаза вверх – с высоченного потолка свешивался канат, открывающий люк, который вел на крышу.

Бледные лучи солнца еле-еле пробивались сквозь грязные стекла окон, но Сиони смогла разглядеть скудную обстановку в зале. Фенхель, не отстававший от Сиони ни на шаг, поскуливал и обнюхивал паркет.

Сначала Сиони приблизилась к огромному бумажному голубю вроде тех, которые мальчики складывают в классе и запускают в нравящихся им девочек, когда учитель отвернется к доске. Другой предмет очень походил на зеленую птичку Сиони, но был не закончен.

Оба творения мага раза в три превосходили размером повозку-автомобиль, из которой Сиони высадилась около дома мг. Тейна примерно месяц назад.

– Ты сумасшедшая! – прошептала она, делая шаг к голубку, покрытому толстым слоем пыли.

В глаза ей бросились два отверстия возле клюва, за которые можно было держаться. Но никакого сиденья или ремней, чтобы пристегиваться, на птице не имелось.

Неужто мг. Тейн летал на бумажной птице? Но разве кто-нибудь, кроме него, на такое вообще способен? Однако птаха, несомненно, являлась прототипом, моделью для воздушного средства или чего-то в этом роде. Хотя если бы мг. Тейн мог доставлять продукты домой с помощью бумажного великана, он не считал бы хождение по магазинам столь обременительной обязанностью!

Сиони невольно восхитилась мастерством мг. Тейна. Присмотревшись к опорам для рук, расположенным возле клюва, она решила, что голубь летал или по крайней мере должен был летать. И он мог бы помочь ей изловить Лиру!

Что ж... жизнь мг. Тейна целиком и полностью зависела от ее действий.

Впервые за все то время, которое прошло с момента ее поступления в подмастерья к Бумажному магу, Сиони захотелось, чтобы ее проблемы имели менее экзотическое решение.

– Ладно, Фенхель, мы с тобой полетим, – произнесла она, расправила плечи и стиснула зубы.

Сиони внимательно посмотрела на творение мг. Тейна. Держа в левой руке зеленую птичку и придерживая правой сумку, она перешагнула через бумажный клюв и оседлала птицу. Толстая бумага была чем-то хорошо укреплена и не промялась под весом Сиони.

Хвала небесам!

Сиони потянула за канат – широкий люк, сделанный в потолке, откинулся в сторону. На Сиони посыпался ворох сухих листьев, скопившихся на крыше. Послышались трели птиц.

Тяжело вздохнув, Сиони легла грудью на бумажного голубка и ухватила за опоры. Ей оставалось лишь молиться, чтобы он подчинился заклинанию одушевления – в противном случае она не успеет отыскать нужное заклинание.

– Веди меня к Лире! – приказала она зеленой птичке.

Та сразу захлопала крылышками и вылетела через люк.

– Дыши! – прошептала Сиони, обратившись к голубю.

Он дернулся под ней, как дикий бык. Сиони взвизгнула. Фенхель быстро вскочил на голубка и зарычал.

Сиони крепче вцепилась в опоры и потянула их на себя.

Голубь задрал острый клюв к небу и вылетел через дыру, зиявшую в крыше.

Глава 7

Голубь парил над замаскированным заклинаниями коттеджем м-га Тейна. Сиони не отрывала взгляда от зеленой крошечной птички, которая сразу помчалась в западном направлении.

Вцепившись в опоры так, что костяшки пальцев побелели от напряжения, Сиони старалась следовать за ней. Сперва все шло наперекосяк – Сиони перестаралась. Прижав Фенхеля локтем к своему боку, Сиони наклонилась и потянула правую опору сильнее, чем левую, и в итоге повернула на юг, затем на север, а лишь потом на юго-запад. Пытаясь заставить себя успокоиться, невзирая даже на то что голубок задирает клюв все выше и выше, Сиони продолжала маневрировать в небе. В конце концов она сумела направить массивное бумажное творение вслед зеленому пятнышку, которое указывало ей дорогу. Сиони пригнулась – ветер, прядь за прядью, выбирал ее рыжеватые волосы из пучка, стянутого шнурком, – и устремилась за проводником.

Благодаря попутному течению и восходящим воздушным потокам голубок живо нагнал птичку и теперь летел быстрее, поэтому Сиони приходилось то и дело сдерживать его. Вскоре она освоилась и с управлением. Рывок за опоры заставлял голубка резко взмывать вверх, нажим – снижаться, а сочетая эти два движения и приподнимаясь от бумажной спины «летательного аппарата», Сиони наловчилась неплохо замедлять его скорость.

Когда же она улучила момент, чтобы оглядеться вокруг, то ахнула от изумления. Непосвященный, конечно, может считать, что девушка, которая закончила лучшую в стране школу волшебников, владеет особым заклинанием или иными средствами, позволяющими попасть ей на высоту и наслаждаться полетом... Однако на деле все обстояло иначе. Никогда прежде Сиони не видела столь потрясающей панорамы.

М-г Тейн обитал на дальней, самой южной окраине города, и теперь Сиони могла вдоволь налюбоваться Лондоном. Столица распростерлась внизу, словно гигантский пестрый ковер треугольной формы. Голубок летел во весь дух, и узоры этого ковра делались все более расплывчатыми, но Сиони могла поклясться, что различает Башню магистров магической школы Таджис-Прафф и кроны деревьев Далидж-парка. Сотни, если не тысячи улиц вились через город, как скользкие угри, – многие из них казались обезлюдевшими.

Сиони даже узнала Миллс-сквотс, где выросла, но вскоре скопище бурых домишек слилось в одно бурое пятно, и Сиони не смогла различить ни свое жилище, ни авеню Литейщиков, ведущее к агентству по найму официантов. Именно там она и работала, пока не повздорила с весьма важным клиентом заведения. Кстати, Сиони нисколько не жалела об этом случае, но не любила о нем вспоминать.

Дома, лавки и дымовые трубы – все становилось мельче всякий раз, когда она оглядывалась через плечо, проплывая в воздухе точно так же, как капитан морского корабля плыл бы по океану. Какой же душой она была, считая Складывание пустым занятием! Плавильщик не смог бы летать, как она! Мг. Тейн должен запатентовать своего голубка. Если в будущем ему представится такая возможность...

Сиони вновь почувствовала отчаяние, и уставилась на зеленую птичку-проводника. Мг. Тейн выживет. Сиони позаботится о нем. Однако ей пришлось признаться себе, что она не представляет толком, что будет делать, когда птичка приведет ее на место. К счастью, виды лондонских предместий – дороги, луга, густые леса и сельские хижины, расположившиеся на берегу рек, мешали ей сосредоточиться на мыслях о последствиях своих опрометчивых действий. Вдобавок ветер, свистевший в ушах Сиони, отвлекал ее от размышлений.

Зеленая птичка летела вперед, бумажные крылышки трепыхались без устали. Иногда случайный порыв ветра сбивал бедняжку с правильного курса, и тогда она еще усерднее махала своими крошечными крыльями, пытаясь не сбиться с пути. Солнце окрасило небо в светло-голубой цвет, который после полудня сменился яркой лазурью. Фенхель мирно посапывал под мышкой у Сиони и не шевелился. Сиони казалось, что ее пальцы могут в любое мгновение оторваться от ладоней, в животе давно урчало от голода, но она намертво вцепилась в опоры. Она решила, что будет держаться до последнего и забудет об отдыхе и о еде. Сейчас ей не стоит даже пробовать выудить кусок хлеба из сумки, висящей на боку.

Через некоторое время Сиони уловила запах гниющих водорослей и морской воды и увидела бескрайнюю ширь Английского канала. Приблизившись к береговой линии, птичка забирала вправо, к острову Фаулнесс. По нынешним обстоятельствам, как нельзя более подходящее название – остров Нечистот, подумала Сиони.

У нее заныло под ложечкой, а пальцы просто приросли к опорам, и их белые костяшки покраснели. «Пожалуйста, только не в океан!» – запаниковала Сиони. А сможет ли она вообще преследовать Лиру за пределами суши? Океан бескрайний, безбрежный и бесконечный... а она

не умеет плавать. Сиони с малых лет не заходила в воду глубже чем на пару дюймов и оцепенела от ужаса. Она все еще чувствовала привкус водорослей из рыбного садка Хендерсонов и видела безмолвные тихие воды...

Сиони сглотнула ком в горле и принялась молиться.

Вдруг птичка начала снижаться. От брызг прибоя бумажные крылья отсырели, полет замедлился. Сиони пустила голубка быстрее, и спустя несколько секунд он поравнялся с птахой. Сиони сделала глубокий вдох, высвободила руку, подхватила птичку на лету и задумалась. Как же ей приземлиться, не переломав при этом кости?

– Она здесь, да? – выкрикнула Сиони, перекрывая свист ветра, и удивилась своей хрипote.

Птичка дернулась.

Сиони, наверное, дюжину раз провела голубка по кругу, постепенно опускаясь все ниже и ниже. В конце концов она наметила для посадки каменистую часть суши, изрядно удаленную от воды.

– Сомневаюсь, что могу приказать тебе приземлиться... или могу? – спросила она у голубка. – Опустите меня сюда, только осторожно, ладно?

Бумажный голубь, похоже, услышал ее, как и птички, которых Сиони смастерила накануне. Он спикировал вниз – да так лихо, что у Сиони скрутило все внутренности. Потом голубок сделала вираж, сбросил скорость и плавно опустился на полоску земли, поросшую какими-то жесткими травами.

Сиони потрясла руками, но затекшие пальцы опять болезненно скрючились и приняли прежнее положение. Голубок продолжал скользить, а Сиони всматривалась вперед, чтобы птица не попала в лужу и не намокла.

– Прекратись! – скомандовала она, и голубок послушно сложил крылья и скособочился на левую сторону.

– Прекратись! – повторила Сиони, обращаясь к птичке, и та сразу же замерла.

Сиони положила ее в бумажный сгиб, который тянулся вдоль спины голубка, надеясь, что она высохнет и ее не унесет ветром.

Держа Фенхеля на руках, Сиони всмотрелась в очертания скалистого берега. Смеркалось. Солнце проложило в воде золотую дорожку, поблескивающую пурпурным и оранжевым.

Сиони поняла, что очутилась в совершенно незнакомой местности. Пустынный берег оцетинился черными скалами самых разнообразных форм и размеров. Вокруг не было ни единого деревца. Сиони не заметила и

песчаных отмелей, лишь крутые обрывы, бывшие когда-то чревами уже погасших вулканов. Один неверный шаг по каменистому краю, и она свалится вниз и погибнет.

Сиони медленно втянула воздух сквозь зубы и вытащила из сумки ломтик сыра.

– Фенхель, води себя смирно, – велела она песику, опуская его на землю. – Держись подальше от луж, и дай мне знать, если почувешь что-нибудь нехорошее.

Неторопливо откусывая сыр, Сиони направилась к скалам, чтобы отыскать безопасную тропу. Она думала о том, что Лира очень умна. Будь Сиони преступницей, она после столь омерзительного деяния постаралась бы улизнуть из Англии как можно скорее. Бросилась бы к побережью, что бы ее подобрал корабль сообщников. Быстрее покинуть страну можно лишь с помощью бумажного планера, как у Сиони, но девушка сомневалась, что Лира располагала чем-то подобным.

Сиони достала из сумки револьвер и прижала стальной ствол в деревянной оправе к груди таким образом, чтобы дуло было направлено вверх по диагонали.

Побродив по берегу, Сиони обнаружила между двумя скальными зубцами вроде бы не особенно крутой проход и принялась осторожно спускаться вниз. Фенхель фыркнул и побежал следом за Сиони, поскользнувшись только один раз. Оказавшись на твердой каменной террасе возле самой воды, Сиони поправила юбку и двинулась дальше. Здесь не нужно было красться, как вор, поскольку грохот прибоя у подножия скал заглушал ее шаги (правда, от этого грохота у нее тряслись руки). Она старалась держаться поближе к нависающим над ней скалам. Сердце колотилось как безумное, и, хотя океанский ветер уже остудил ее кожу, кровь в жилах жарко пульсировала. Сиони казалась себе натянутой, как гитарная струна.

Очередной порыв соленого ветра окончательно растрепал ее волосы. Сиони торопливо скрутила рыжеватые пряди в узел на затылке и спустилась на следующий уступ. Брызги волн, разбивавшихся о камни, постоянно попадали на ее щеки. Она решила загородить от воды возбужденно принюхивавшегося Фенхеля, который, похоже, что-то учуял.

Вдруг ее хлестнул по ушам громкий, неестественный крик, раздавшийся со стороны моря. Она обернулась, вскинула пистолет, но увидела перед собой не человека, а чайку. Птица уставилась на Сиони круглыми глазами, испещренными алыми прожилками. На полуоципанной шее пестрели свежие порезы. Вокруг клюва с обломанной до середины

верхней половиной и на тонких лапах клочьями болталась содранная шкурка.

Сиони замерла, стиснув в ладонях револьвер. Мертвая птица. Живая мертвая птица. Работа Потрошителя.

Чайка вскрикнула, оторвалась от земли и полетела в море. Когда она скрылась из виду, сердце Сиони забилося вновь.

Она поймала себя и на том, что стучит зубами, но решила, что виной всему влажный морской климат.

Могут ли Потрошители оживлять убитых? От этой мысли Сиони пробрала дрожь до кончиков пальцев. Но почему чайка? Или она была посланником? Сиони не увидела на изувеченных птичьих лапах ничего, похожего на записку. Может, чайка уже доставила сообщение, а теперь шпионит здесь... Сиони почти ничего не знала о Потрошении, чтобы строить какие-нибудь теории. Вероятно, кто-то пытался связаться с Лирой и помочь ей сбежать.

Съеденный сыр тяжело осел в желудке. Сиони подхватила Фенхеля на руки и отвернулась от моря – и ради него, и ради себя. Она хотела хоть немного успокоиться.

Сиони преодолела по скалистому берегу еще около четверти мили и наконец различила угольно-черное пятно в виде половины яйца – вход в пещеру. Идеальное укрытие. Прижав Фенхеля к груди, она взяла пистолет на изготовку и направилась туда.

К тому моменту, когда Сиони добралась до пещеры, величественный лик солнца уже на треть скрылся за горизонтом. У Сиони не было ни фонаря, ни факела, но каменное убежище не показалось ей бездонным колодцем.

Что ж, делать нечего, подумала Сиони и, войдя внутрь пещеры, прислонилась к шероховатой стене.

Фенхель сдавленно тьякнул. Сиони шикнула на него. Она и без напоминаний бумажной собачки понимала, что мозги в ее черепе никуда не годятся.

Ощущая, как в груди трепыхается сердце, Сиони делала маленькие шаги в глубь пещеры. По пути она заметила пару женских туфель. Здесь кто-то был, и причем недавно, поскольку туфли были на удивление чистыми... хотя и не в этой обуви Лира расхаживала по дому мг. Тейна.

Пам-пум... пам-пум... Удары сердца. Но не ее.

Сердце билось гораздо медленнее, чем у нее.

Сквозь горловину пещеры сочился тусклый свет, и Сиони продолжала на цыпочках двигаться вперед. Внезапно она различила какой-то странный

блеск. Прищурившись, Сиони поняла, что основание стены представляет собой нечто вроде неровной полки высотой фута в четыре. И на этой полке что-то лежало.

Сиони ахнула. В неглубокой впадине поблескивало винно-красное озерцо крови, обрамленное золотым контуром и черными камнями. А в середине ровно билось сердце мг. Тейна, точно такое же, каким Сиони видела его в руках Лир.

Чувствуя, что она покрывается гусиной кожей, Сиони приблизилась к сердцу.

Она нашла его.

И это слишком легко ей удалось.

Фенхель взвизгнул и спрыгнул наземь в то самое мгновение, когда Сиони обернулась, сжимая пистолет обеими руками. В нескольких шагах от входа в пещеру стояла Лира.

Она не изменилась, за исключением того, что на ее левой штанине повыше колена зияла дыра, а волосы, отяжелевшие от сырости, плотно облепили череп. Темные глаза язвительно смотрели из-под густых длинных ресниц, ничуть не похожих на белесые ресницы Сиони. От этого Потрошительница казалась одновременно и красивой, и страшной. Она не могла быть старше мг. Тейна и вряд ли являлась его ровесницей.

– Значит, ты решила пожаловать ко мне в гости, – сказала она, мельком взглянув на револьвер Сиони. – А я тебя не сильно приложила.

Лира не могла похвастаться наличием огнестрельного оружия, зато обладала кое-чем действительно весомым. С одной стороны ее кожаного пояса было засунуто несколько флаконов с кровью, а с другой болтался длинный кинжал.

– Зря ты сюда притащилась. Я оставила тебе жизнь, а ты решила швырнуть столь щедрый дар мне в лицо, – добавила Лира и улыбнулась, как будто удачно пошутила.

– Лира, если я не ошибаюсь? – осведомилась Сиони, прицеливаясь. Она надеялась, что Лира не заметит, как пистолет дрожит в ее руках. – Я забираю сердце. Не мешайте мне, и я вас не застрелю.

Застрелить! Сиони никогда не стреляла в живых людей. Только по мишеням.

Лира шагнула вперед. Ладони Сиони вспотели.

– Ты хоть знаешь, как им пользоваться? – протянула Лира, ухмыльнувшись.

Сиони проигнорировала издевательский вопрос и взвела курок. У нее никогда не хватало денег на заколдованные пули или пистоны, которые

всегда попадали в цель, но она не без основания гордилась своей меткостью.

Потрошительница сделала еще шаг вперед и спокойно вынула из-за пояса стеклянный флакон. Сиони из всех сил старалась твердо держать револьвер. За ее спиной громко билось сердце мг. Тейна – или то был ее собственный пульс?

– Положи склянку, – произнесла Сиони, откашлялась и повторила: – Положи склянку, или я убью тебя. Клянусь, Лира. Сердце я забираю с собой.

Потрошительница скривилась, и Сиони даже толком не заметила мгновения, когда на лице Лире появилась уродливая гримаса.

– Я не позволю какой-то рыжей потаскухе забрать то, что принадлежит мне по праву.

Ногтем большого пальца Лира сорвала с флакона крышку, плеснула крови себе на ладонь и приблизилась к Сиони еще на один шаг.

Сиони попятилась и крикнула:

– Я убью тебя!

Лира начала произносить заклинание на неведомом языке. Сиони не понимала ни слова – слишком непохоже было это колдовство на то, что девушке преподавали в школе Таджис-Праффа. Руки Лире излучали золотое сияние. Потрошительница сделала очередной шаг к направлению к Сиони...

И Сиони выстрелила.

Револьвер дернулся в ее руках. «Бум!» – гулко раскатилось по пещере, и у Сиони заложило уши. Резкий запах пороха ударил в нос и ощутился на языке. Фенхель, жавшийся к ногам Сиони, заскулил.

Глаза Лире широко раскрылись – на ее груди расцвело влажное пятно, темное, как высушенные лепестки розы. Негромко зарывав, Лира упала на колено, но ее руки продолжали светиться. Губы что-то неразборчиво бормотали, и Сиони ничего не могла расслышать.

Сиони опустила револьвер. Ее глаза, похоже, едва не выскочили из орбит. Она ощутила в пересохшем рту горечь пороха, а ее руки сделались ледяными. Все мысли сразу улетучились и вернулись как раз в ту секунду, когда Лира прижала свою золотистую ладонь к ране на груди.

Из-под пальцев Лире на пару мгновений разлился странный свет – ослепительно вспыхнул и погас. Лира с шумом втянула воздух, встала и каким-то механическим жестом повернула голову налево и направо. Нечто маленькое, металлическое выпало из ее руки, звякнув о каменный пол пещеры.

Пистон.

Сиони чуть не выронила револьвер. Неужели Лира *исцелилась*?

У Сиони потемнело в глазах. Потрошение имеет власть над плотью. Лира шла прямо на Сиони – она выглядела совершенно невредимой, если не считать пятна, которое расплылось на блузе. Сиони оцепенела. У нее был всего один пистон...

Лира начала читать исцеляющее заклинание прежде, чем Сиони выстрелила. Лира *хотела*, чтобы Сиони израсходовала выстрел. Теперь Сиони овладел настоящий ужас.

Правда, у нее была еще сумка с бумагой – самым безвредным из всех материалов, с каким имеют дело маги. Даже от резины сейчас было бы больше пользы.

– Ладно, поиграли и хватит, – нетерпеливо рыкнула Лира, не останавливаясь.

Сиони опять попятилась, револьвер выскользнул из ее пальцев, скользких от пота.

Спиной она уперлась в каменную полку – локоть коснулся сердца мг. Тейна.

Пещера покачнулась, и Сиони поняла, что падает навзничь. Уши заполнил не то свист, не то отдаленный гром. Солнечный свет, пробивавшийся в горловину пещеры, померк, и Сиони ударилась обо что-то теплое и твердое. Вокруг раздавались удары: «ПАМ-Пом-пуум».

– Ох уж этот шок новичков, – прогудел рядом с ней неожиданно басовитый голос Лире, разнесшийся эхом среди невидимых стен.

Впрочем, она оборвала эхо гаденьким смешком – так, вероятно, смеются гиены. У Сиони разом напряглись все нервы.

– А мне везет. Я заполучила и Эмери, и его соплячку.

Глава 8

Вокруг Сиони гремел ровный трехтактовый барабанный бой – даже пол содрогался в том же ритме. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она сообразила, что находится в алой комнате с изогнутыми, а не прямыми стенами. Правая стена выгибалась внутрь, а левая – наружу. Да и пол здесь не был ровным. Мутный свет еле-еле озарял странное помещение, но Сиони не смогла обнаружить ни свечей, ни ламп, ни захудалого электропровода. Жара была просто удушающей. Когда Сиони попыталась встать, у нее ничего не получилось – непрерывное «ПАМ-Пом-пуум» подкосило ее дрожащие колени.

Где-то рядом гавкнул Фенхель – похоже, ловушка Лиры, чем бы она ни являлась, захватила и бумажного песика.

Присмотревшись, Сиони различила ручеек какой-то жидкости, напоминающей кровь. Она струилась между полом и потолком справа от нее. Сиони вздрогнула и поежилась. Ей уже доводилось видеть нечто вроде этой «комнаты», однако очень маленькое, и лежало оно на металлическом столе, заколдованном при помощи заклинания холода. Тогда Сиони рассматривала сердце мертвой лягушки на уроке в Таджис-Прафф.

А сейчас она очутилась в сердце мг. Тейна. Лира загнала ее туда.

«ПАМ-Пом-пуум. ПАМ-Пом-пуум». Сиони не могла сказать, исходит ли звук от пульсирующих стен или из ее собственной груди. Часто, с трудом дыша, она повернулась и попыталась сориентироваться. Как же ей не хватает кислорода!

Заметив краем глаза что-то темное, она крутанулась на месте и увидела Лиру. Потрошительница небрежно помахивала ее револьвером, а затем просунула палец в спусковую скобу и принялась крутить оружие.

Фенхель издал слабенькое рычание, и Сиони подхватила собачку на руки. Только бы не показать виду, что она перепугана до смерти! Мышцы ее ног превратились в ледяные сосульки, а голова закружилась.

Лира улыбнулась.

– Эмери окружил себя дураками. Ловушка-сердце требовалась лишь для подстраховки. Я найду для тебя клетку, откуда ты не вырвешься.

Лира перестала крутить револьвер на пальце и стиснула его, словно хотела раздавить в кулаке.

– Ты что, всерьез решила, будто способна одолеть меня вот *этим*?

Сиони опешила. Ее трясло. Нужно куда-то убираться. В таком

положении она не могла противостоять Лире. Ее застали врасплох и поймали. Она ничего не знала о темных искусствах, о том, чего ожидать от Потрошителей или как им сопротивляться. Она даже никогда не думала о темной магии!

Сиони сделала два шага назад, а Лира – два шага вперед. На спине Сиони выступил пот, отчего ее блузка тотчас прилипла к коже. Сиони начала отступать...

...И все резко изменилось.

Она чуть не выронила Фенхеля, когда красные мясистые стены преобразовались в голубое небо, испещренное редкими облачками, а потоки крови – в ковер из густой пышной травы. Стук сердца мг. Тейна превратился в негромкий глухой отзвук. Сиони обоняла медовый клевер и разогретые солнцем листья, ощущала на лице ласковый летний ветерок. Неподалеку возвышались вековые деревья с раскидистыми кронами – на нижней ветке одного из гигантов приделан коричневый скворечник. У подножия деревьев стояли серые ящики четырех-пяти футов высотой, собранные вроде бы из старых, потемневших коробочек поменьше.

Сиони изумленно осматривалась, в ее сознании боролись страх и растерянность. Она вытерла ладони о юбку.

И услышала чей-то смех.

Сиони обернулась и обнаружила четырех детей, которые направлялись к ней навстречу. Голову каждого из них украшала матерчатая шляпа с широкими полями и сеткой, целиком закрывающей лицо и шею. На руках незнакомцев были длинные перчатки, доходившие до локтей. Они отнюдь не были ровесниками: Сиони предположила, что самому младшему ребенку три года, а самому старшему – двенадцать лет.

Фенхель вырвался из ее рук и кинулся к детям, быстро перебирая бумажными лапами. Сиони невольно подивилась его прыткости.

Над ее ухом прожужжала пухлая пчела. Сиони инстинктивно принялась отмахиваться от насекомого, но остановилась, заметив, что множество таких же темных точек кружит около домиков. Рой принимал причудливые формы, превращаясь в облачка, вытягиваясь в узкую ленту или завихряясь в воздухе.

Сиони изумленно открыла рот. Неужели это пасека?

В глубине сердца Тейна?

Следом за мальчиками к ульям приближался высокий плотный мужчина, одетый в цельный комбинезон из толстой парусины. Штанины он заправил в башмаки, а ворот завязал шнурком под подбородком. Сиони не могла рассмотреть его лицо, защищенное специальной сеткой, тем более

что ее сразу облепили пчелы.

Протирая глаза, чтобы удостовериться в реальности происходящего, Сиони обратилась к единственному взрослому.

– Прощу прощения, – сказала она, но пасечник не обернулся даже после того, как она окликнула его вторично.

Старший мальчик начал бегать вокруг мужчины, и Сиони решила поговорить с ним, но не тут-то было! Он не обращал на Сиони внимания и смотрел не на нее, а как будто *сквозь нее*. Похоже, он не замечал ее присутствия. Как и все остальные.

А Лира... где же она? Сиони обогнула ульи – рой тоже игнорировал ее появление. Она заглянула за деревья и окинула взглядом пологие зеленые холмы. Нигде не оказалось никаких следов Потрошительницы.

Сиони достала из сумки лист белой бумаги и сжала его между ладонями. Ей сразу полегчало.

– Тебе водить! – пискнула девочка лет восьми с двумя золотисто-каштановыми хвостиками, торчавшими из-под сетки, и кинулась бежать от старшего мальчика.

Она так громко хохотала, что пчелы взвились над полудюжиной ульев.

– А ну-ка брысь отсюда! – прикрикнул на них мужчина и аккуратно снял крышу улья.

У него был низкий глубокий голос и не очень правильное произношение. Когда пасечник вытащил верхнюю рамку улья, Сиони восхищенно воззрилась на соты, полные густого янтарного меда. Пчелы незамедлительно облепили руки мужчины, но он отнес рамку к тачке и принялся сливать мед в ведро. Сиони сглотнула слюну, которой вдруг наполнился ее рот, однако она не отвлеклась от главной мысли: «Как я здесь очутилась?»

И что еще важнее: «Где находится это здесь?»

Вне всякого сомнения, заклинание Лир не выкинуло ее из пределов досягаемости Потрошительницы. С какой стати последовательнице запретных искусств отправлять Сиони на мирную летнюю пасеку?

Фенхель поднялся на задние лапы, пытаясь получше разглядеть особенно упитанную пчелу, жужжавшую вокруг его бумажной головы. Другая пчела зудела возле уха Сиони, но не пыталась ни сесть на нее, ни ужалить. А если и попытается, Сиони все равно ничего не почувствует.

– Эмери, дай-ка мне ложку! – крикнул мужчина, указывая на длинную металлическую ложку, лежавшую в траве.

Услышав имя мг. Тейна, Сиони уставилась на предпоследнего по возрасту мальчика, лет, наверное, шести. Эмери со всех ног кинулся

выполнять поручение. Не выпуская из рук бумагу, Сиони бросилась за ним вдогонку: она надеялась хоть как-то рассмотреть его лицо, виднеющееся сквозь пепельную сетку. Мальчуган, конечно, не заметил ее, хотя Сиони в конце концов присела перед ним на корточки. Ей удалось различить неровные пряди черных волос, выбивавшихся из-под шляпы, и яркие зеленые глаза. Да... его выдали именно глаза.

– Маг Тейн, – прошептала Сиони.

Мальчик пробежал сквозь нее, как призрак, и вручил ложку мужчине, который, вероятно, и был его отцом. Пасечник потрепал сына по плечу, и Эмери, широко улыбаясь, вернулся к остальным детям. Он носился между ульями с ловкостью, которая заставила Сиони подумать, что он мог бы повторить эти движения и с завязанными глазами.

«Семья мг. Тейна... – подумала Сиони. Но почему она видит это... воспоминание? Или мечту?»

Разве не слышала она своими ушами слова мг. Тейна, что он был единственным ребенком?

– Маг Тейн! – позвала она и осеклась на полуслове.

Как раз позади ульев – там, где зеленая равнина переходила в холмы, а с высокого дерева свешивалась автомобильная шина (ее, видимо, использовали вместо качелей), мелькнула тень. Темные локоны, подхваченные ветром.

Лира.

У Сиони перехватило дыхание. Ее пальцы похолодели, но она ухитрилась щелкнуть ими, подзывая Фенхеля. Сиони побежала прочь от Потрошительницы, от пчел и от маленького Эмери Тейна. Фенхель следовал за нею по пятам. Сейчас у Сиони не было выбора. Она могла только бежать... и лихорадочно прикидывать на ходу, как ей одолеть Потрошительницу, которую невозможно убить.

Летний пейзаж померк, стал расплываться, и Сиони вдруг оглушили громоподобные аплодисменты, от которых у нее душа ушла в пятки.

Фенхель затаивался, а Сиони остолбенела. Она очутилась в гуще рукоплещущей разряженной толпы совершенно ей незнакомых людей. Зрители, как и Сиони, находились в огромном зале, похожем на Альберт-холл в Западном Лондоне. Наклонные проходы устилали алые ковры, а на стенах висели канделябры со множеством горящих свечей. Электрических ламп не было и в помине. Сиони уперлась взглядом в полную женщину в меховой накидке, сидевшую в ближайшем кресле и гулко хлопавшую в ладоши.

– Что происходит? – спросила Сиони у этой леди, стараясь

перекричать гром аплодисментов.

Женщина ничего не ответила и не взглянула на нее. Сиони вновь оказалась призраком, хотя разворачивавшееся вокруг нее зрелище было куда более призрачным, нежели она сама.

Сиони принялась озираться по сторонам в поисках Лиры. Не обнаружив Потрошительницу, она облегченно перевела дух. Аплодисменты стихли, и Сиони присела на корточки в проходе между креслами. Она собиралась Сложить бумажную птицу.

– И маг Эмери Тейн, Складыватель, Четырнадцатый округ, – раздался голос у нее за спиной.

Сиони оторвалась от своего занятия и заморгала, а потом уставилась на ярко освещенную сцену, которую обрамляли бархатные занавеси. На широком возвышении, украшенном магической печатью, переминался с ноги на ногу усатый мужчина. Просто копия молодого Таджис-Праффа... хотя, может, это он и есть, предположила Сиони. Усач начал хлопать в ладоши, и аудитория тотчас последовала его примеру.

Напротив возвышения стоял ряд из одиннадцати кресел. Все они пустовали, за исключением одного, в котором сидел юноша в белом форменном кителе мага с воротником-стойкой и золотыми пуговицами. Руки Сиони замерли на половине Складки: маг Эмери Тейн (здесь он, кстати, был примерно ее возраста) направился к Таджис-Праффу, чтобы получить диплом – тот самый, который висел в рамке на стене его кабинета.

Сиони почувствовала, что краснеет. Мг. Тейн выглядел потрясающе: китель облегал его плечи гораздо лучше, чем кошмарный синий балахон. В талии он сужался, а безукоризненные стрелки на брюках делали Эмери выше ростом. Во всяком случае, выше, чем Таджис-Прафф. Однако в первое мгновение Сиони с трудом узнала мг. Тейна – прежде всего потому, что в те годы он коротко стриг свои буйные кудри.

Всего этого вполне хватило для того, чтобы она напрочь забыла о Лире. Ненадолго.

Фенхель принялся к наполовину сложенной птичке, которую мастерил Сиони. Сиони выпрямилась, сидя в проходе. Она едва дышала и наблюдала за тем, как получивший новое назначение мг. Тейн и Таджис-Прафф пожимают друг другу руки в перчатках.

– Я сейчас в его сердце, – объяснила она Фенхелю. – Я не покинула его и перенеслась в его воспоминания. Я вижу его сердце, но... как мне выбраться отсюда? Я не могу помочь ему изнутри!

Но спасение жизни Бумажного мага не было ее единственной заботой.

Сиони с опаской оглянулась через плечо, но, к счастью, не заметила среди магов темной Потрошительницы. Тем не менее тревога Сиони нарастала с каждой секундой.

«Если я не выберусь отсюда, я тоже умру».

Таджис-Прафф начал разглагольствовать, но Сиони заставила себя сосредоточиться на бумажной фигурке и вскоре могла вдоволь любоваться маленькой белой пташкой. Правда, пока Сиони даже не представляла, для чего та может ей понадобиться, но знала одно – Складывание птиц она теперь действительно освоила. Хотя она, наверное, отдала бы все, чтобы быть Плавильщицей и иметь револьвер с заколдованными пулями, которые всегда попадают в цель. С таким оружием у нее был бы шанс против Лиры.

Спрятав птичку в сумку, Сиони сбежала по проходу и выскочила на сцену. Мг. Тейн спускался по ступенькам, чтобы присоединиться к остальным магам, сидевшим в зале.

Сиони кинулась ему наперерез. Она должна попытаться.

– Маг Тейн! – позвала она, но он, конечно же, не посмотрел на нее.

Она подбежала к мг. Тейну вплотную и схватила его за руку, но он просто прошел сквозь нее – сквозь невидимый фантом – и уселся во втором ряду подле магов, облаченных в свои форменные одежды.

Сиони опять попыталась схватить его – на сей раз за плечо, – и снова безуспешно.

– Маг Тейн, вы слышите меня? – спросила она, помахивая ладонью перед его лицом. – Как мне выбраться отсюда?

Однако юный Бумажный маг, донельзя утомленный действием, которое устроили в честь выпускников, вздохнул и уныло подпер кулаком подбородок.

Сиони поджала губы, примерно так же, как делала мг. Эйвиоски. Затем решительно бросилась по красной дорожке к выходу. Фенхель тут же последовал за хозяйкой.

Когда Сиони пробежала сквозь оказавшуюся на ее пути женщину, та громко закричала на нее.

Это настолько ошарашило Сиони, что она споткнулась и полетела на мраморный пол Ройял-Альберт-холла. Но блестящая гладкая поверхность претерпела трансформацию, и Сиони рухнула на старый потрескавшийся паркет. Спину прострелило тупой болью.

– Дыши, Летта: вдох и выдох, – уговаривала повитуха молодую женщину, опирающуюся на локти.

Роженица (а именно ее крик испугал Сиони) полулежала на полу бедно обставленной комнатухи. Сейчас она, правда, лишь пыхтела сквозь

стиснутые губы. Рядом с ней валялись полотенца. Возле лодыжек стояла кастрюлька с красной от крови водой. К потному лбу прилипли белокурые волосы. Дождь барабанил в стекла, свет почти догоревших свечей на мгновение померк от вспышки молнии. Спустя три секунды дом сотрясся от раскатов грома – ему отозвалось стаккато дождевых струй по крыше, заглушившие глухое биение сердца Бумажного мага.

– Тейн! – завопила Сиони, увидев своего наставника.

Мг. Тейн стоял на коленях, наклонившись к беременной. Рукава его рубахи были засучены выше локтей. Он казался старше, более походил на того, каким его знала Сиони. Лоб решительно наморщен. Яркие глаза сияют надеждой.

– Терпи! – произнес он. – Еще тужься!

Роженица закричала, царапая ногтями дощатый пол.

Сиони пожирала глазами женщину, занятую тяжким трудом родов. Имеет ли она отношение к мг. Тейну?

Сиони подкралась сбоку к мг. Тейну и помахала ладонью перед его лицом. Увы, он никак не прореагировал на нее. Даже если это видение соответствует реальным событиям, вряд ли мг. Тейн опомнится. Он целиком и полностью сосредоточен на роженице.

Но времени в обрез!

– Вы должны помочь мне! – не унималась Сиони, пытаясь заглушить шум ливня. – Я заперта внутри вашего сердца! Как мне выбраться?

Как и в двух предыдущих видениях, ее не слышали ни он, ни роженица, ни повитуха.

Женщина откинулась на спину и жадно вобрала в себя воздух, повитуха поспешно вытерла ее лоб влажным полотенцем. Тогда-то Сиони заметила, что живот беременной опоясан бумажной цепью. Точно такой же Сиони обернула грудь настоящего Эмери Тейна после того, как Лира вырвала его сердце.

Сиони сообразила, что цепь заклила на поддержание здоровья. Как он назвал ее? Ах да... цепь жизненных сил.

Фенхель сжался в комок и заскулил. Сиони потрепала песика по загривку. А где же доктор? Почему ребенка принимает мг. Тейн? Складывателей не учат медицине! Присмотревшись, Сиони поняла, что рубаха Тейна мокрая – не от пота, а от воды. И с его волос капала вода. Гроза... Наверное, поблизости не было никого, кроме мг. Тейна и повитухи. Врач может и не приехать в непогоду, особенно если развезло дороги. Значит, мг. Тейн оказался ближайшим из тех, кого можно было позвать на помощь... и, вероятно, ему доверяли.

Роженица издала сдавленный стон, а Сиони разинула рот от изумления. Мг. Тейн между тем поднял в воздух крохотного пунцового младенца, только что появившегося на свет. Мальчик, покрытый кровью, извивался в руках Бумажного мага. Он был безволосый и с темно-голубыми глазами – а с матерью его все еще связывала пуповина. Младенец зашелся в крике и принялся брыкаться.

Мг. Тейн, смеясь, начал баюкать ребенка, повитуха уже спешила к нему с ножницами и мокрой губкой.

– У вас – мальчик, миссис Торк. Мальчик! Поздравляю вас!

Женщина, с лицом, залитым слезами, тоже засмеялась и потянулась к новорожденному. Повитуха обрезала и перевязала пуповину и осторожно положила сына на грудь матери.

Мг. Тейн сразу обмяк и уперся грязными ладонями в пол, чтобы не упасть. Он выглядел потрепанным и изможденным, но улыбался, а его глаза светились от счастья. Сиони восхищалась им.

– Это ваши достижения? – спросила она у наставника, а точнее у давнего воспоминания мг. Тейна. – Счастливые моменты вашей жизни? Ваши добрые дела?

Естественно, ответа Сиони не дождалась.

Она попятилась, заставила себя вернуться к настоящему – хотя бы своему собственному – и, прижав ладонь к сердцу, почувствовала его учатившийся ритм. Ей хотелось узнать, а потом и связать воедино те разрозненные обрывки, из которых складывалась мозаика жизни мг. Тейна, но сейчас следовало сосредоточиться на другом. Как ей попасть на свободу? Как вернуться в реальность?

Где же кончаются видения?

Сверкнула очередная молния, и Сиони различила за окном силуэт Лиры. Ужас насквозь проткнул Сиони ледяным копьем. Неужто Лира пробралась и сюда, а не затерялась на церемонии вручения дипломов?

Вынудив окаменевшие мышцы двигаться, Сиони вместе с Фенхелем ринулась к двери. Схватила за медную ручку, с силой нажала...

...И вывалилась в вихрь из мятущихся угольно-черных и ярко-синих пятен. Фенхель залаял. Сиони сделала, ковыляя, несколько шагов – от суматошной пляски цветов у нее затуманилось зрение.

Когда краски померкли, перед Сиони возникло новое видение.

Мг. Тейн сидел за столом в рабочем кабинете – но явно не в своем доме, расположенном в лондонском предместье. В руках мг. Тейн держал тяжелую стопку бумаг. Он почти не отличался от взрослого Эмери Тейна, который только что принимал роды. Черты его лица озаряли лучи

заходящего солнца и единственная керосиновая лампа.

– Вот и готово, – сказал он со вздохом. Обращался он, разумеется, не к Сиони, а к самому себе.

Сиони часто слышала, как Бумажный маг что-то бормотал, оставаясь в одиночестве обычно за закрытой дверью своего кабинета.

Она заглянула ему через плечо. На верхнем листе красовалась надпись: «Переворот в представлениях об одушевлении бумаги». Мг. Тейн написал книгу! Вдобавок безумно толстую... Сиони задумалась о том, почему он до сих пор не велел ей прочесть ее.

– Мг. Тейн, – тихо окликнула его Сиони, зная, что он не обернется на ее голос. – Это – чудесные события, славные воспоминания, счастливые времена, не так ли? Я очутилась в самой теплой части вашего сердца, верно?

Сиони мысленно перенеслась в класс биологии средней школы. Именно там ученики препарировали несчастную лягушку, а руководил их действиями преподаватель мистер Купер...

Внезапно в ее голове всплыло домашнее задание, которое Сиони получила накануне урока анатомии – одиннадцатого февраля. Она вспомнила все настолько отчетливо, как будто она выполнила его только что.

– Четыре камеры, – прошептала она.

Да и в учебнике по биологии тоже было написано нечто подобное!

– У сердца имеются четыре камеры. Может, я нахожусь в первой из них?

Мг. Тейн выпрямился в кресле и хорошенько потянулся. Поднявшись, он взял рукопись и, пройдя через Сиони, направился к выходу.

– Я угадала? – крикнула ему Сиони вслед и, достав лист бумаги, начала Складывать желтую рыбку.

Для рыбы нужно было сделать гораздо меньше Складок, чем для птицы, и Сиони управилась вдвое быстрее. Фенхель привстал на задние лапы, уперся передними в стол и старательно обнюхал бумажную фигурку.

– Я угадала? Если я пройду ваше сердце до конца, то найду выход?

Добавив рыбку к своему арсеналу, Сиони бросилась к двери – в коридоре еще не стихли шаги мг. Тейна.

Вывалившись наружу, она очутилась на склоне холма, поросшем мягкой травой и полевыми цветами. Не один ли из этих цветов Сиони недавно обнаружила в книге – как раз в спальне мг. Тейна? Она на миг задумалась, и ее волосы растрепал теплый ветерок, несущий с собой аромат жимолости и душистого горошка. Запахи лета. Солнечный диск

казался гигантским и расплавленным после долгого дня. Светило медленно опускалось на свое ложе на западе небосвода, прорезанного высокими деревьями. Оно окрашивало пурпурным и лиловым цветами и небо, и лиственный балдахин, укрывающий подножие длинной холмистой гряды. Несомненно, Сиони перенеслась в Норт-Даунс, который находится к югу от Лондона! Ей довелось побывать здесь с отцом несколько лет назад, но этот холм она почему-то раньше не видела. Иначе запомнила бы это место, исполненное красоты и... благоговения.

Сиони повернулась, чтобы охватить взглядом дивный пейзаж, и обомлела. Мг. Тейн лежал на клетчатом желто-голубом пледе, а прямо над ним раскинуло свои ветви сливовое дерево с красно-бурыми листьями. Бумажный маг тихо беседовал с девушкой, пристроившейся рядом с ним на том же пледе.

Сиони взвизгнула при виде юной Лиры и уставилась на будущую Потрошительницу. Лира из прошлого немного отличалась от той Лиры, которая заманила Сиони в ловушку. Ее волосы были и короче, и светлее. Лира частично скрепила их на затылке серебряной заколкой, дав остальным прядям свободно падать ей на плечи. Одета она была не в черные брюки, а в скромный белый сарафанчик до щиколоток. На шее у Лиры поблескивал продолговатый золотой медальон. Цепочка была настолько тонкой, что Сиони со страхом подумала, что ее запросто порвет даже чуть более сильное дуновение ветерка.

Лира, как и Тейн, вроде бы не замечали ее.

Сиони смотрела на беззаботную парочку, и в ее сердце зашевелилось что-то холодное и острое. Она быстро сказала себе, что это всего лишь воспоминание мг. Тейна. Крошечный кусочек чего-то хорошего, хранящийся в первой камере его сердца.

– Лира, – прошептала Сиони и принялась подниматься по склону. Она хотела разглядеть всю сцену в подробностях, но особенно ее интересовал мг. Тейн.

Через минуту-другую Сиони наконец-то смогла ясно рассмотреть лицо мг. Тейна. Его яркие глаза приобрели в тени старой сливы бархатистый ореховый оттенок. Эти глаза... Сиони видела в них любовь. Обожание. Блаженство. Безмятежность.

Он любил ее.

Фенхель ткнул носом в ногу Сиони, но она даже не пошевелилась.

Мг. Тейн... влюблен в *Лиру*?

У Сиони заныло под ложечкой, и она потерла живот ладонью. Видение или нет, но в стенах сердца мг. Тейна как-то уж слишком многолюдно.

К горлу Сиони подступила дурнота.

Она пристальнее всмотрелась в мага, стараясь определить его возраст. Пожалуй, года двадцать четыре – двадцать пять. В любом случае это случилось в прошлом. Ей немного полегчало, но чем дольше Сиони смотрела на счастливых влюбленных, тем хуже себя чувствовала. Ее мутило. Тело словно бессильно обвисло на костяке.

Встряхнув головой, Сиони с трудом оторвалась от созерцания мг. Тейна и Лиры и потеряла виски, пытаясь сосредоточиться. Мысли совершенно спутались. Ей необходимо подумать. И обрести объективность.

Она протяжно вздохнула.

– Ладно. Почему женщина, которую любит Тейн, желает его смерти? – вслух рассуждала она. – Зачем ей понадобилось красть сердце Тейна, если она уже завладела им?

Сиони начала отступать от парочки, и вскоре ее шаги, доселе приглушенные густой травой, зазвучали громко и гулко. Возвращаясь обратно, она различила среди цветов дверные петли и потемневшую медную дверную ручку. Сиони взялась за нее, потянула, и дверца отворилась.

Краски летнего вечера взвихрились вокруг нее, как и прежние воспоминания мг. Тейна, и у нее закружилась голова. Впрочем, Сиони подавила неприятное ощущение и обнаружила, что смотрит прямо в глаза мг. Тейна. В них вновь читалось восхищенное обожание, и одет он был в форменный китель мага – свежеевыглаженный, с приколотой палевой розой на груди.

Сиони зарделась и почувствовала, что ее щеки пышут жаром. Она моргнула и оказалась в другой точке видения – подле кресел, стоявших возле мостика, перекинутого через ручей в вишневом саду. Нежные белорозовые лепестки срывались с веток и летели по ветру, как смущенные чем-то снежинки. В купах высокой травы, нарочно или нечаянно не тронутых садовником, стрекотали сверчки. Белые и желтые шелковые шнурки отгораживали проход, ведущий к широкой деревянной арке, а в ее тени находились трое – мг. Тейн, мужчина в горчишной мантии и... Лира.

Лира сейчас стояла на месте Сиони. Она была облачена в белоснежное платье с длинным шлейфом, вышитое бисером. Густые волосы Лиры, подхваченные золотым жемчужным гребнем, покрывала прозрачная фата. У свадебного платья были короткие рукава и декольте, позволявшее оценить пышную грудь – та была куда внушительнее, чем у нее самой, с некоторой досадой отметила Сиони.

Священник принялся читать по книге в кожаном переплете

подобающий случаю гимн, и сердце Сиони болезненно забилося о ребра.

Значит, Лира была его женой.

Была. Теперь присутствие сборника церковных гимнов в спальне мага получило объяснение.

Сиони потеряла затылок, стараясь усмирить жар, поднимавшийся вдоль шеи. Тейн так же смотрел на нее перед тем, как...

Кровь оглушительно стучала в ушах Сиони.

Но это была не она, а Лира. Молодая Лира. Иная Лира.

Сиони дернулась, готовая к тому, что Потрошительница – жена Тейна – в любой момент появится позади нее, но увидела лишь радостных гостей, среди которых был и пасечник, и его жена. Сколько незнакомых лиц... Воспоминания мг. Тейна перемешались, как карты в колоде. Вероятно, Лира не успевала за ними угнаться.

А может, она не хотела здесь находиться. Как, впрочем, и Сиони.

Сиони ущипнула себя за руку. Ей ни в коем случае нельзя терять бдительность! Мг. Хьюз говорил, что Потрошители способны магически воздействовать на жертву через одно-единственное прикосновение! Конечно, Лире не нужно усердствовать для того, чтобы с ней разделаться. Остается надеяться только на то, что эта ненормальная потеряла ее след. Нет уж, Сиони не предоставит обезумевшей женщине, которая устроила на нее охоту, никаких преимуществ. Хватит играть в «кошки-мышки» внутри украденного сердца мг. Тейна.

Она должна отыскать следующую камеру.

Сиони отвернулась от сцены венчания и, не оглядываясь, бросилась прочь в сопровождении верного Фенхеля. Что-то тревожило ее. Невесомые розовые лепестки летели ей наперерез. В воздухе витал слабый чувственный аромат вишен. Песня сверчков становилась глуше.

Сиони бежала, петляя между деревьями, пока не поняла, что оказалась в настоящей чащобе. Она замедлила шаг и заметила кованую железную ограду, виднеющуюся сквозь невысокий кустарник. Сиони толкнула узкую калитку и побежала дальше. Вскоре травянистый дерн под ногами сменился твердой поверхностью. Дорогу ей преградила стена, сплошь закрытая книгами. Тупик.

Сиони перенеслась в библиотеку.

Она очень походила на ту, которая сейчас находилась в доме мг. Тейна, правда меньшего размера, хотя окон здесь было побольше. Сиони быстро огляделась. Помимо стеллажей с книгами и кресел, в комнате имелось два стола – над одним из них и склонился молодой Эмери Тейн. Его темные волосы были подстрижены, а рукава белой рубашки засучены по локоть.

На столе аккуратными стопками лежала белая или почти белая бумага разной толщины. На полу громоздилась куча частично сложенных и скомканных листов, а рядом возвышался старенький портновский манекен, торс которого обхватывали самые разнообразные детали, напоминающие кости скелета. Сиони посмотрела на бумажные ключицы и тщательно сделанный позвоночник и узнала остов Джонто. Значит, она попала в период создания бумажного дворца.

– А вот и бумаженции, – донесся из коридора мужской голос. – Посыльный доставил их вовремя.

Сиони невольно переключилась на парня, переступившего порог библиотеки. Он тащил в руках две огромные картонные коробки, доверху набитые бумагами. Сиони вряд ли подняла бы любую из них, не надорвав себе живот или спину.

Однако ноша не являлась для незнакомца (а судя по мальчишескому лицу, он был лишь несколькими годами старше Сиони) неподъемным грузом. Рост широкоплечего здоровяка составлял, пожалуй, шесть с половиной футов. Сиони захлопала глазами. Ну и приятели у мг. Тейна! Икры ног незнакомца напоминали праздничные окорока, а живот изрядно выдавался вперед.

– Замечательно, Лэнгстон, – пробормотал Тейн, на миг оторвавшись от своего занятия.

Сиони не смогла угадать, какую именно деталь складывал Бумажный маг: она выглядела как скатанный полумесяц длиной примерно с его ладонь. Но ей повезло: следующая реплика мг. Тейна прояснила ситуацию.

– Я хочу попробовать одновременно и толстую, и тонкую бумагу – плотную для челюстного сустава и подбородка, а тонкую – для промежуточных частей. Может, так получится, – произнес мг. Тейн.

– Ага, – кивнул Лэнгстон, в странной манере растягивая слова, и Сиони заподозрила, что он вырос не в Англии. – Уверен, маг Тейн, вы обязательно сообразите, что к чему. Матушка всегда говорила, что слова «чтоб тебя!» придумали бобры, не доделавшие свою хатку из-за того, что им маленькой палки не хватило.

– Твоя матушка любила поболтать, – отозвался мг. Тейн. – А теперь иди сюда и попробуй сложить такую же бедренную кость.

Сиони изумленно наблюдала, как Лэнгстон придвинул тесное для него кресло и уселся напротив мг. Тейна, с трудом пристроив свои огромные локти на столе.

– Это ваш ученик? – выпалила Сиони, не ожидая ответа.

Судя по возрасту мг. Тейна, Лэнгстон был его первым подмастерьем...

хотя вряд ли этот здоровяк добился особых успехов. Сиони вполне могла бы понять мг. Тейна, если бы узнала, что он выгнал Лэнгстона из дома с позором. Неловкие лапы ни за что не совладают мелкими и затейливыми Складками, которые требуются для среднего и высшего уровней Бумажной магии.

Однако Сиони ошибалась. У нее буквально отвисла челюсть, когда Лэнгстон поистине эльфийским движением взял бумажный бедренный сустав Джонто и покрутил его в руках. Положил образец на стол, а затем схватил квадратный лист средней толщины и принялся за дело, высунув от усердия кончик языка. Лэнгстон работал быстро – он умело Складывал бумагу, воспроизводя мельчайшие детали бедренной кости.

– Поразительно! – прокомментировала Сиони работу мг. Тейна и его подмастерья. – Я не отказалась бы иметь возле себя парня такой комплекции.

Потом потеряла отчего-то похолодевшие руки и добавила:

– Я сейчас вообще ни от кого бы не отказалась.

Фенхель ткнул ее лапой. Сиони рассеянно погладила песика по голове.

Лэнгстон, несомненно, уже получил диплом Складывателя. Сиони задумалась над тем, сколько времени продолжалось его ученичество. И еще над тем, обрадовался ли он, когда явился в жилище мг. Тейна. Был ли он вежлив в момент знакомства с наставником. Испытывал ли по отношению к мг. Тейну признательность, сравнимую с ее собственной благодарностью.

– Нам пора, – сказала она Фенхелю и вздохнула.

Окинув беглым взглядом Джонто и Тейна, она направилась к некрашенной двери библиотеки. Чтобы справиться с заржавевшим замком, ей пришлось толкнуть створку плечом...

Теперь Сиони пыталась удержать равновесие на ковре насыщенного бежевого оттенка. Сиони попала в зал без окон, ярко освещенный сотнями электрических ламп. Осмотревшись по сторонам, Сиони увидела лиловые альковы, украшенные золотистыми плитками. Осветители – маги стекла – зачаровали их специальным заклинанием, призванным рассеивать свет почти призматическими лучами. Слуха Сиони коснулась негромкая инструментальная музыка, перебиваемая звоном бокалов и журчанием невнятных людских голосов. Похоже, здесь намечалась светская вечеринка.

Сиони замерла, оценивая воспоминание мг. Тейна. Фенхель пробежал несколько ярдов и принялся.

Сиони знала это место – работая в агентстве, она часто доставляла сюда горячие блюда.

Забавно, но она очутилась в Дрейперс-холле на Трогмортон-авеню, в

самом роскошнейшем банкетном зале в Лондоне, если не во всей Англии. По крайней мере, роскошнейшем из тех, в которых довелось побывать Сиони.

Она находилась на балконе, по бокам которого возвышались колонны, декорированные гирляндами и заканчивающиеся резными капителями. На потолке красовались плафоны с изображениями бескрылых ангелов среди пышной растительности. Сиони провела ладонью по перилам балкона, тоже отделанных золотистыми листовыми гирляндами. Странно, но это видение воспринималось как реальность, а не как сон или мечта. Где же она, в какой эпизод жизни мг. Тейна ее занесло?

Сиони опустила взгляд. Круглые столы, покрытые скатертями, белели внизу. Мужчины в фраках и женщины в вечерних платьях прохаживались друг с другом и беседовали. Между ними сновали официанты с серебряными подносами и стеклянными графинами с прохладительными напитками. Обслуживающий персонал появлялся словно из ниоткуда, но Сиони знала, что дверь кухни замаскирована в северо-восточном углу зала. А в противоположном углу наигрывал какую-то умиротворяющую мелодию струнный квартет. Сиони задумчиво кивнула. Хорошо, что она видит Дрейперс-холл с непривычного ракурса: теперь можно рассмотреть даже мельчайшие детали.

А ведь совсем недавно и она сама носила такое же черное платье и передник в оборках...

Стойте! Она, Сиони, прислуживала людям, приглашенным на это мероприятие.

Сделав шаг назад, Сиони крутанулась на месте. На просторном балконе были расставлены столики, сервированные на четверых. Примерно четверть из них еще пустовала, но Сиони решила, что мг. Тейн находится где-то поблизости. Если сердце выкинуло ее сюда, значит, и мг. Тейн (наверняка он приближался к своему тридцатилетнему рубежу) должен быть рядом.

Она оказалась права. Сиони высмотрела Тейна (к счастью, он не надел свой синий безразмерный балахон) за столиком – в обществе лысого господина, которого Сиони никогда прежде не встречала.

Тейн сидел, опершись подбородком на ладонь, как и во время церемонии награждения, когда он получил звание мага. Вид у него был скучающий. Его собеседник ничего не замечал и возбужденно тараторил, взмахивая ножом для масла и мотая лысой головой.

– ...и она утверждала, что настоящие леди носят атласные шарфики! Заявила, что, дескать, у Мари Белль их целых три, причем разных оттенков

синего, вот мне и пришлось выдать ей дополнительные карманные деньги, – сообщил незнакомец, сделав короткую паузу, чтобы отпить из бокала шелковичного вина (причем того года, урожай которого оказался особенно дорогим, если Сиони верно запомнила).

Да, именно шелковичное вино она и подавала в тот день.

– В мае будет ее первый бал, и я не могу допустить, чтобы она присутствовала там без должных аксессуаров. Ох уж эти атласные шарфики! – продолжал лысый. – Я прямо из сил выбиваюсь! Так хочется, чтобы все соответствовало дамской моде! Кроме того, ее мать уехала в Графтон и вообще...

Мг. Тейн постучал ногтем среднего пальца по краю тарелки, где лежали нетронутые закуски. Он уже допил вино из бокала, но поскольку большая часть официантов находилась на первом этаже, никто не спешил наполнить его снова. Его глаза немного остекленели – не от алкоголя, а от скуки. Неужели лысый такой недогадливый?

– Каково ваше мнение, Эмери?

Тейн моргнул, и Сиони уловила мимолетную вспышку его радужки.

– Разумеется, дебютантке чрезвычайно важно правильно продемонстрировать шею. Ирония заключается в том, что закрытая шея не соответствует духу события, но вы же не допустите, чтобы ваша младшая тряслась на балу от холода – в отличие от остальных барышень?

Сиони улыбнулась.

– Совершенно верно, – закивал мужчина. – В противном случае ее не примут в обществе!

Сиони рассмеялась. Интересно, Тейн и этот лысый имели в виду одно и то же?

Взгляд Тейна скользнул в сторону зала. Зайдя ему за спину, Сиони попыталась проследить, куда он смотрел. Она уже усвоила, что попытки привлечь его внимание абсолютно бесполезны. Ей показалось, что он смотрел на часы-башню у северной стены, очевидно рассчитывая, что ему удастся улизнуть.

Улизнуть...

Обойдя наставника, Сиони облокотилась на перила и решила отыскать внизу Лиру – если она обнаружит Потрошительницу, то, возможно, получит некоторое преимущество. Увы, вместо Леры ей в глаза сразу бросилась официантка с рыжеватой косой.

Это была она сама!

Сиони хорошо запомнила этот прием, но мг. Тейна она тогда почему-то не заметила. А ведь его лицо могло врезаться ей в память! Однако на том

ужине (его организовали с благотворительной целью – для сбора средств в пользу правления какой-то школы) Сиони прислуживала только внизу и даже не поднималась на балконы. А происходило все двадцать девятого июля тысяча девятьсот первого года – за неделю до начала учебного года в Таджис-Прафф.

Так и получилось, что это был ее последний рабочий день.

Сиони, прищурившись, наблюдала, как она наполняет бокалы вином. В черном платьишке она выглядела отвратительно. Оно подчеркивало все, что следовало скрыть, и не давало простора воображению. Слава провидению, она тогда не была знакома с Тейном. От этой мысли ее уши сразу вспыхнули.

Сиони узнала мужчину, сидевшего за столом, возле которого суежилась ее младшая ипостась. Хотя до возраста, который принято называть средним, ему оставалось еще несколько лет, его волосы уже поседели и поредели, а рот обрамляли длинные сивые усы. Ширину его плеч подчеркивал прекрасно скроенный смокинг – вероятно, лучший из всех, в каких щеголяли посетители, – с тремя пуговицами из чистого золота и красным плиссированным поясом-камербандом. О да, Сиони не забыла этого типа: он вещал что-то омерзительное насчет Милл-сквотс, где она выросла, и делал презрительные замечания по поводу образования тамошних жителей. Дескать, для нищих девиц нет иного пути, кроме как в проститутки. Сиони запомнила тот благотворительный вечер до мельчайших подробностей. Она ненавидела напыщенного сноба, но успешно скрывала свое отношение к нему до тех пор, пока...

Затаив дыхание, она смотрела, дожидаясь роковой минуты. Ждала...

Наконец... младшая Сиони наклонилась, чтобы налить вина ему в бокал, и мужская рука без перчатки шмыгнула ей под юбку. Она до сих пор помнила прикосновение его липких пальцев к бедру.

Младшая Сиони отскочила, скорчила гримасу и выплеснула весь остаток дорогого шелковичного вина прямо ему на колени. Мужчина взвизгнул и дернулся назад с такой силой, что его кресло с грохотом опрокинулось на мраморный пол. Звуки падения и проклятий, которыми разразился грубиян, разнеслись по всему залу.

Мг. Тейн рассмеялся.

Это поразило Сиони. Она окинула наставника неодобрительным взглядом, но мигом сообразила, что он тоже видел случившееся. Он стал свидетелем того, как Сиони выплеснула редкое вино на самого разодетого человека из всего собрания, опозорив и его, и себя в глазах сливок английского общества.

А мг. Тейн хохотал.

– Что вас так развеселило? – осведомился его лысый собеседник.

– Официантка вылила графин вина на колени Сайнэду Мюллеру, – объяснил он сквозь смех, подхватывая полотняную салфетку шалфейного цвета и поднося ее к лицу.

Сиони побледнела. Как он сказал?.. Неужели?..

Когда она услышала имя Сайнэд Мюллер, время будто остановилось. Мюллер. *Учебная стипендия Мюллера*. Сиони была первой в списке соискателей, претендовавших на заветную стипендию, но неожиданно лишилась ее и похоронила свои давние мечты о магии. Потеря вернула ее к единственной перспективе – стать домашней прислужкой и накопить денег для того, чтобы выучиться на мало-мальски приличного повара.

Теперь все встало на свои места.

Сиони смотрела, как ее младшая ипостась мчалась на кухню и на продолжавшего изрыгать грубую брань Сайнэда Мюллера. Двое его коллег уже бросились к нему с салфетками, готовые приступить к тщетным попыткам вытереть пострадавшего.

Она оторвалась от перил и попятилась. Ее ноги сделались ватными.

Теперь понятно, почему ее не только уволили, но и лишили стипендии! Она оскорбила большую шишку – Сайнэда Мюллера, который должен был дать свое согласие для кандидатки.

– Он это заслужил.

Сиони остолбенела – второй мг. Тейн материализовался рядом с сидящим Бумажным магом. Наставник был одет в индиговый балахон и стоял, скрестив руки на груди.

Сиони переводила взгляд с одного Тейна на другого. Они напоминали близнецов.

У нее перехватило дух.

– Тейн!

Однако второй Тейн смотрел не на нее, а на развернувшуюся внизу сцену. Бумажный маг не замечал ее, как и его двойник, сидящий за столом. Правда, когда он заговорил, Сиони казалось, что мг. Тейн в балахоне обращается именно к ней.

– За закрытыми дверями Сайнэд Мюллер превращается в гнуснейшего типа, – произнес Бумажный маг. – Его голос и манеры меняются как по мановению волшебной палочки. То, как он пялится на женщин и даже на юношей, внушает отвращение. Он загребает деньги лопатой и отсыпает крохи тем беднякам, которых ему подберут, а заботится исключительно о том, чтобы его «щедрости» аплодировала вся Англия. Он играет на

школьном правлении, как на скрипке, и я уверен, что он жульничает с выпускными экзаменами. Он заклинает резину ничуть не лучше захудалого торговца шинами.

Сиони впилась в лямку своей вязаной сумки и почувствовала, как Фенхель прижался к ее ногам.

– Он знал, кто я такая.

– Я выяснил, кто вы такая, – вымолвил мг. Тейн, но Сиони не поняла, ответил ли он на ее реплику или просто продолжал свой монолог. – Он перечеркнул ваше имя в списке стипендиатов, но тогда вмешался я. – Он усмехнулся своим мыслям и потер подбородок большим пальцем. – Я хотел видеть выражение его лица, когда «дерзкая злая девчонка», как он выразился, въедет в Таджис-Прафф и сполна оплатит за все – и за его гадкие манеры, и за его грязные деньги!

Сиони взглянула вниз, но Сайнэд Мюллер уже покинул банкетный зал.

– Вы помогли мне, чтобы уязвить его? – пробормотала она. – Пятнадцать тысяч фунтов – всего лишь для того, чтобы уколоть неприятного вам человека. Не сочтите меня неблагодарной... но вы не представляете, что это значило для меня...

Обернувшись, она увидела, что второй Тейн исчез. Сиони принялась метаться по балкону. Она решила отыскать наставника, но он скрылся из виду – легко и неуловимо, как луна за тучами пасмурной ночью.

Сиони хотелось выразить словами, как много значила для нее стипендия – независимо от причин, по которым ей достались эти деньги. Благодарственное письмо, хранившееся в кабинете мг. Тейна, и близко не передавало ее чувств.

Теперь у нее появилась еще одна причина не позволить Тейну умереть.

Сиони взглянула вниз и оторопела: на первом этаже расхаживала Потрошительница. Лира приблизилась к музыкантам из струнного квартета. Она слегка покачивала сложенной в чашечку ладонью, где краснела лужица крови. Поисковое заклинание?

Сиони присела на корточки и пересчитала свой бумажный арсенал, хранившийся в сумке. Кое-что у нее, конечно, имеется, но какой прок от игрушечных зверюшек, если твоим врагом стала опытная Потрошительница? Складывание никогда не было боевым искусством!

– Надо выбираться отсюда, – прошептала она, подхватывая Фенхеля под передние лапы. – Что же делать? Тейн, где вы?

Ответа, разумеется, не последовало. Мг. Тейн находился вне пределов досягаемости.

Судорожно сглотнув и прижимая к груди Фенхеля, Сиони побежала по

балкону. Куда ей деваться? Чем она может навредить темной злодейке? Как обмануть Лиру? Не швырять же в нее стопку бумаг!

А у нее действительно была веская причина для отказа! Ну не желала она учиться на Складывательницу!

«Мне нужно выбраться отсюда!» – отчаянно напоминало ее сознание.

Сиони сбавила шаг, а затем и вовсе остановилась. Путь ей преградила дверь – белая с алым обрамлением и безо всяких ручек. В реальном банкетном зале ее точно не было. Оглянувшись через плечо, Сиони заметила Потрошительницу – Лира уже поднималась по лестнице, ведущей на балкон.

Сиони толкнула дверь и едва не поскользнулась в кроваво-красной луже.

Дверь растаяла в воздухе, и Сиони закусила губу, чтобы сдержать крик. Она вернулась в камеру сердца Тейна и вступила прямо в ручеек крови, который бойко обтекал ее ступни. Сквозь мясистые стены раскатывалось громкое биение: «ПАМ-Пом-пуум».

Пытаясь отдышаться, Сиони направилась по течению потока. Фенхеля она прижимала к себе. Кровь поднималась все выше и выше и спустя некоторое время достигла ее колен. Не слишком ли глубоко она забрела? Сиони стиснула зубы и постаралась не думать о том, что будет, когда ее захлестнет с головой.

Она увидела очередную дверь, сотканную из плоти и пульсировавшую в привычном уже знакомом Сиони ритме. Без окошек, ручек, замков и даже без петель. Узкая багровая полоска была туго прижата к другой полоске, словно две стороны длинной воспаленной раны, которой никогда не суждено зажить.

Сиони почему-то не сомневалась, что ей нужно попасть за эту дверь.

Внезапно в ее голове раздался ласковый голос Лир. Сиони сообразила, что Потрошительница использовала заклинание и общалась с ней на расстоянии. «Может, она заплутала где-то в видениях», – с надеждой подумала Сиони.

– Забавный расклад, верно? Меня бы вполне устроило, если бы ты осталась здесь взаперти, дорогуша, – произнес голос, – но мне не хотелось бы, чтоб это место провоняло тобой насквозь. Поэтому давай закончим побыстрее, ладно? Твое тело будет целым и невредимым. Почти. Ну, может быть, разрубленным напополам...

Несмотря на удушающую жару, кожа Сиони покрылась гусиными пупырышками. Еле справившись с ознобом, Сиони с трудом набрала полную грудь воздуха и посмотрела на Фенхеля. Драться с Лирой она не

может – пока. Значит, надо придерживаться прежнего плана – отыскать выход из сердца Тейна.

– Фенхель, мне очень нужно свернуть тебя, – шепнула она песику. – Свернись сам и полезай в сумку, там безопаснее. Ненадолго. Пожалуйста...

Фенхель склонил голову набок в знак согласия.

– Спасибо, – произнесла она, и Фенхель послушно поджал лапки.

Сиони осторожно надавила ему на бока, и песик превратился в толстый кривобокий многоугольник, который Сиони аккуратно спрятала между листов бумаги.

Набрав полную грудь воздуха и задержав дыхание, Сиони протиснулась между мясистыми стенками сердца Эмери Тейна во вторую камеру.

Глава 9

Сердце мг. Тейна ровно пульсировало, отбивая громкое и неизменное «ПАМ-Пом-пуум». Откуда-то сверху в тесную камеру проникал неестественный свет. Стенки давили на Сиони все сильнее, как будто на нее наехал пустой дилижанс, куда быстро набилась куча народа и тяжелые колеса вот-вот раздавят ее...

Или нет? Наверное, она тонет. Мышцы Сиони напряглись от адреналина, захлестнувшего тело. Она задыхалась от удушья. Кожа пылала, как от ожога. Ей было чересчур тепло – нет, невыносимо жарко. Можно было ожидать, что сердце, отделенное от владельца, будет холодным, но к сердцу Эмери Тейна это утверждение явно не относилось. Оно отрицало все законы физики, с которыми Сиони успела познакомиться за девятнадцать лет своей жизни. Но если она не выберется, то двадцатилетия ей не видать!

Сквозь зажмуренные веки брызнули слезы. Она цеплялась за стенки и сопротивлялась, хватала ртом воздух и не находила его. На губах она чувствовала кровь – не свою, а чужую. Она неощутимо продиралась вперед, расталкивая подававшуюся под ее напором плоть и прижимая вязаную сумку к груди. Ее собственное сердце отчаянно колотилось, в глазах начало темнеть...

Поток крови, омывавшей ее ноги, вдруг хлестнул ее почти до поясницы и протолкнул сквозь клапан. Руками она ощутила открытое пространство. Упираясь каблуками в плоть, Сиони, кашляя, шмыгая носом и отплевываясь, протиснулась во вторую камеру сердца мг. Тейна.

Она до боли прикусила щеку и медленно втянула в себя горячий воздух. Только бы успокоиться и перестать трястись! Только бы сдержать рвущиеся наружу рыдания.

«Я сама пошла на это. Я справлюсь.

Я обязана справиться».

Едва она успела перевести дыхание, как услышала из оставшегося за спиной клапана сосущий звук.

Сиони оглянулась. Река, протолкнувшая ее сквозь клапан – в «помещение», почти неотличимое от первого, – продолжала струиться следом за Сиони, заполняя неровности и поднимаясь выше. Заливая все вокруг...

– Нет, – произнесла Сиони и выпрямилась с неожиданной энергией.

Одежда, пропитанная кровью, которой она перемазалась, преодолевая клапан, липла к скользкой коже. – Не надо. Прошу – не надо.

Но жидкая водянистая кровь продолжала хлестать, заполняя канавки и подступая все ближе к ногам Сиони.

Девушка попятилась на середину камеры, где пол был повыше. Первые волны крови плеснули на ее туфли.

Кожа Сиони словно заledenела. Губы онемели.

– Тейн! – выкрикнула она, закрываясь сумкой. – Нет! Выпустите меня отсюда!

Она сделала еще шаг – кровь уже доставала ей до щиколоток. Камера заполнится в считанные минуты, если не секунды! Сиони не умела плавать. Она в ловушке.

Неужто она и впрямь утонет?

– Тейн! – завизжала Сиони, трясаясь всем телом, от подбородка до пяток. И голос ее дрожал даже в этом коротком крике.

«Что угодно, только не утонуть. Только не утонуть», – мысленно повторяла она.

Кровь продолжала прибывать, грохот сердцебиения оглушал. Она зажмурилась, выпустила лямку сумки и зажала уши ладонями. Это уже явный перебор!

«Пожалуйста, пожалуйста...»

Кровь, плескавшаяся в камере, внезапно исчезла, а чулки Сиони мигом высохли (правда, сделались жесткими). Сиони, кусая губы, открыла глаза и увидела полки с книгами. В солнечном луче плясали пылинки.

Она позволила себе медленно выдохнуть и молча вознесла хвалу Богу и Бумажному магу.

Вокруг нее замелькали видения: Тейн в синем балахоне что-то складывает, устроившись на полу библиотеки... Какой-то блондин возится с бумагой, сидя за столом... Тейн, облаченный в ярко-красную одежду, роется в ворохе тетрадей... Люди появлялись лишь на мгновение и тотчас пропадали.

Кто-то или что-то вытащило Сиони из камеры и поместило сюда – в относительно безопасное место. Похоже, сердце мг. Тейна недоумевало, гадая, что еще показать Сиони...

Девушка украдкой оглянулась, но не обнаружила пульсирующего клапана, через который совсем недавно протискивалась в камеру. Вместо него она увидела громоздкий книжный шкаф – точно такой же, как в настоящей библиотеке мг. Тейна, правда, с одним отличием. Книги здесь были педантично расставлены по цвету корешков. Сиони изумленно

разинула рот. В соседнем шкафу, который находился возле двери, выстроились красные, темные и светлые, переплеты. Далее шли оранжевые, рыжевато-коричневые и желтые обложки, а потом – белые. На самой нижней полке цвета были иными – зелеными, синими, фиолетовыми, серыми и черными. До невозможности эстетично, но полностью абсурдно. Реальная библиотека мг. Тейна выглядела по-другому. Интересно, так было или будет... в будущем?

Не мешкая – хотя ноги у нее до сих пор подкашивались от крайне малоприятного путешествия между камерами сердца, – Сиони первым делом развернула и вновь оживила Фенхеля. Затем она кинулась читать надписи на корешках, пытаясь отыскать хоть что-нибудь, что помогло бы ей, если Лира настигнет ее. Нечто, чем можно драться и защититься от врага. Кстати, ей бы пригодился толстый фолиант. В рукопашной стычке он точно ей не помешает!

Ее указательный палец скользнул по «Брачным обычаям крокодилов», «Живому бумажному саду» и «Франкенштейну».

– Ага! – воскликнула Сиони, задержав взгляд на палевом томике карманного формата. Он как раз стоял там, где оранжевые корешки сменялись желтой частью спектра. «Основные заклинания для цепей», – прочитала Сиони и взвесила книгу на ладони. Неплохо для начала. Возможно, знания в сердце более устойчивы, чем в памяти или в мыслях. Если судить по окну его кабинета, мг. Тейн отлично разбирается в бумажных цепях.

Сиони раскрыла страницы с оглавлением. Непрерывное «ПАМ-Пом-пуум», доносившееся издали, напомнило ей о том, что надо спешить. Лира, насколько Сиони представляла себе намерения Потрошительницы, вполне могла решить избавиться от сердца Тейна. С нее станет прямо сейчас швырнуть его в океан, да и время мг. Тейна безвозвратно утекало...

Пробежав глазами оглавление, Сиони принялась лихорадочно листать страницы. Множество черно-белых иллюстраций изображали схемы различных цепей, от простейших до сложных. Сиони заметила цепь жизненных сил, которую мг. Тейн использовал для роженицы и для себя самого, но не стала задерживаться на ней.

Вдруг ей на глаза попало слово «щит». Наверняка подойдет, подумала Сиони и погрузилась в чтение.

«Трехскладочная цепь-щит относится к числу основных оборонительных цепей. Ширина ее звеньев не имеет значения, поскольку главным ее признаком является длина. Данная цепь должна полностью обхватывать предмет, нуждающийся в защите.»

Звено Складывается из стандартного листа 8 × 11 дюймов, разрезанного вдоль пополам, как показано на рисунке 1».

Сиони внимательно рассматривала чертежи и пояснения. Перевернув страницу, она мысленно повторила все инструкции, откладывая их в памяти. Поставив томик на место, она стала рыться в своей вязаной сумке, пока не нашла листы, разрезанные точно так же, как на чертеже.

Сиони принялась за работу, хотя сначала руки ее не слушались. Пальцы Сиони дрожали, но отнюдь не так сильно, как в те минуты, когда она делала то самое слабое сердце для Тейна.

Она молилась, чтобы оно продолжало биться. Если он умрет...

Сиони не хотела развивать эту мысль дальше.

Она выровняла края и согнула их. Перед ней опять замелькал Тейн с доской для Складывания, на сей раз в безразмерном синем балахоне. Он то появлялся, то таял в воздухе. Мг. Тейн мастерил из бумаги какие-то фигурки и бурчал себе под нос – его голос эхом отдавался у нее в голове. Сиони не могла разобрать, о чем он говорит, но внезапно ей показалось, что наставник назвал ее имя.

Она увидела себя в форменной одежде подмастерья, но видение тут же улетучилось.

Сиони сосредоточилась на цепи.

– Вы хотите учить меня? – спросила она, принимаясь за второе звено. Теперь, когда она усвоила технику Складывания, дело пошло быстрее. Ощущение легкого покалывания, которое она всегда испытывала во время Складывания, стало почти естественным для Сиони. – Хорошо, я не возражаю.

Сиони прислушивалась к отдаленному ровному биению сердца Тейна. Ее пальцы без устали сгибали бумагу и аккуратно заглаживали ребра Складок. Когда цепь стала достаточно длинной, Сиони наискосок охватила ею грудь и спину, скрепила концы и вынула из сумки очередной лист бумаги, теперь квадратный. Нужно Сложить кое-что важное – бумажный веер... Мг. Тейн как в воду глядел, нагрузив ее заданиями!

«Если сделать его правильно, то его взмахом можно вызвать настоящую бурю» – вроде бы так говорил наставник.

Сейчас ей выпадет шанс проверить истинную силу заклинания. Оставалось надеяться, что маг не преувеличивал возможности веера.

Когда она доделывала последнюю Складку, библиотека неожиданно поплыла перед ее глазами. Маленькое святилище грозило вот-вот обвалиться! Сиони поняла, что видение может смениться в любую секунду, а значит, ей надо бежать.

Спрятав веер в сумку, она кинулась к выходу. Фенхель помчался за хозяйкой.

Сиони распахнула дверь и вторично за время своего знакомства с мг. Тейном вступила в помещение, сотрясаемое аплодисментами.

Ройял-Альберт-холл. Она узнала и зал, и светильники, в которые уже вкрутили электрические лампы. Прожектор ослепил ее, заставив прикрыть лицо ладонями. В отличие от прошлого раза она очутилась не в проходе, а на сцене.

При виде зрителей-магов Фенхель тихонько заскулил. У Сиони слегка закружилась голова.

Когда свет прожектора ослабел, Сиони сориентировалась и справа от себя различила бледное деревянное возвышение, на котором стоял постаревший Таджис-Прафф. Опустив голову, Сиони обомлела – она щеголяла в идеально выглаженной магической униформе! Белое одеяние шло ей больше, чем любая одежда, какую ей раньше доводилось носить. Тем не менее странно, что на ней брюки, а не юбка. Разве не все магички носят форменные юбки?

– Сиони Твилл! – провозгласил Таджис-Прафф, и зал возобновил рукоплескания.

Сиони заметила в первом ряду Тейна в белоснежном кителе.

Бумажный маг не спускал с нее гордого взгляда улыбающихся глаз. Сиони жадно впитывала в себя выражение его лица, откладывая образ мг. Тейна в глубочайших тайниках собственной памяти.

Таджис-Прафф приглашающе махнул ей рукой. Фенхель ловко взбежал на возвышение, и Сиони после непродолжительного колебания отправилась за ним. Замедлила шаги и ответила на рукопожатие Таджис-Праффа.

Аплодисменты стихли, прожектор погас. Белое форменное одеяние ее мечты трансформировалось в прежнюю одежду. Стало холодно. Ладонь Таджис-Праффа поблекла, и Сиони очутилась в длинном коридоре с каменными стенами.

Она дважды моргнула. Ее что, занесло в тюрьму?

Сиони ахнула, поскольку не ожидала, что в сердце Тейна найдется место для столь мрачного заведения. Она находилась в начале коридора, по обеим сторонам которого тянулись широкие двери. Металлические створки поблескивали, и Сиони поняла, что на них наложены колдовские чары. Сиони никогда не доводилось бывать в настоящих тюрьмах, зато она прочитала много романов про древние крепости и застенки. И, точно как в этих книгах, все двери были заперты, а серое, предгрозовое освещение в

коридоре вызывало в душе тревогу. Тонкие лучики солнечного света скреблись в узкие окошки, прорезанные между соседними дверями. В такое крошечное отверстие и ребенок руку не просунет, подумала Сиони.

Она щелкнула пальцами, подзывая Фенхеля, поскольку ее голос не добрался до горла и заблудился где-то между легкими и желудком. Потрепав бумажного песика за ухом, Сиони побрела по коридору. Юбка, уже успевшая отсыреть, с громким шорохом хлестнула Сиони тяжелым подолом.

Сиони уповала лишь на то, что теперь ей не придется возвращаться обратно – в застенки сердечной камеры, где она едва не умерла от удушья. От этой мысли ее тело покрывалось гусиной кожей, хотя и здесь, в тюрьме, ей тоже было несладко.

Вдруг из-за угла вышел коренастый усатый надзиратель с такой мускулистой шеей, что казалось, будто под кожей натянуты стальные канаты. На одном бедре у него болтался пистолет, на другом – дубинка, а выражение лица недвусмысленно намекало на то, что во время его дежурства ни один преступник не то что сбежать, но даже *чихнуть* не посмеет. Сиони застыла под его взглядом, но сразу же сообразила, что этот жуткий тип ее не видит. Чтобы убедиться в своем предположении, она помахала рукой перед свирепой физиономией надзирателя, когда тот поравнялся с ней.

Значит, она не являлась персонажем нового видения. Ну и хорошо.

– Завтракать! – проорал надсмотрщик и, отцепив дубинку от пояса, принялся колотить по каждой двери, мимо которой проходил.

Попутно он открывал дверцы-глазки, за которыми темнели решетки из кованого железа. Расстояние между прутьями позволяло просунуть между ними миску с едой – да и только.

– Кто не встанет, будет голодать и дальше, так что выбирайте!

Сиони поморщилась от оглушительного стука дубинки по железу, а потом расхрабрилась и заглянула в ближайшую камеру.

Она шарахнулась от зарешеченного окошечка так, что стукнулась плечами о противоположную стену.

Лира.

Волосы арестантки, одетой в коричневую робу, отросли и посеклись на концах. Ее глаза потухли. Она покорно села у окошка еще до того момента, как надзиратель добрался до ее камеры, но он все равно ударил дубинкой в дверь.

Лира в тюрьме. О, если бы так!

Сиони на цыпочках отошла от камеры Лир и, заглянув в следующую

клетушку, обнаружила там долговязого темнокожего мужчину со шрамом на носу. Сиони не знала, кто он такой и в чем провинился, в отличие от человека, сидевшего в соседней камере. Его лицо молниеносно всплыло в памяти Сиони. Оплывший подбородок, свинячьи глазки и морщинистый лоб были изображены на плакате «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», который Сиони увидела в почтовом отделении пару лет назад. В ее сознании вспыхнула надпись:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ
ГРАТ КОБАЛЬТ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА»

Сиони отскочила. Она помнила, как у нее тогда волосы встали дыбом. Потрошение. Грат Кобальт был Потрошителем, причем, по слухам, самым опасным адептом темных искусств во всей Европе.

Сиони опять стукнулась спиной о холодные камни, а затем приблизилась к двери и присмотрелась к силачу, закованному в цепи. Он едва пошевелился, когда на дверь обрушилась дубинка надсмотрщика. Сиони заметила, что он заметно исхудал по сравнению с портретом на плакате. Мышцы усохли. Он казался сломленным.

– Вот на что вы надеетесь, Тейн, – прошептала Сиони, когда в унылом коридоре появился второй могучий надзиратель, толкавший перед собой тележку с едой. – Вы думаете, что я продолжу изучать Бумажную магию и освою ее не хуже, чем вы сами. Вы верите, что Потрошители, которых вы отслеживаете, будут арестованы и изолированы от общества.

– Но этого не будет, – раздался знакомый тошнотворно-сладкий голос.

Сиони вздрогнула. В конце коридора стояла настоящая Лира, одетая в черное и с кинжалом в правой руке. За плечом у нее висел кожаный мешок. Видение завибрировало и померкло, словно в присутствии Лире оно сделалось слишком тяжелым для сердца Тейна. Тюрьма могла улетучиться, как сон, покидающий резко разбуженного человека и не оставляющий о себе никакого следа.

У Сиони онемела спина, она неловко пошатнулась и хотела позвать на помощь надзирателя – но он исчез, как и его напарник. Камеры тоже опустели. Теперь Сиони стояла посреди колеблющейся, расплывающейся тюрьмы, где, кроме нее, были лишь Лира и Фенхель.

Фенхель зарычал, бумажные ноздри песика раздувались, как у живой собаки.

– Чего тебе нужно? – прохрипела Сиони, прикоснувшись к только что сделанной цепи-щиту, и запустила трясущиеся пальцы в сумку.

– Я? – изрекла Лира и скривила губы, накрашенные ярко-красной помадой. – Я? – повторила она и сделала решительный шаг вперед, а затем и еще один. Мешок на ее плече лениво покачивался в такт движениям. – Я хочу, чтобы потаскуха, которую завел себе Эмери, сдохла. Я не люблю делиться.

– Я не... не *потаскуха*, – выдавила Сиони и попятилась.

Она крепко стиснула зубы и не собиралась сдаваться. Она пришла сюда, зная, что рано или поздно она столкнется с Лирой. Но она, Сиони, лучше погибнет в бою, чем даст себя раздавить, будто загнанного в угол таракана.

Лира выгнула бровь – возможно, на нее произвела впечатление поза Сиони. Или позабавила. Мысли жены Тейна – будем надеяться, бывшей, – было нелегко разгадать, как мысли самого Тейна.

– Мне плевать на то, кто ты такая, – звонко проговорила Лира и усмехнулась. – Но сердце Эмери принадлежит мне – и всегда принадлежало, дорогуша. Хотя он и отрицает все то, во что я верю... – она подняла руку с длинными ногтями и сжала пальцы в кулак, – его сердце тем не менее кое-что значит для меня. Сердце, знавшее любовь и сгоравшее от страсти... Это тебе в голову не приходило?

Лира приблизилась к Сиони почти вплотную и прищурилась.

– Ты смастерила забавную зверюшку. А кстати, тебе знакома любовь? Или ненависть? Интересно, сильное ли у *тебя* сердце. Почему бы не проверить?

– Нет! – выкрикнула Сиони, вытащив из сумки первую попавшуюся бумажную фигурку, и бросилась наутек.

В тот же миг Лира сбросила с плеча кожаный мешок, и по ее короткой команде из горловины высунулось с полдюжины оторванных рук. Культи, тронутые разложением, сочились кровью. Белые и лиловые пальцы с обломанными посиневшими ногтями, вытянулись в сторону Сиони.

Внезапно весь арсенал мешка взмыл под потолок и поплыл за Сиони вдогонку подобно рою шершней.

Лира вскинула вперед собственную руку, и армия обрубков набрала скорость.

Сиони оглянулась, подбросила вверх свои творения и крикнула:

– Дышите!

Желтая рыбка и белая птичка, которых она Сложила ранее, тотчас ожили. Рыбка вильнула плавниками, а пташка захлопала бумажными

крыльями и прямым атаквала крупную почерневшую кисть, двигавшуюся к Сиони.

Но Лира выпустила из мешка шесть рук, а в распоряжении Сиони имелась лишь пара бумажных защитников. Две культи извернулись и стиснули в почерневших пальцах хрупкие фигурки Сиони. Птичка и рыбка рухнули на пол, а руки присоединились к остальным обрубкам и продолжили свой путь.

– Тейн! – завопила Сиони и помчалась по коридору.

Ей удалось добежать до двери в торце, но ручка не поддавалась нажиму. Заперто.

Сиони затаила дыхание и полезла в сумку, надеясь отыскать хоть что-нибудь, что угодно. Сперва ей попадались гладкие листы бумаги, но наконец она нащупала Сложенный веер. Она развернулась и подняла его над головой.

Вырвавшаяся вперед рука схватила Сиони за горло в тот самый миг, когда девушка наотмашь хлопнула веером по своему плечу.

Порыв ветра заполнил коридор, разом скрутив отрубленные руки. Вихри отшвырнули их к стене, а затем втянули в воздушную воронку.

Впрочем, ветер не дотянулся до культы, которая мертвой хваткой вцепилась в Сиони. Она сдавила горло девушки полусгнившими пальцами, не позволяя ей даже глотнуть хоть немного кислорода. Сиони закашлялась, но продолжала отчаянно сопротивляться и отбиваться при помощи веера.

Новые вихри отбросили руки назад и подхватили с пола обрубленные конечности. Вместе с ними взлетели вверх и смятые бумажные фигурки, сделанные Сиони. Ветер понес их прямым к Потрошительнице. Какая-то культа выбила у нее из рук кинжал. Очередной порыв сбил Лиру с ног, а другой поволок по каменному полу к дальней стене.

Тем временем видение, которое создало сердце Тейна, начало разрушаться. Тюрьма распадалась на составные части. Сиони с побагровевшим лицом повалилась на колени, схватила пальцы, стискивавшие ее горло, и безуспешно попыталась вдохнуть. Ее лицо горело. Глаза налились кровью. Она разогнула один сдавливавший глотку палец, второй...

Фенхель ухватился за большой палец культы-убийцы, впился в него со всей силой, какая была доступна маленьким бумажным челюстям, и резко оторвал руку от шеи Сиони. В горло Сиони хлынул горячий воздух, отдававший железом и гнилью. Она зашлась в кашле и испугалась, что ее вырвет, особенно если учесть, что рядом с ней на постепенно разрывающемся полу дергался окровавленный обрубок.

С трудом поднявшись на ноги, Сиони дважды топнула по культе каблуком, и та перестала дергаться. Сиони для верности топнула по обрубку еще дважды и присела на корточки перед Фенхелем.

– Хороший мальчик... хороший... – просипела она.

Погладив Фенхелся, она прикоснулась к бумажной цепи, через плечо охватывавшей ее грудь. Щит... Она неправильно сложила цепь. Самоуверенность ее подвела.

Но Лира как сквозь землю провалилась. По крайней мере пока. Когда Сиони осознала, что Потрошительница действительно куда-то запропастилась, боль в шее сразу сделалась терпимой. Против Леры оказался бессилён даже пистолет, но этот раунд Сиони выиграла. Потратила кучу энергии, но выиграла. Тейн гордился бы ею.

Сиони навалилась на дверь, и та со скрипом поддалась. Увидев целую россыпь ярких цветов – среди них были ноготки, фуксии и еще какие-то аметистовой окраски, – Фенхель бойко завилял хвостом. На смену серым тюремным тонам пришел глубокий оранжевый – с перламутровым отливом. Волосы Сиони взъерошил теплый летний ветерок.

Спрятав оружие – фантастический, замечательный веер! – обратно в сумку, Сиони потерла шею и в который раз застыла на месте.

Ее окружала та же самая картина, которую она видела в первой камере, – холм, откуда открывается вид на деревья, освещенные закатными лучами. Раскидистая слива, устремившаяся к небу, возвышалась неподалеку от Сиони. Под деревом лежал Тейн (в видении ему уже точно исполнилось тридцать), а женщина подле него не была Лирой.

Сиони смежила веки, вдыхая пьянящий аромат жимолости и земли, расправляя усталые легкие и давая сердцу возможность успокоиться. Потерла шею, чтобы избавиться от ноющего ощущения давящих ледяных пальцев, украдкой полюбовалась пейзажем и направилась к сливе.

Когда она подошла поближе, сердце у нее в груди предательски екнуло. Как бы ей ни хотелось убедить себя, что это было следствием столкновения с Лирой, чуть не стоившего ей жизни, Сиони понимала, что причина кроется в другом. Однако чем пристальнее она вглядывалась в женщину, находившуюся возле мг. Тейна, тем больше расплывался ее образ.

Сиони приостановилась у самого края клетчатого пледа. Эта женщина... вообще-то она была ненастоящей. У нее отсутствовало лицо, намечался только овал с еле-еле намеченными чертами, и волосы ее не имели определенной длины или цвета. Контуров тела изгибались достаточно плавно, чтобы выказать ее принадлежность к женскому полу, но

Сиони не сумела определить ее вес, рост или телосложение. Рядом с мг. Тейном, который безмятежно наблюдал за летним закатом, женщина казалась совершенно призрачной.

Но она такая и есть, поняла Сиони, когда ветерок дернул ее за юбку и осыпал лепестками сливы. Он... Тейн Эмери хочет, чтобы она воплотилась в реальность. Это его мечта.

Сиони пытливо вглядывалась в его ясные зеленые глаза, которые просто лучились жизнью, и ощущала его покой и удовлетворенность. Она рассматривала с головы до пят эфемерную женщину.

Он снова хочет влюбиться.

Хотя Сиони знала, что Эмери Тейн не видит ее, она помахала ладонью перед его лицом, надеясь, что он моргнет и заметит ее, надеясь, что эти глаза посмотрят на нее так же, как они смотрели на Лиру среди вишен и шелков. Ей требовалась его помощь! Тейн был нужен ей позарез. Если она не выберется на свободу, то никогда не сможет спасти его... Сиони подозревала, что окажет и себе, и всему миру очень плохую услугу, если позволит столь исполненному жизни взгляду уйти из бытия.

А если Эмери Тейн умрет, то другой бедняга, грезящий о заклинании металлов, в силу необходимости получит назначение на работу с бумагой! Нет, Сиони определенно не могла допустить, чтобы это бремя легло на чужие плечи.

Сиони намотала кончик своей растрепанной косы на указательный палец. Надежда. Хотелось бы знать, что сейчас представляют собой ее надежды.

Она ступила на клетчатый плед и, опустившись на колени, стала массировать горло. Синяки, несомненно, останутся, но ничего худшего уже не будет. Ничего такого, с чем она не справилась бы.

Я справлялась и с кое-чем похуже.

Игривый ветерок овеял ее плечи, а потом подхватил пушинки созревшего одуванчика и понес их в темную листву сливы. Ветер напомнил Сиони о том, что ее волосы сваялись, а одежда испачкалась и загрубела после преодоления клапана, разделявшего камеры сердца Тейна.

Набрав полную грудь воздуха, чтобы хоть как-то приободрить себя, Сиони сняла бумажную цепь через голову и провела рукой по звеньям. Удивительно, но даже в присутствии ненастоящего Эмери Тейна она ощущала себя в полной безопасности. Если, конечно, так можно выразиться... Нельзя забывать о том, что где-то поблизости затаилась опытная Потрошительница, которая может появиться в любую секунду и обрушить на Сиони свою ярость.

Быстро окинув окрестности взглядом, Сиони убедилась, что Лиры пока нет на горизонте, и сосредоточилась на Сложенной бумаге. Сиони медленно пропускала звено за звеном между пальцами, пока не обнаружила, что одно из них на четверть дюйма шире остальных. Вот в чем, вероятно, и заключалась ее ошибка! Найдя в сумке квадратный лист бумаги, Сиони начала Складывать новое звено взамен негодного.

До ее ушей донеслись звуки смеха, и Сиони в ужасе подняла голову. Нет, это был не язвительный хохот Лиры. Сиони услышала беззаботный и счастливый детский смех. Фенхель залаял в ответ.

Сиони обернулась и обнаружила, что к сливе метнулся расплывчатый силуэт ребенка. Малышу вряд ли было больше трех лет, и он, так же как и его призрачная мать, не имел ни черт лица, ни определенного цвета волос. Мальчик, решила Сиони. Он бежал среди цветов, раскинув в стороны маленькие ручки. Мгновением позже к нему присоединился второй ребенок, повыше ростом. Девочка. Они весело носились вверх и вниз по холму, увлеченные своими наивными играми. Их беготня испугнула из травы ярко-оранжевую бабочку. В свете заходящего солнца ее крылышки словно пылали огнем.

Заканчивая Складывать бумажное звено, Сиони невольно улыбалась.

– Значит, вы хотите иметь семью, – прошептала она. – Я тоже хочу. Когда-нибудь.

Спустя несколько минут Сиони заменила неверно сделанное звено в цепи и выпрямилась. Она будет идти дальше и выберется отсюда. Лира может делать что ей угодно, но Сиони не сдастся!

На сей раз, когда Сиони опоясала себя цепью, та натянулась и отвердела, как пояс. Оставалось надеяться, что это свидетельствовало об отсутствии магических ошибок.

Поднявшись на ноги, Сиони поняла, что не хочет покидать видение Эмери Тейна. Мечта, запрятанная глубоко в сердце Эмери, была такой четкой и реальной, что Сиони могла обонять сладость луговых цветов и греться в лучах июльского солнца, которое, казалось, застыло в своем нисхождении к горизонту. До чего же мирной и спокойной была эта жизнь! Сиони задумалась о том, способно ли ее собственное сердце породить нечто подобное – хотя бы наполовину столь прекрасное, как видение Тейна.

Сиони осторожно дотронулась до руки Эмери, лежавшей на пледе, и обмерла. Ее пальцы не прошли призрачную плоть. Она как будто притронулась к стеклу.

– Я обо всем позабочусь, – тихо сказала Сиони. – Будет у тебя такой день. Обещаю.

И вместе с Фенхелем она вернулась к полускрытой в траве двери, о которую Сиони едва не споткнулась при первом посещении цветочного холма. Она потянула за медную ручку, и закат погас. Краски вылиняли и поблекли. Сиони стояла посреди площади Парламент-сквер.

Глава 10

Усеянный цветами склон сменился мостовой, выложенной брусчаткой всех оттенков серого: цвета древесного угля, пепельного, аспидного и стального. Биг-Бен – колокол на высокой северной остроконечной башне – начал отбивать девять часов. В центре площади гордо возвышалась статуя сэра Райана Уолтерса, крепко державшего узду горячего боевого коня. Статуя была проработана до мельчайших деталей, так что казалось, что она сейчас оживет, но этого, конечно, никогда не случалось. Сэр Райан Уолтерс и его жеребец были высечены из камня, а поскольку камень не относился к рукотворным материалам, его не мог заколдовать ни один маг.

Сиони перевела дух. Повсюду мельтешил народ, так что у нее появилось некоторое преимущество: она могла запросто затеряться в толпе, сновавшей взад и вперед. Гуляки заглядывали в стеклянные витрины магазинов, фасады которых были обращены к статуе или сворачивали в извилистые переулки. Изредка кто-то входил в подъезд доходного шестиэтажного дома, втиснувшегося между китайской харчевней и почтовой конторой. Сиони никогда прежде не доводилось бывать в этом здании, но она сразу предположила, что если она и отважится когда-нибудь в реальности зайти внутрь и спросить цену на комнату, то у нее тотчас зарядит в глазах от количества нулей.

У многих магазинов на дверях красовались таблички «Закррито» – в «Уикерсе», в свечной лавке, а также в «Оружии ее величества». Последнее заведение специализировалось на заказном огнестрельном оружии, и Сиони подумала, что она могла бы устроиться туда, если бы ей выпал иной путь в магии. Она вздохнула и принялась читать названия вывесок. Бистро «Лососина из Сент-Олбанс», «Эль для вас», винная лавка, а рядом «Изящный шов» – портняжная мастерская, которую Сиони несколько раз почтила своим вниманием, когда принимали клиентов. Вероятно, был воскресный день, а значит, большинство торговых заведений не работало.

Сиони особенно любила воскресенья – это были единственные выходные для учеников магической школы Таджис-Праффа, не считая праздников и дня открытия заседаний Парламента. Лишь тогда Сиони (если она, разумеется, успевала справиться с горой домашних заданий) могла выйти в город и побыть наедине с собой. Развлечься приятной прогулкой, окунуться в суматоху Лондона, съесть сэндвич или почитать возле трехъярусного фонтана на Парламент-сквер – напротив Биг-Бена. Кстати,

фонтаны *были* зачарованы, поскольку, когда их строили, Полиформовщик – маг, специализирующийся по работе с пластмассами, – создал для ярусов специальную облицовку. Тончайшее колдовское покрытие заставляло падающую воду каждые пять минут менять форму струй. В жизни Сиони были моменты, когда она подумывала о том, чтобы стать Полиформовщицей хотя бы для того, чтобы создать нечто подобное.

Внезапно в голове появилась любопытная мысль: интересно, Эмери – то есть мг. Тейн – тоже любит воскресенья?

Осматривая окрестности, Сиони заметила в десяти шагах справа странную деревянную, выкрашенную в красный цвет арку. Сиони подошла, прикоснулась к ней...

Сиони изумленно моргнула и обнаружила, что перенеслась в другое место Парламент-сквер. Она стояла на восточном краю площади, практически упираясь носом в старую растрескавшуюся дверь, обитую проржавевшими по концам железными полосами. Длинная щепка торчала прямо перед нею точно на уровне глаз.

Сиони отшатнулась и услышала звон колокола – не Биг-Бена, а гулко колокола, висевшего явно где-то внутри здания, возле которого она очутилась. Сиони замешкалась, а потом увидела на двери выцветшую надпись, которая гласила: «Соборная церковь Святого Петра в Вестминстере». Из своих настоящих прогулок по Парламент-сквер Сиони вынесла весьма смутное воспоминание о церкви в Вестминстере...

Она задумалась, а Фенхель начал скрестить деревянную створку лапами.

Хотя в толпе вроде бы не мелькала Потрошительница, Сиони встрепенулась. Она вытащила из сумки лист бумаги и сложила бумажную сойку.

– Дыши! – приказала Сиони фигурке, а затем, держа птицу за крыло, чтобы не улетела раньше времени, добавила: – Поищи длинноволосую женщину в черном с ногтями, выкрашенными в ярко-красный цвет. Если увидишь, постучи в стекло.

Сойка забила в ладони Сиони и, когда девушка выпустила ее, взлетела над площадью.

Сиони ухватила за массивную железную ручку церковной двери, с усилием открыла ее и переступила порог просторного вестибюля. Уже на третьем шаге она почувствовала, что ее снова уносит куда-то, а на четвертом оказалась на узком балкончике, расположенном как раз в конце центрального нефа. Впереди возвышались два ряда мраморных колонн и стояли два ряда скамеек, покрытых коричневым лаком. Свет лился в церковь через арочные витражные окна и преломлялся в цветных стеклах, а

благодаря ветвистым трехъярусным канделябрам в помещении было совсем светло. Почти всю алтарную стену занимало гигантское витражное окно со столь мелкими изображениями, что Сиони не могла их толком рассмотреть. Зато она отлично видела прихожан.

Они уже рассаживались на скамейках. Перед паствой стоял священник в белой рясе и стуле – широкой ленте, расправленной на плечах. Священник держал в руках тяжелую потрепанную Библию, однако Сиони не могла разобрать его слов.

– Завидую им, – произнес сзади нее знакомый баритон.

Сиони подскочила. Рядом с ней, не прикасаясь к перилам балкона, материализовался Эмери Тейн. Он выглядел точно так же, как на том приеме, во время которого Сиони лишилась и работы, и стипендии. Тейн хмурился, но не настолько сильно, чтобы выражение его лица могло свидетельствовать о настоящем испуге, гневе или недоброжелательстве. Он выглядел более-менее спокойным и собранным. Правда, Сиони не могла прочесть мысли Тейна по его глазам, поскольку взгляд Бумажного мага был устремлен на священника.

По шее Сиони пробежали мурашки – как будто по коже провели мягким пером. Сможет ли она заговорить с ним? Вдруг он ответит ей?

– Тейн! – воскликнула она. – Мне необходима ваша помощь!

Но Бумажный маг промолчал и продолжал смотреть вниз. Сиони прикусила губу и решила попробовать что-нибудь другое.

– Кому вы завидуете? – прошептала она, приблизившись к магу.

– Им, – сказал он, ткнув подбородком в сторону прихожан, внимающих проповеди, и у Сиони почему-то стало легче на душе.

Похоже, этот Эмери Тейн представлял собой лишь фрагмент своего истинного «я» – и существовал лишь во второй камере собственного сердца. Что ж, надо попробовать продолжить призрачный разговор...

– Вообще им всем. Я завидую их вере.

Сиони посмотрела на мужчин и женщин, собравшихся в церкви.

– Вы хотели бы стать англиканцем? – допытывалась Сиони.

Ее подруга Энис Хэттер принадлежала к англиканской церкви – к одной из ее ответвлений, признававшей полезность материальной магии. Однажды Сиони даже была на службе вместе с Энис.

– Полагаю, жизнь была бы... проще... если бы человек мог верить в нечто единое, – ответил он, не глядя на Сиони. – Крохи и обрывки разрозненных знаний не несут человеческой душе ничего хорошего. Как и мысли о том, что все правильно или же – наоборот – что все неправильно. Ведь и маг не способен одновременно работать со всеми веществами. Он

должен выбрать что-то одно. Маг тоже блуждает в потемках... Но почему же люди, сидящие здесь, преданы именно этой вере, а не какой-то другой? Но вот что меня действительно изумляет... то, что все они счастливы.

Сиони прикоснулась к его локтю, и он оказался твердым – очередное доказательство того, что Эмери Тейн не был частью видения.

– Нужно искать, – вырвалось у Сиони. – Искать до тех пор, пока не станет ясно, что именно правильно для вас.

Неожиданно Тейн обратил свой сумрачный взгляд прямо на нее. Его зеленые глаза были темными и утратили свой блеск.

– Вы-то сами, Сиони, верите во что-то одно?

Когда он произнес ее имя, сердце Сиони заколотилось о ребра.

Она немного помолчала.

– Я никогда не размышляла над столь серьезными вопросами, – проговорила она наконец. – Но, наверное, я понимаю, что вы хотели сказать... что вера – это в принципе хорошо. Но в кого же? Да в любых богов, в любые убеждения! Когда я думаю о таких вещах... я выбираю крохи и обрывки, которые кажутся мне... истинными, и складываю из них свою картину мира. Но ведь вера – очень личное дело. А то, что вы не встречаетесь еженедельно с людьми, которые разделяют ваши убеждения, вовсе не означает, что вы не веруете во *что-то*.

Он кивнул, но выражение его лица не изменилось.

Сиони внимательно рассматривала его четкий профиль. Она никогда не предполагала, что Бумажного мага Эмери Тейна раздирают сомнения по поводу собственной веры. Как же она ошибалась! В первый же день их знакомства она дала ему жесткую характеристику и, грубо говоря, запихнула его в примитивную форму, что далось ей без малейшего труда. И, кстати, Лэнгстона тоже. Сколько же еще народу она вот так, мимоходом, расставила по местам, воспринимая их не более сложными, чем клочки бумаги?

Внезапно до Сиони донеслось «ПАМ-Пом-пуум» сердца Эмери, но теперь оно звучало... усталым. Сиони похолодела. Подхватив Фенхеля на руки, она отвернулась от Тейна. Ей надо спуститься с балкона, но как? Ей необходимо идти дальше, двигаться вперед. Она должна отыскать *настоящего* мг. Тейна, прежде чем любое из его сердец выбьется из сил.

К счастью, Сиони увидела крутую лестницу и начала спускаться вниз по ступеням. Винтовая лестница казалась просто бесконечной, и Сиони едва не запаниковала. Преодолев расстояние в четыре этажа, Сиони обнаружила сияющую слабым неровным светом дверь – белую, без ручки, окаймленную красным.

Покрепче прижав Фенхеля к груди, Сиони распахнула ее.

Вокруг нее не было ни церкви, ни Парламент-сквер. Сиони очутилась в камере с мясистыми стенами, испещренными голубыми венами и пульсирующими артериями. Непрерывное «ПАМ-Пом-пуум», постоянно звучавшее в видениях Эмери, гремело в ушах Сиони и сотрясало пол, однако немного медленнее, чем раньше.

Не сделав и десяти шагов, Сиони обнаружила мелкий ручеек крови и клапан – не тот, через который она недавно прошла. Он вел в третью камеру сердца Эмери. По крайней мере, Сиони на это надеялась.

Волосы на затылке Сиони встали дыбом, она затравленно оглянулась по сторонам, высматривая Лиру, почти ожидая, что Потрошительница скоро даст о себе знать. Вот-вот появятся шесть оторванных рук и растерзают ее, Сиони... При мысли о Потрошительнице у Сиони в висках застучал пульс – так же громко, как сердце Эмери. Сколько у нее еще времени, прежде чем Лира опять догонит ее? Возможно, Лира уже затаилась в следующей камере...

Сиони потопталась на месте. Фенхель лизнул ей подбородок сухим бумажным язычком.

– Свернись, малыш, – прошептала Сиони и задрожала.

За последние двадцать четыре часа ее трясло больше, чем за всю прожитую жизнь! «Чтоб тебе, Эмери Тейн! Как трудно тебя спасти!»

Фенхель послушно свернулся в кривобокий многоугольник, и Сиони осторожно поместила его в сумку между стопками бумаги. Уставилась на клапан и выругалась. Она-то не забыла, каково было протискиваться между давящими стенами без возможности не то что дышать, но даже и толком шевелиться! Жара, темнота! У корня языка недозрелой редиской сгустился горький привкус страха. А если ей не удастся преодолеть *этот* клапан? Вдруг он зажмет ее между тугими стенками и...

Сиони сглотнула, но страх застрял у нее в горле отравленным комком. Однако на вкус он был получше неудачи. Она никогда не простит себе, если потеряет Эмери. Слишком глубоко она вошла в передрагу, чтобы повернуть назад.

Стиснув зубы, Сиони подошла к створкам клапана, просунула между ними левую руку, правой вцепилась в лямку вязаной сумки и начала мысленно отсчет.

– Теперь-то я *заслужила* свою стипендию! – крикнула Сиони, досчитав до двух.

Слова эхом разнеслись по камере, резко выбившись из ритма пульсирующих стен.

На счет три Сиони шумно втянула воздух и принялась протискиваться между створками.

Цепь-щит крепко обнимала ее тело, а горячие стены клапана подались на пару дюймов, давая ей возможность дышать. Сиони невольно порадовалась, но тут же поняла, что открытый клапан повлияет на все сердце в целом.

Кровь струилась у нее под ногами и поднялась до бедер. Каждое «ПАМ», каждый первый удар трезвучия «ПАМ-Пом-пуум» потрясал ее и вводил в состояние ступора. Волосы арканом обвились вокруг шеи. На прикушенном кончике языка плясала ее собственная кровь.

Теперь она не могла дышать. *Не могла.*

Сиони еле-еле переставляла ноги, вытянутая вперед рука искала, за что бы зацепиться. Глаза заливал пот, и Сиони зажмурилась.

Вдруг она ощутила пустое пространство по ту сторону клапана – в ту секунду, когда ее легкие готовы были разорваться. Впившись в край створки, жадно глотая воздух, она приоткрыла глаза и вошла в темное помещение.

Вытерев лицо грязным рукавом, Сиони принялась озиаться по сторонам. Она находилась в рабочем кабинете. Единственным источником света являлось двустворчатое прямоугольное окно фута в три шириной, без каких-либо занавесок или ставней. В темно-синем небе мерцало несколько звезд. Не здесь ли Эмери заканчивал свою книгу? Задумавшись, Сиони вынула из сумки свернутого бумажного Фенхеля.

Отвлечься от созерцания окна ее заставило шарканье чьих-то ног. Сиони поежилась, пытаясь отыскать источник звука, но тени надежно скрывали злоумышленника.

Она обняла свернутого Фенхеля и громко спросила:

– Кто тут?

Тени зашевелились, и кто-то налетел на нее, словно поезд. Сиони потеряла равновесие и ударилась головой о стену. Из легких разом вышибло кислород, и Сиони раскашлялась, а нападавший передал ей горло согнутым предплечьем.

Неужто Лира добралась до Сиони?

Нет!

Когда глаза Сиони привыкли к темноте, она поняла, что ее сшибла с ног не Потрошительница.

Вовсе не Лира пожирала ее взглядом изумрудных глаз.

Это был Эмери Тейн.

Глава 11

Глаза Бумажного мага яростно сверкали в полумраке. Они пронизывали Сиони насквозь, будто два бритвенно-острых осколка стекла. Рука Эмери все еще больно сдавливала ей шею. Черные пряди волос разметались по лбу Тейна как тени. Цепь-щит не защищала хозяйку: по какой-то причине бумажные звенья не распознали давления.

Внезапно Сиони очутилась в дальнем углу кабинета. Наконец-то она могла дышать! Чтобы устоять на ногах, ей пришлось ухватиться за край стола. Сиони уставилась на Тейна, оставшегося на прежнем месте. Бумажный маг прижимал к стене не Сиони, а юную Лиру. Густые локоны Леры рассыпались по плечам, в чертах ее лица угадывалась знакомая Сиони суровость.

– Как ты посмела?! – гневно и одновременно ядовито выкрикнул Эмери.

Слова, как молот, ударили Сиони по ушам и сотрясли ее существо до самых костей.

Даже в самом страшном сне Сиони не могла себе вообразить, что Тейн способен на такое. Его гнев на поддавался описанию.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – продолжал Эмери.

– Отойди от меня! – огрызнулась Лира.

Эмери отодвинулся – на пару дюймов. Сиони подхватила Фенхеля и осторожно приблизилась к Тейну.

– За три дня – ни единой весточки! – прошипел Эмери, и его руки мелькнули в воздухе подобно атакующим кобрам. Он так напряг плечи, что его шея укоротилась. – Тебя подозревают в преступлении, связанном с исчезновением человека!

Эмери опустил руки, потом взъерошил свои волосы и на мгновение отвернулся от Леры. Его возмущенные глаза вперились в Сиони, но маг не видел ее. В отличие от Тейна в англиканской церкви этот Тейн являлся одним из главных персонажей видения и не замечал присутствия Сиони.

Тейн помолчал.

– Лира, как ты могла ничего об этом не слышать? Где ты была? – обратился он к Лере, нарушив паузу.

– Какая разница? – резко ответила она ледяным тоном. – Эмери, я ведь не твоя собака! – надменно добавила Лира и вскинула подбородок.

– Ты думаешь, меня не касается, если моя жена отлучается из дома на

несколько дней без предупреждения? – изумленно спросил Эмери. Последовал грохот, от которого Сиони подскочила как ошпаренная и краем глаза заметила, что кулак Эмери врезался в стену с такой силой, что от удара облупилась штукатурка.

– Эмери... – прошептала Сиони.

Он согнул руку, поморщился и посмотрел на Лиру.

– Тут замешан Грат Кобальт, да? – спросил он со смесью гнева и боли в голосе. Эмоции перекачивались в нем, как раскаты грома, в глазах вспыхивали молнии. Он потирал ушибленные костяшки пальцев, словно это было его собственное сердце.

– Не впутывай его сюда! – рявкнула Лира.

Эмери схватил Лиру за плечи и начал трясти.

– Лира, ты впуталась в Потрошение! Будь я проклят, если я ошибся! Чем ты можешь оправдывать свой поступок? Неужели ты отказалась от всего хорошего, что есть на свете?

Комната покачнулась, и ладонь Лире опустилась на лицо Эмери. Сиони ударилась о дверь кабинета – она отступала и не понимала, куда шла, но она не могла отвести взгляда от Эмери и Лире. Их четкие силуэты вырисовывались в серебристом лунном свете, проникавшем в кабинет через окно.

Сиони не на шутку перепугалась. Она столкнулась с совершенно другим Эмери Тейном. Как он отличался от знакомого Сиони рассеянного Бумажного мага, который взял ее в подмастерья. Этот Тейн был слишком резким и суровым. Он походил на хищного зверя.

Она боялась его.

Нащупав потными пальцами дверную ручку, Сиони повернула ее и вывалилась наружу.

Она лежала на влажной траве, над ней раскинулось мрачное пасмурное небо, испещренное рваными тучами. На лицо Сиони упали мелкие дождевые капли, и она поспешно перевернулась, укрывая Фенхеля от сырости. От холода Сиони стал бить озноб, и она никак не могла согреться. Сунув Фенхеля под блузку, Сиони поднялась на колени, откинула с лица мокрые волосы и начала изучать обстановку.

Она находилась на равнине, окаймленной пологими холмами. Вокруг не росло ли единого деревца или кустика. Вдалеке виднелось красное кирпичное здание вроде школы или, может быть, церкви, только без колокольни. К нему не вела ни одна тропинка, но, посмотрев направо, Сиони разглядела мощеную дорогу. А слева выстроились в ряд сланцево-серые домики с остроконечными крышами без труб и окон. Они показались

Сиони чересчур маленькими и неудобными. Да и вряд ли в них кто-то жил. Они походили на усыпальницы, дома мертвых.

Собравшись с силами, она встала. Вязаная сумка оттягивала плечо, и Сиони перевесила ее на другой бок.

Наклонившись, она различила на земле ровные пунктирные линии из прямоугольников, причем в середине каждого из них лежала цементная табличка с высеченными именами и датами. На некоторых покоились свежие или засохшие букеты цветов. На одной стоял игрушечный тряпичный ягненок размером с ладонь.

Сиони редко бывала на кладбищах. Эти места наводили на нее тоску и уныние. Похоже, небо разделяло мнение и монотонно лило слезы на безрадостную равнину.

Предыдущий раз Сиони посетила кладбище почти пять лет назад.

Она оглянулась на дверь кабинета, заранее зная, что та уже исчезла.

Сиони отчаянно замотала головой и зажмурилась.

– Не надо, – содрогнувшись, прошептала она и обняла себя обеими руками, чтобы унять дрожь. – Эмери, я не хочу знать, что связано с этим местом. Пожалуйста.

Но видение даже не шелохнулось. Ее поджидало кладбище, тихое, как снегопад, в сопровождении хмурой надоедливой мороси.

Закусив нижнюю губу, Сиони выбралась на мощеную дорогу и поднялась на невысокий холм. Мышцы ее ног заныли от усталости. Который сейчас час? Сколько времени она находится в плену сердца Эмери? Сколько ей еще осталось? У Сиони не было карманных часов, а кладбищенский пейзаж явно не мог дать ответа на мучивший ее вопрос. Наверное, в реальном мире давно наступила ночь. Да уж, бег наперегонки с Лирой и преодоление клапанов между камерами сердца вымотают кого угодно!

Сиони выудила из сумки ломтик сыра и начала медленно его жевать: напряженный желудок вряд ли был способен принять что-нибудь еще. А в глубине ее сознания – словно диск с застрявшего фонографа – раз за разом прокручивался голос Эмери. Бумажный маг негодовал и чувствовал весь ужас совершенного над ним предательства. Если окажется, что в этой камере содержится то, о чем думала Сиони, ей хотелось поскорее выбраться отсюда.

Мощеная дорога поднялась на холм, спустилась с него и вывела Сиони к небольшой группе людей в черном – двум мужчинам в костюмах, священнику в полном облачении и четырем женщинам в длинных платьях (три дамы были в широкополых шляпах с вуалями, закрывавшими их

лица). Сиони нехотя поковыляла к траурной процессии.

Рослый мужчина повернулся к ближайшей женщине и что-то прошептал ей на ухо. Сиони сразу же узнала его, хотя сейчас он выглядел по-другому. Возможно, его изменила скорбь, изрезавшая его лицо морщинами, но он казался увядшим. Изможденным. Пасечник. Отец Эмери. Сиони захлестнула волна паники.

Каким-то чудом, отыскав в себе резерв энергии, Сиони преодолела остаток пути до могилы бегом. Нет, не может быть! Это не могила Эмери! Сердце не способно предсказать свое будущее, тем более дату своей смерти! Или способно?

Она застыла в нескольких шагах от могилы. *«А что, если это не будущее?»* – подумала она. Вдруг она опоздала? Может, Эмери уже?..

Сиони протиснулась между женщинами, не заметившими ее присутствия, и уставилась на две новые таблички, лежащие на холмике свеженасыпанной земли.

Между могилами стоял мальчик не старше трех лет. Малыш прижимал к животу маленькую шляпу-котелок. Его черные волосы промокли от дождя и приклеились ко лбу, облепили виски и уши. Он глядел вперед почти без выражения, лишь ротик болезненно кривился.

Сиони опустилась перед ним на колени и попыталась убрать мокрые волосы, упавшие ему на глаза, но, конечно же, локоны проходили через ее руки насквозь. Потом она прочитала надписи на табличках: «ГЕНРИ ТЕЙН, 1839–1874» и «МЕЛОДИ ВЛАДЕЙРА ТЕЙН, 1841–1874». Под обоими именами были высечены голуби с полусложенными в полете крыльями и два пересекающихся обручальных кольца.

Сиони проглотила ком в горле.

– Это твои родители? – прошептала она, взглянув сначала на малыша, а затем на пасечника.

Судя по фамильному сходству, пусть и не очень заметному, он, вероятно, был дядей мальчика.

Гнев. Неверность. Смерть. Тяжелые времена – вот что хранилось в дальних закоулках памяти Тейна. Сиони уже видела счастье и надежду, заключенную в сердце Эмери Тейна, и теперь пришла пора окунуться в наихудшие моменты его жизни. Что ж, в горьком видении на кладбище тоже таился определенный смысл.

Она узрела его боль и слабость. Увидела тени, скрытые в глубине его ярких глаз.

Сиони не поднималась с колен, и ее юбка, пропитанная дождевой водой, промокла и отяжелела. Взгляд больших глаз малыша с

покрасневшими от слез веками был устремлен сквозь Сиони – куда-то в пустоту между могильными камнями. Крупные капли срывались с его ресниц и скатывались по пухлым щекам.

– Прощу, позволь мне, – произнесла Сиони. – Эмери, я знаю, что вы где-то здесь. Позвольте мне помочь ему.

Сиони снова попробовала убрать пряди со лба мальчика, и на сей раз ее пальцы наткнулись на стеклянную твердь. Пусть не кожа, не волосы, но все же хоть какое-то прикосновение.

Она обняла Эмери за плечи и прижала к себе.

– Обещаю тебе: все будет хорошо, – негромко проговорила она. – Я видела твое будущее – ты многого достигнешь. Твои родители гордились бы тобой. Жизнь наладится. Ты еще будешь счастлив, – и мысленно добавила: *«Я позабочусь об этом»*.

Она поцеловала Эмери в лоб и взяла котелок из его ручонков, чтобы надеть ему на голову. Малыш уже вымок до нитки, но шляпа, по крайней мере, ему не повредит.

Сиони выпрямилась и тщетно попыталась отыскать кусок сухой ткани, чтобы вытереть лицо. Нужно поторапливаться – если она задержится, то Фенхель точно вымокнет, а Сиони очень сомневалась, что сможет чего-то достичь без своего бумажного песика. Только не в этом темном месте.

Благоговейно переступив через могилы и проскользнув мимо священника, который совершал погребальный обряд, Сиони направилась прочь.

Она замерзла и принялась на ходу растирать плечи и шею, чтобы избавиться от знобящей сырости, но не тут-то было! Кладбище здесь не имело границ, простиралось во все стороны за горизонт. Даже небо было испещрено могилами.

Однако Сиони продолжала плестись вперед.

Увидев каменный заборчик высотой по колено, она перешагнула его в том месте, где он уже начал осыпаться. Трава стала короче и жестче, и вскоре туфли Сиони застучали по черно-белой плитке. Серые кучевые облака сменил сводчатый потолок высотой в добрых три этажа. Волосы и одежда Сиони мгновенно высохли, а воздух прогрелся до комнатной температуры.

Чтобы уложить в сознании огромный атриум – нет, коридор! – Сиони потребовалась пара секунд. Справа и слева от нее высились колонны медного цвета, а между ними располагались персиковые альковы, в которых были выставлены для обозрения разнообразные сокровища. Расписные вазы, старые пожелтевшие документы, оправленные в рамки и

прикрытые толстыми стеклами, портреты правящей королевы или бюсты прежних держателей престола... У одного бюста, как ни странно, был изрядно поврежден нос.

Свет проникал внутрь сквозь ряды квадратных окон, вырезанных в потолке. Странно, но галерея показалась ей смутно знакомой, хотя Сиони просто терялась в догадках. В чем дело? Она же здесь совершенно точно никогда в жизни не бывала! А может, она действительно когда-то видела это помещение, но в другом ракурсе?

Сиони извлекла Фенхеля из-под блузки. Если дождь на кладбище и добрался до него, то перемена обстановки должна высушить собачку.

Как только она развернула песика, тот немедленно ожил и принялся скрести бумажной лапой за ухом. Сиони рассмеялась и потрепала его по спине.

– Не убегай далеко, малыш!

Она двинулась вперед. Ее шаги эхом отдавались в галерее, а Фенхель двигался почти неслышно. Отбежав в сторону, он обнюхал керамическую кадку, в которой рос папоротник.

Слух Сиони уловил чей-то шепот. Она замерла и прислушалась. Звуки доносились из-за ближайшего угла. Помня о недавней встрече с обитателями сердца Эмери, Сиони решила соблюдать осторожность.

Она узнала оба голоса – первый принадлежал Эмери. Второй (тут ей пришлось максимально напрячь слух) – мг. Хьюзу.

Сиони высунулась из-за угла и обнаружила, что оба стоят, прислонившись к стене, возле двустворчатой двери, которая вела в соседнее помещение. Вот дверь-то и помогла Сиони понять, что к чему: она находилась в Парламенте. Ей довелось побывать здесь в детстве, когда ее отец еще работал шофером.

– ...Сомневаюсь, что из этого что-то получится, – произнес Эмери, скрестил руки на груди и мрачно уставился на противоположную стену.

На нем было серо-зеленое пальто вроде индигового балахона, правда, пуговиц на этом наряде оказалось побольше.

– Я уделял ему мало внимания, – пояснил Бумажный маг. – Он однажды упомянул о чем-то подобном, я забеспокоился о его будущем и отложил его аттестацию. Эдвард – блестящий юноша. Он заслуживает лучшего, и вряд ли я буду заставлять его тянуть время.

– Да, время теперь не потянешь, – согласился мг. Хьюз, задумчиво потирая седую бородку. – Но они-то будут уклоняться от перехода! Сущность методики исказится! Придется заново перерабатывать пособия и доделывать учебные планы!.. Так что вам обоим необходимо убедительное

обоснование.

– Альфред, мой брак разлетается вдребезги, – признался Эмери и вздохнул.

В его голосе послышалась такая тоска, что Сиони буквально припечатало к стене.

Мг. Хьюз ободряюще положил руку Эмери на плечо.

– Сочувствую. Я сам женат уже третий раз. Коллега, уверяю вас: наберитесь терпения и...

– Я подозреваю, что она Потрошительница, – перебил собеседника Эмери.

Он произнес эти слова чуть слышно, но они прогремели в пустом коридоре, как звон оркестровых тарелок.

Мг. Хьюз что-то промямлил пересохшим ртом и выдавил:

– Вы... шутите?

– Хотелось бы мне посмеяться вместе с вами, – ответил Тейн, – но я видел неоспоримые доказательства. Кроме того, ее я не видел целых четыре месяца, – добавил он, поколебавшись.

Оба замолчали на секунду, показавшуюся Сиони невыносимо долгой.

Когда Сиони уже решила уйти, мг. Хьюз сказал:

– Полагаю, Эмери, что данная... информация сослужит нам пользу. У меня есть знакомые – не из полиции, разумеется, – которые без усталости трудятся над тем, как изгнать черную магию из владений ее величества. Если пожелаете, я мог бы представить вас...

Губы мг. Хьюза продолжали шевелиться, но Сиони не услышала ни звука. Она возбужденно смотрела то на мг. Хьюза, то на Тейна, надеясь почерпнуть из их разговора хоть какие-то сведения, но, увы, оба превратились в марионеток, а Сиони практически не умела читать по губам. Она чуть слышно застонала и подавила желание гневно топнуть ногой.

Фенхель зафыркал, принохиваясь, а Сиони, глаза которой резало, будто в них песку насыпали, часто заморгала.

Сделав несколько шагов назад и вступив под гранитную арку, она обнаружила, что находится не в Парламенте, а на пересечении многолюдных коридоров и обшарпанных лестниц. Над головой раздавался резкий звон колокола.

Сиони очутилась в конце главного коридора Академии Грэнджера – средней школы, которую закончила.

Ученики вели себя как обычно. Молодняк прогуливался взад и вперед или поедал принесенные с собой завтраки. Особо игривая парочка

целовалась возле витрины с теннисными кубками (последних было заметно меньше, нежели в то время, которое Сиони помнила лично). В конце концов мужчина в вязаном жилете легонько стукнул парня указкой по спине и велел подросткам убираться восвояси. Три девушки с высокими прическами и ярко накрашенными губами шептались позади Сиони, прикрывая рты ладонями. Самая низенькая из них так зашлась хохотом, что аж хрюкнула, и ее подружки тоже захихикали. Их сменила сухопарая дама в очках на кончике носа – преподавательница спускалась по лестнице с увесистой папкой в руках. Дама не замечала никого вокруг, в том числе и Сиони.

Сиони решила хорошенько изучить обстановку. Хотя она сразу узнала Академию Грэнджера, школа малость отличалась от той, которую помнила она, – пол покрывал не жесткий красно-коричневый ковер, по которому она четыре года прохаживалась на переменах, а нечто вроде линолеумной плитки. Лестничные перила были не дубовые, а сосновые, с полуоблезшей краской. В остальном здание ничуть не изменилось. Эмери учился в Академии Грэнджера – вероятно, именно так заведение и выглядело в его прошлом.

Сиони вдруг подумала об Энис Хэттер, но поспешно выкинула эти мысли из головы. Сегодня она шляется по сердцу Эмери, а не по своему собственному.

Увидев чью-то черную шевелюру, Сиони вздрогнула, но это оказалась всего лишь девочка, моложе Сиони и имевшая сходство с Лирой, правда, лицо у нее было покруглее и линия носа порезче.

Однако Сиони скрипнула зубами и вполголоса произнесла:

– Кто знает, с чем мы здесь столкнемся, Фенхель...

Она была вынуждена признаться себе, что спонтанный всплеск ностальгических школьных воспоминаний не очень соответствует тому настроению, которое породили в ней предыдущие видения сердца Тейна.

Сейчас ей надлежит быть начеку, постараться не упустить ни единой детали и надеяться на любопытство Фенхеля. Он-то не оставит необычное без внимания!

Сиони прикоснулась к цепи-щиту, обнимающей ее грудь. Если звенья и пострадали от воды и крови, то они уже успели восстановиться и высохнуть. Отлично! Хорошо бы еще Сложить на твердом школьном полу пару-тройку птиц, подумала Сиони, но быстро отвергла эту идею. Слабенькое бумажное сердце, которое она вложила Тейну, не позволяло ей свободно распоряжаться временем.

Придется ей для самообороны положиться на магию щита и веера.

Сиони пробиралась по коридору, по обеим сторонам которого тянулись крючки для одежды и шкафчики с книгами, помятыми тетрадками и коробками для завтраков. Подростки, вырвавшиеся на свободу, никак не могли уgomониться. Сперва Сиони пыталась уклоняться от столкновений, но потом махнула на все рукой. Когда она шла прямо, ученики попросту проходили сквозь Сиони, напоминая ей о том, что она чужеродная аномалия или призрак. И она, и Фенхель.

Но вот рассосалась основная масса учеников, подгоняемая миссис Гудвезер (кстати, та преподавала алгебру в классе Сиони, но была полнее и моложе, чем в ее собственных воспоминаниях). Учительница прошагала мимо, шурша обтягивающей красной юбкой, а Сиони увидела группу мальчишек. Трое стояли, четвертый сидел на полу с книгой на коленях. В руках он держал Сложенный лист бумаги. Сиони кинулась к нему.

– Э-э... – начала она и осеклась на полуслове.

Сиони ошиблась.

Да, он был курчавым брюнетом, но его изрытая оспой кожа оказалась чересчур бледной, а нос – слишком острым. К тому же он носил очки в изящной тонкой оправе. Кисти его рук покрывали (в точности как у Сиони) бесчисленные веснушки, а глаза имели светло-карий, а вовсе не зеленый оттенок.

Зато Сиони распознала бумажный предмет, который он вертел и так и сяк. Эта была «коробка случайностей». Или ее заготовка.

– Думаешь, бумага – это единственное, что согласится даться тебе в руки? – спросил один из стоящих, и его спутники захихикали. – Или у тебя нет ничего лучше, а, Прит? Думаю, ты попусту занимаешь свое место!

Сиони обошла мальчишек стороной. Она *не выносила* наглых задир, но уповала на то, что видение позволит ей пообщаться с ними хотя бы косвенным образом. Однако едва Сиони открыла рот для отповеди, как слова застряли у нее где-то между нёбом и языком и высыпались из губ нечленораздельным бормотанием.

У мальчишки, который дразнил парня в очках, были коротко подстриженные эбеново-черные волосы и ярко-зеленые глаза.

Эмери.

Он был непохож на себя – юный и долговязый Эмери Тейн. Наверное, он рос как на дрожжах, поскольку уже на полголовы возвышался над своими товарищами. Что за незрелый юнец! Вряд ли ему даже исполнилось семнадцать, подумала Сиони.

Она пристально посмотрела на его худое лицо, узкий подбородок и не увидела в зеленых глазах Эмери ни единого намека на сострадание. Только

желание поиздеваться, как частенько бывает у подростков.

– Ты оглох, что ли? – спросил мальчишку в очках какой-то дружок Эмери – круглый крепыш – и толкнул Прита ногой. – Тебе что, заняться нечем? Ишь расселся у нас на пути!

Прит помрачнел и нахмурился. Он хотел расправить «коробку случайностей» на книге – учебнике астрономии, – чтобы сделать следующую Складку, но Эмери подsunул носок башмака между коленями Прита и поддел книгу. Она вылетела из рук Прита, перевернулась в воздухе, шлепнулась на «коробку случайностей» и смяла ее. Не настолько сильно, чтобы испортить ее окончательно, но все же изрядно сплющила бумажный макет.

Эмери и его дружки расхохотались, а Прит молча подобрал «Астрономию» и встал. Он повернулся спиной к Эмери – гонимых всегда учат поступать именно так. «Игнорируй их, дорогая», – советовала Сиони мать в подобных ситуациях, но Сиони знала по собственному опыту, что, старательно не замечая свиней, от них не избавишься. В ее памяти всплыл облик здоровяка Микеля Филсдона, который в седьмом классе, когда у Сиони еще не выровнялись зубы, прозвал ее моржом. Она упорно игнорировала Филсдона целых два года, но бесконечные издевки становились только изощреннее. Так продолжалось вплоть до перехода в среднюю школу – там, в первый же день, Сиони налетела на Микеля, яростно выпалила ему все, что о нем думала, и заставила его прекратить хамские «забавы». С тех пор Сиони не сомневалась, что хулиганы понимают самый примитивный и недвусмысленный отпор. Микель после того случая стал ее избегать.

– Учись защищаться, – неожиданно вырвалось у нее.

Прит, конечно, ничего не ответил.

Эмери толкнул Прита плечом, и тот споткнулся.

– Побыстрее не можешь, бумажная кукла?

Прит ускорил шаг и скрылся в многолюдном коридоре.

Сиони стиснула губы.

– Ты в курсе, что был настоящим подонком? – обратилась она к Эмери.

Эмери наклонился, поднял с пола бумажный пакет – бедняга Прит забыл свой завтрак – и полез внутрь. Приятели пытались подсмотреть ему под локоть, что же находится внутри.

– Чур, печенье мое! – заявил подхалим.

Эмери выхватил румяное яблоко, швырнул пакет своему спутнику. Затем устроился прямо на полу, вытянул тощие ноги и, обтерев яблоко о рукав, откусил кусок.

Впрочем, он отвлекся и выудил из-под себя приземистую лягушку – еще одно изделие Прита. Усмехнувшись набитым ртом, Эмери смял ее в кулаке и, буркнув «Во, балбес!», кинул бумажный комок в проходившую мимо темнокожую девушку. Та сердито покосилась на Эмери, но пошла дальше, не сказав ни слова.

– Нам пора, Фенхель! – позвала Сиони собачку и, не оглядываясь на будущего Бумажного мага, зашагала по коридору.

Спустя минуту она позволила себе вздохнуть. Ладно, это уже в прошлом. И расстраиваться из-за него нет никакого смысла.

– Однако надо спросить у вас, что же изменило ваше отношение к Складыванию. Надеюсь, вы попросили у него прощения, – произнесла она вслух.

Ученики разбредались по классным комнатам. Вскоре коридор опустел, и Сиони заметила двустворчатую дверь, которая вела наружу. Возможно, выход приведет ее в очередное темное видение сердца Эмери Тейна или перебросит в третью камеру, которую Сиони еще предстояло увидеть воочию. Она надеялась на второй вариант: ей нужно было поскорее удрать из ловушки Лире, а единственный путь для этого – пройти сердце Тейна насквозь.

Значит, у нее нет выбора. Ей придется идти до конца и просмотреть все истории Эмери Тейна.

Сиони распахнула дверь и очутилась в знакомом кабинете – том самом, куда она попала после того, как протиснулась в третью камеру. Разница состояла лишь в том, что вместо вечернего полумрака комнату заливали оранжевые лучи заходящего солнца, а на столе и шкафах горели свечи в подсвечниках. Сиони замялась на пороге – воспоминания о предыдущем визите в кабинет были настолько свежи, что иглами впились в ее сознание.

Эмери сидел за столом, склонившись над тонкой стопкой бумаги отнюдь не тех сортов, которые он применял для Складывания. В одной руке он держал перо, а другой теребил волосы, подстриженные заметно короче, чем в настоящее время.

Фенхель принялся к бледно-лиловому ковру, лежащему на темных скрипучих половицах, и чихнул.

Сиони сделала шаг вперед, и дверь за ее спиной захлопнулась.

Этот кабинет Тейна оказался не столь просторным, нежели тот, что был в его нынешнем доме в лондонском предместье, но и здесь все говорило об Эмери. Шкафы, сундуки и прочая мебель, втиснутые по четырем стенам комнаты, располагались почти в идеальном симметричном

порядке, и нигде не было ни кусочка неиспользованного места. Изящный шкаф вишневого дерева заполняли стопки блекло-желтой, салатовой и розовой бумаги, порезанной на прямоугольники и квадраты разных размеров. В другом шкафу, скрепленном металлическими скобами, хранились бесчисленные старинные фолианты, некоторые из которых Сиони узнала: она видела их на книжных стеллажах в реальной спальне Эмери. На верхних полках поблескивали стеклянные бутылки, заполненные многослойным разноцветным песком, а из-за них выглядывала пустая деревянная рама. Сиони предположила, что прежде в ней могла быть вставлена чья-то фотография. В доме из желтого кирпича она такой не видела.

На краю письменного стола стоял стакан с чаем. Сиони прикоснулась к нему – холодный. От напитка слабо пахло мятой. Ей в голову вдруг пришло, что на кухне Эмери она не видела кофе – возможно, он не любил его. Или кофе порождал в нем тревожность, а Сиони не могла внести «тревожность» в список личных качеств Эмери.

Аккуратно распределенный хаос занимал весь стол за исключением ровного прямоугольного участка, на котором Эмери Складывал бумагу. Тут же находилась и ваза с линейками и карандашами, и компас, и маленький отрывной календарь, где каждый день иллюстрировался изображениями трех видов деревьев, и бутыль с песком для просушивания написанного. А еще папки и подставки с рабочими материалами Эмери. Сиони задержала взгляд на макете Суррейского театра, целиком сделанном из бумаги, от колонн главного фасада до английского флага, развевавшегося на шпилье купола. Сиони полюбовалась им, гадая, сколько же времени Эмери потратил на то, чтобы смастерить столь детальную копию. И пусть она существовала в ином измерении – Сиони глаз от нее не могла оторвать! Тем не менее она не стала прикасаться к макету, хотя парадные двери на петлях, крепивших их к фасаду здания, выглядели так, будто *могли* открываться и впускать внутрь, ну, скажем мышей.

Она покосилась на Эмери. Какие же прекрасные вещи он изготавливал!

Тейн отложил страницу и взял верхний лист из стопки. Сиони наконец-то смогла сосредоточиться на документах. Это был густой юридический жаргон, плотно вписанный мелкими буквами между дюймовыми полями, обрамляющими лист с четырех сторон. Каждый абзац имел собственный номер, а некоторые фразы были написаны заглавными буквами, да еще и жирно подчеркнуты в придачу. На нижнем поле Эмери поставил свою подпись – у него был изумительный почерк, все строчные

буквы имели одну и ту же ширину, а заглавные инициалы Э и Т он изображал практически без завитушек. В глубине души Сиони хотелось понаблюдать за его манерой письма, чтобы научиться такому же безупречному почерку. Ей, конечно, далеко до умений Эмери, но попробовать стоило...

А Эмери между тем отложил и этот лист и начал писать на следующем.

Губы его были хмуро сжаты, глаза сосредоточенно прищурены, от уголков век разбегались суровые морщинки. Сиони прочитала шапку письма: «СЕКРЕТАРЮ ГРАФСТВА БЕРКШИР. ЗАЯВЛЕНИЕ О РАЗВОДЕ».

Солнце ушло на другую сторону мира, свет в кабинете померк. Сиони всмотрелась в дату, начертанную под второй подписью. Воспоминанию исполнилось как раз два года и пять месяцев. Неужели он так долго коротал время в одиночестве?

Что-то в доме негромко гроыхнуло. Сиони напряглась и полезла в сумку за веером. Но и Эмери не дремал. Он тоже услышал звук, а значит, то была не Лира.

Образы, создаваемые сердцем Эмери, реагировали на присутствие Лир в точности так же, как на появление Сиони, – никак. Наверное, источник шума имел законное место в видении, но по коже Сиони побежали испуганные мурашки.

Эмери отодвинулся от стола, скрипнув по старым половицам ножками кресла, и встал. Он держал голову высоко поднятой, так что подбородок не доставал до верхнего края воротничка сорочки. Обогнув стол, он прошел сквозь Сиони и направился к двери.

Мгновением позже он замер, скрестил руки на груди и отчетливо произнес:

– Не ожидал вновь увидеть тебя.

Ответом ему было молчание.

С губ Эмери сорвался продолжительный вздох. Сиони потянулась к нему, но одернула себя.

– А ведь я поставил охранные заклинания, – добавил Тейн.

Спустя несколько мгновений дверь приоткрылась. При появлении Лир Сиони стиснула бумажный веер и быстренько напомнила себе, что это не настоящая Потрошительница, а призрачная Лира из прошлого Бумажного мага. Волосы у нее были короче, и злоба на лице менее... очевидна. Вообще-то она смотрела на Эмери взглядом потерявшейся в лесу гончей и жевала губы, как ребенок, готовый получить нагоняй. Она

щеголяла в узком платье с поясом, выгодно подчеркивающим ее соблазнительные формы. Декольте платья оказалось наполовину расшнуровано и приоткрывало ее высокую грудь больше, чем нужно.

Фенхель залаял, а Сиони, ничего толком не осознавая, вскипела от возмущения. Она, впрочем, заставила себя разжать руку, стискивавшую веер, чтобы не помять его и не разрушить волшебство. Несомненно, смущение и самоуничижение Лир было игрой, чистым притворством. Сиони ни на секунду не купилась на трюки Потрошительницы!

Не поверил ей и Эмери. Выражение его лица – с таким расстроенный отец мог бы встречать заблудшую дочь – не изменилось.

– Помоги мне, – прошептала Лира.

– Объясни мне, почему я не должен немедленно отправиться на телеграф и не сообщить о твоём появлении. Назови хотя бы одну причину, – отчеканил Эмери ледяным тоном.

Сиони предположила, что с момента ее предыдущего появления в этом кабинете Лира успела сотворить новую пакость. Кстати, успела ли жена Тейна совершить Привязку к плоти и окончательно трансформировать свое сознание?

Сама Сиони не имела представления о том, как становятся Потрошителями, и вовсе не желала, чтобы кто-нибудь просветил ее по данному поводу.

На темных ресницах Лир повисли крупные слезы. У молодой женщины явно имелся талант к лицедейству на подмостках.

– Эмери, только на ночь, – взмолилась она. – Утром я исчезну. Мне надо просто где-то переждать, а затем я уйду.

– Я знаю дюжину комфортабельных тюремных камер, – парировал Тейн.

– Я ни в чем не виновата! – выкрикнула Лира, но Эмери лишь скептически выгнул бровь. Щеки Лир вспыхнули, а лоб прорезали глубокие морщины. – Эмери, вспомни, сколько я тебе отдала! Ты понимаешь, что они со мной сделают? Я ни в чем не виновата! – повторила она.

Эмери усмехнулся и бессильно опустил руки. Сиони поморщилась при виде столь безвольного жеста, выдающего Бумажного мага с головой. Он же оставил свое сердце совершенно открытым! Сиони была вынуждена сделать над собой усилие, чтобы выкинуть из головы свежее воспоминание о том, как Лира вонзала острые ногти ему в грудь. Тогда он был буквально припилен к стене столовой, а она, Сиони, ничем не могла ему помочь.

– Лира, мне известно, кто ты такая! – воскликнул он. – И другим тоже!

Или ты думаешь, что сможешь разыгрывать из себя невинность?

– Тебя там не было, – всхлипнула Лира.

Сиони шагнула поближе и всмотрелась в ее глаза, стараясь разгадать ее секреты. Она даже попыталась оттолкнуть Лиру от Эмери, но ее пальцы прошли сквозь торс женщины, как будто это была иллюзия, созданная по книге. Нет, Сиони не дозволено вмешаться в ход видения Тейна!

– Ты ничего не понимаешь! – скулила Лира.

– Я пытался, – возразил Эмери, присел на край стола, вцепившись в него сильными пальцами. – Видит небо, Лира, я пытался. Но сейчас... тебе лучше... уйти.

– Не могу, – прошептала она. – Меня выследили.

– А остальные? – спросил Эмери. – Грат? Минайон? Сарадж?

Лира потупилась, изображая отчаяние.

– Я пришла одна. Эмери, ты должен мне поверить: я хочу порвать с темной магией! Навсегда! Но как мне обелить свое имя от обвинений, если Грат и его приспешники возвели на меня столько клеветы? Как мне начать все с чистого листа, если каждый бобби в синей каске норовит накинуть петлю мне на шею?

Эмери потер виски.

– Лира, обычных преступников постигает еще худшая участь за куда меньшие правонарушения. Или ты забыла...

– Я ни в чем не виновата! – опять повторила она и схватила Эмери за рукав. – Я была для них забавной игрушкой и требовалась им вместо козла отпущения! Они свалили на меня все грехи! Я – дура, но каждый заслуживает крошечный шанс на то, чтобы искупить свои ошибки! И... о, мои ошибки...

Сиони насупилась.

– Она врет, – предупредила она Эмери. – Посмотри ей в глаза: это же спектакль. Я сама в школе играла в театре и знаю такие уловки.

Но, увы, Сиони могла быть просто свидетелем сцены, которая разворачивалась в кабинете Бумажного мага. Она не могла предотвратить душевную боль, которой Лира обременила Эмери. Не могла помешать Потрошительнице вырвать сердце из его груди.

Но как же ей хотелось помешать Лире!

Она посмотрела на Эмери и в ужасе заметила, что его взгляд начинает смягчаться.

– Не верь ей! – завопила Сиони, и Фенхель гавкнул из-за хозяйки, подтверждая ее слова. У бумажной собачки ума больше, чем у человека! – Ты ведь сам ее раскусил! А скоро она превратится в настоящее чудовище!..

– Ох, Эмери, – прошептала Лира, хлопая густыми ресницами. Она оседала на пол рядом с Тейном, как полупустой мешок с песком. – Эмери, ты для меня – все на свете, но я разрушила наше счастье собственными руками. Я впустила их в свои мысли... Я думала, что ты...

Она сделала многозначительную паузу и отодвинулась.

– Ладно... неважно. Ты мне не веришь.

– Лира...

– Неужто мы не можем вернуться к тому, что было? – пролепетала Лира, уставившись на Эмери широко раскрытыми глазами, в которых блеснули слезы. – Неужели нельзя сбегать и сбросить прошлое, как старую кожу?

Дурная метафора. Эмери начал приходить в себя.

– Но я один из них, Лира, – сказал он. – И я уже помогал выслеживать тебя.

– Знаю, – ответила она.

Сиони пристально всматривалась в глаза Лире, но совершенно терялась в догадках. Будь она проклята, эта женщина с идеальными фарфоровыми чертами лица!

– Да, я заслужила твоё презрение, Эмери... и я навеки потеряла тебя... – продолжала Лира, и Сиони оторопела, засомневавшись в своей оценке, которую она дала Лире.

Сколько же искренности в её голосе! Теперь Сиони точно не уверена в своём мнении насчёт Потрошительницы...

– Или нет? – с грустью добавила Лира.

«Мне надо идти. Я должна», – подумала Сиони, душа которой все равно ныла от горечи. Хватит с неё! Не стоит ей ждать конца видения! Она поплелась к двери, но, отворив её, обнаружила коридор, уходивший в глубь дома. Ни калейдоскопа цветов, ни мясистых стен сердечной камеры здесь не было. «ПАМ-Пом-пуум» раздавалось где-то вне пределов досягаемости. Сиони надеялась, что звук такой слабый лишь из-за того, что она застряла в воспоминании двухгодичной давности.

Она повернулась к Лире и Эмери. Где-то в доме вновь гроыхнуло. И почти сразу в дверь забарабанили – два редких удара и два частых. Эмери как-то напряжился, и Сиони поняла, что стук был условным сигналом.

Губы Эмери сжались в тонкую ниточку. Лира вцепилась в его рубашку.

– Умоляю, – прошептала она. – Поверь мне, Эмери, ты ведь знаешь меня лучше всех на свете. Выслушай меня! Прошу тебя!

После недолгого колебания Эмери взял Лире за запястья и мягко оторвал её пальцы от своей сорочки. Он направился в сторону Сиони,

прошел прямо сквозь нее и устремился в холл. Он размашисто шагал, и вокруг проявлялся дом, как будто присутствие Бумажного мага позволяло Сиони видеть, что скрыто за пределами видения.

Она бросилась за ним. Во входной двери было прорезано маленькое окошко, но снаружи было слишком темно, и сквозь стекло Сиони различила только желтые размытые блики.

Эмери отпер дверь, за которой оказались двое полисменов с фонарями.

– Что случилось? – спросил он.

– Простите, мастер Тейн, за столь поздний визит, – произнес полисмен повыше ростом, – но мы уверены, что Лира Хоппсон вернулась в Лондон.

– Лира?

– Нет, – пробормотала Сиони и замотала головой. – Нет, Эмери, не надо их обманывать. Не защищай ее!

Полисмен хмыкнул.

– Мы полагаем, что она может вступить в контакт с вами или со своей матерью. Вы одни?..

Неловкая пауза растянулась на несколько секунд. Сиони затаила дыхание.

– О да, – ответил Эмери. – Но благодарю за предупреждение. Я постараюсь обезопасить дом.

– Возможно, вам нужно сменить место жительства до тех пор, пока мы не поймем ее, – заявил второй полисмен. – Но если вы узнаете какие-нибудь новости...

– Я незамедлительно сообщу вам, – ответил Эмери. – Обязательно. Благодарю вас.

Оба полисмена дружно кивнули и сошли с крыльца. Сиони почувствовала, как ее собственное сердце провалилось в желудок, вызвав у нее приступ тошноты.

Она привалилась к стене, чтобы удержаться на ногах, и слышала над ухом скрип дверных петель. Вокруг нее сгустились сумерки, но она не перенеслась в другое видение. Напротив, она вернулась вместе с Фенхелем в рабочий кабинет Эмери, где все еще находилась Лира.

Эмери закрыл за собой дверь.

– Спасибо тебе, – вымолвила Лира.

– Ты этого нисколько не заслужила, – ответил Эмери, сверля взглядом половицы.

Лира нерешительно шагнула к нему и обняла Эмери за талию, а потом уткнулась лицом ему в шею и тихо произнесла:

– Спасибо тебе.

Сиони прикусила губу и опомнилась, лишь почувствовав во рту вкус крови. Ее мышцы одеревенели. Будущее могло сложиться совсем по-другому, если бы мг. Тейн порвал с Лирой! Почему он не воспользовался этим шансом? Почему?

Теперь Сиони застряла в его сердце, пытаясь спасти его жизнь, – а все потому, что он не нашел в себе сил отправить эту ужасную женщину в тюрьму!

Лицо Сиони пылало, в глазах закипали жгучие слезы. Она не могла пошевелиться.

«Отпустите меня, – молила она. – Позвольте мне оказаться в другом месте. Где угодно».

Эмери негромко сказал что-то – Сиони не уловила смысла его слов.

Лира прижалась к нему, и Сиони бросило в жар. А Лира бормотала:

– Эмери, я люблю тебя. Так люблю тебя. Ты не можешь отрицать...

– Лира...

– Ты не отослал бы их, если бы не знал этого, – не унималась Лира. – Ты любишь меня, я знаю...

Ее длинные пальцы пробежались по шее подобно паучьим лапам, и каждое их прикосновение как будто впрыскивало в Тейна яд. Лира наклонила голову Эмери, чтобы их губы соприкоснулись. Он поначалу сопротивлялся, но, как отравленное насекомое, прекратил борьбу и разрешил Лире затянуть себя в сеть.

Из глаз Сиони выкатилась слеза. Она должна бежать, но они загораживали дверь... они...

Она попятилась и врезала по стене кулаком. Никакого результата. Не дожидаясь второй слезы, Сиони сгребла бумажного Фенхеля в охапку.

– Выпусти меня, Эмери Тейн! – заорала она, и у нее зазвенело в барабанных перепонках. – Ну!..

Кабинет погрузился в тень, а затем и растаял в воздухе. Теперь Сиони слышала сонное *«ПАМ-Пом-пуум»*, казавшееся ей сейчас бледной имитацией ее собственного отчаянного сердцебиения.

«Ничего, еще одно препятствие, и все. А уж потом я как-нибудь выберусь на свободу», – подумала Сиони, пытаясь вернуть себе спокойное расположение духа.

Но мрак третьей камеры не закончился. Вместо красных стен ручья крови и тугого клапана, который должен был привести ее в четвертую камеру, Сиони перенесло в незнакомый город. Над ее головой нависало сумеречное небо, и со всех сторон раздавались резкие полицейские свистки.

Глава 12

Сиони растерянно озиралась по сторонам.

Она стояла на узкой улочке, вымощенной брусчаткой. Сточные канавы были завалены подтаявшим снегом, который успел перемешаться с липкой грязью. Небо окрашивало город в сизые тона. Похоже, близился вечер, но тучи так плотно скрывали солнце, что Сиони засомневалась в правильности своего предположения. Фенхель выскользнул из рук хозяйки и заскулил, а Сиони почувствовала, как в жилах на ее шее застучал пульс. Из ее рта вылетали облачка пара. Куда ее занесло? Куда ни глянь – повсюду тянулись кирпичные стены высотой в два этажа. Одну из них разрывал сводчатый проход, а таких архитектурных «излишеств» в Лондоне отродясь не бывало.

С одной стороны улица упиралась в цементную лестницу, проходившую с краю казенного здания, а с другой – в дом, фасад которого нагло выдавался вперед из ряда соседей.

Пронзительные, надрывные полицейские свистки, гулко отдававшиеся от кирпичей, зывали к Сиони, словно рой банши. Сиони заткнула уши и зажмурилась. Она не хотела тут находиться.

«Отпусти меня, отпусти меня, отпусти меня».

Но она не могла по собственной воле покинуть очередной эпизод. Царивший здесь холод моментально вцепился ей в пальцы, полез под одежду, обжег ноздри изнутри. Свистки стали громче, к ним присоединился топот форменных военных башмаков.

Сиони бросилась наутек.

Она бежала, а Фенхель таял где-то позади, и она притормозила лишь для того, чтобы подхватить песика, который легко мог промочить бумажные лапы. Через сводчатую подворотню она выскочила на соседнюю улицу, вымощенную редкими и неравномерно уложенными булыжниками, и едва не упала в огромную лужу. Ледяная вода незамедлительно облила ей юбку и чулки.

Сиони затравленно посмотрела на сумрачные здания. Банк с темными окнами и ресторан с закрытыми ставнями как будто хотели сдавить ее в своих объятиях.

Свистки совершенно заглушили равномерное «ПАМ-Пом-нуум», которое должно было заполнять тишину между судорожными выдохами Сиони.

Повернув на первом перекрестке, Сиони нос к носу столкнулась с двумя полисменами и промчалась сквозь них. Она споткнулась о скользкие камни, но смогла извернуться в падении и не выронить из рук Фенхеля. Однако она с размаху приложилась о брусчатку бедром, и ее ногу и крестец пронзила резкая боль. Сиони вскрикнула.

Фенхель еле слышно тявкнул, вцепился в выбившуюся прядь свалывшихся волос Сиони и потянул, будто забавлялся с веревочной игрушкой.

Сиони поморщилась, с трудом встала и попыталась привести грязную одежду в порядок. Она крепко стиснула зубы и старательно моргала, чтобы не заплакать. Навстречу ей неслись еще двое полисменов в сопровождении двоих солдат. Когда они приблизились вплотную и должны были вот-вот пройти сквозь нее, она невольно зажмурилась от испуга.

Она в прошлом Эмери, а значит, все эти события нереальны для *нее*. Но у Сиони по какой-то причине не получалось воспринимать видения сердца Тейна как абстрактные картинки. Она постоянно говорила себе, что бродит по воспоминаниям Эмери, но не оставалась равнодушной.

Сдув волосы с лица, Сиони смотрела на полисменов, которые мчались по улице, обмениваясь нечленораздельными возгласами. Раздувая щеки и выпячивая губы, бобби дули в свистки. Гончие, травящие лису. Но кто выступает в роли лисы?

– Эмери, – прошептала она и кинулась бежать, прихрамывая на правую ногу.

Скоро на ее бедре появится огромный синяк – если уже не появился.

Сумка, потяжелевшая, наверное, раз в пять,гнула ее к земле. Сиони, не выпуская Фенхеля из рук, неловко перевесила ее на другое плечо. Странно, но ее ноги двигались куда быстрее, чем в реальном мире. Унылые дома, спящие бродяги и снеговая слякоть проносились мимо нее тусклыми мутными пятнами.

До толпы полисменов она добралась в ту самую секунду, когда их начальник, бобби с пышными усами, раздавал своим подчиненным задания. Те рассыпались по трое и молниеносно скрылись из виду.

В воздухе, буквально в дюйме от ее лица, пронесся маленький бумажный голубь. Сиони отметила, что птица выглядела точь-в-точь как копия того великана, который доставил ее на побережье.

Ткнувшись в руку шефа полиции, голубок рухнул на камни.

Сиони вытаращила глаза и, забыв обо всем на свете, потянулась к бумажной фигурке, но шеф полиции опередил девушку. Привстав на цыпочки, Сиони заглянула ему через плечо и сразу же (хотя письмо и не

было подписано) узнала идеальный почерк Эмери.

Они прячутся в упаковочном складе. Пусть ваши люди устроят засаду с севера. Я буду ждать вас там.

– Теперь мне ясно, чем ты занимаешься, – сказала Сиони, глядя на изможденное лицо бобби, хотя обращалась вовсе не к нему.

Шеф полиции показался Сиони испуганным, что подтвердило догадки Сиони.

– Ты охотишься за ними. За Потрошителями. За Лирой. Но когда? В какое время? Где я вообще нахожусь? – произнесла Сиони вслух.

«Надеюсь, тебе ничего не грозит», – мысленно добавила она.

Бобби дунул в свисток – да так, что у Сиони заложило уши, а сам побежал на северо-восток. На следующем перекрестке к нему присоединилось еще двое коллег.

Сиони шагнула за ними, потом застыла и повернулась в ту сторону, откуда прилетел голубок. Там должен быть Эмери!

Превозмогая ломоту в мышцах, жадно хватая воздух усталыми легкими, Сиони помчалась туда.

Она понятия не имела, где находилась фабрика, но карта ей и не требовалась. Город раскрывался ей навстречу, как в предыдущих видениях, и вел Сиони к Эмери Тейну, потому что она бежала сквозь тайны его сердца. Она миновала мост через канал со стоячей водой оливкового цвета, пролетела вдоль булочной с выцветшей вывеской и окнами, забитыми досками. Улица сужалась, и Сиони пришлось пробираться через настоящий сугроб, притиснув Фенхеля к своему боку согнутым локтем. Впереди, поверх крыши жилого дома и таверны, она различила гигантское прямоугольное здание с длинной цилиндрической трубой. Это и был построенный из грязно-желтого кирпича пакгауз, зиявший выбитыми окнами. На его южном карнизе свешивалось вниз брошенное птичье гнездо.

А затем Сиони заметила Эмери. Он стоял возле сдвижной проржавевшей двери. Бумажный маг был одет в серое, что полностью соответствовало городскому пейзажу. По его лицу была размазана грязь, он казался измотанным до крайности, его волосы отросли и взлохматились. Он был вооружен каким-то невиданно сложным бумажным шаром и остроконечными звездами, засунутыми за его пояс.

Сиони видела его лишь мгновение – Эмери Тейн отодвинул скрипучую створку в сторону и исчез в темноте.

Она вдруг осознала, что полицейские свистки умолкли. И не только они – вся округа погрузилась в гробовую тишину. Ни шагов, ни птичьих

трелей, ни разговоров, ни проезжающих повозок, ни даже ветра.

Фенхель оттягивал ее усталые руки, а сумка – онемевшее плечо.

Сиони не стала окликать Эмери, не кинулась за ним вдогонку. Она решила, что нарушать тишину ей ни в коем случае не следует. И потому она пошла крадучись, осторожно ступая на влажные булыжники. Ей показалось, что дверь находится очень далеко от нее, но одновременно и до невозможности близко. Стоило Сиони потянуться к створке, как та отъехала влево, словно по команде.

На Сиони, как гнетущее песнопение, разом обрушился запах сырого мяса – свежего и протухшего. Она поежилась: на складе было еще холоднее, чем на зимних улицах. Под ногами хрустела каменная соль, густо рассыпанная по цементному полу. Зубы Сиони забили барабанную дробь. Она поставила Фенхеля на пол и шепнула:

– Не отходи от меня.

Сквозь высокие окна, часть стекол в которых была заменена картонками или обрезками досок, сочился тусклый свет. В полутьме поблескивали металлические мостки, перекинутые между стенами на уровне второго, а то и третьего этажа. Одной рукой Сиони стиснула бумажный веер, а другой – ляжку вязаной сумки. Пакгауз отлично подходил для настоящей Лиры – Лиры Потрошительницы, совершающей акт мести.

Сиони молча взмолилась, чтобы ее собственное тело не внесло добавки в гнусную вонь, которая только усиливалась по мере продвижения в глубь здания.

Она переступила порог второго, еще более просторного зала, где так же змеились мостки, и остолбенела. В глаза Сиони бросились сотни стальных конструкций, на которых висели громадные мясные крюки. Чуть ли не на каждом третьем болталась половина свиной туши или говяжий бок. Туши очень мало походили на животных, разве что на некоторых случайно сохранились пяточки или неотрубленные копыта. Многочисленные решетки сливных отверстий на полу были забиты мышечными волокнами, напоминающими крошки белого и красного мрамора.

Фенхель, возбужденно размахивая хвостом, принялся обнюхивать туши. Мимо процокола коготками крыса. Сиони шикнула на нее и махнула рукой Фенхелю, дескать, держись поближе ко мне! К сожалению, она махнула как раз той рукой, в которой держала веер. Из Сложенных сгибов сорвался затхлый зловонный вихрь, пронесшийся по залу и мигом заполнивший все помещение. Сиони поспешно свернула веер и с трудом сдержала испуганный вопль, когда увесистый кусок говядины, качнувшись

на заскрипевшем крюке, шлепнул ее по спине.

Теперь уже все туши раскачивались на жутко скрипевших крюках. Они были как живые и выглядели по-настоящему несчастными.

Выдохнув внушительное облачко пара изо рта, Сиони побрела дальше. Прищурившись, она рассмотрела на боковой стене зала – за петлями кишок и колбас – приоткрытую дверь. Сиони направилась прямо к ней, ее шаги звучали устрашающе громко.

За дверью оказалась освещенная совсем уже бурым светом кладовая, в которой Сиони и обнаружила Эмери. Маг стоял к Сиони спиной, и его опущенные плечи сотрясались при каждом вдохе. Рядом с ним теребил усы и корчил гримасы шеф полиции. Тут словно повернулся выключатель, и пакгауз наводнили бобби с фонарями, будто сердце Эмери поджидало именно этого мгновения, чтобы включить их в видение. Никто не дул в свисток и не обменивался репликами. Полисмены расхаживали по залу, рассматривали туши, а некоторые, похоже, не знали, чем им заняться.

Фенхель просунул голову между лодыжками Сиони и зарычал. Она же, обойдя шефа и Бумажного мага, осмотрелась по сторонам.

Сиони непроизвольно напряглась, а горло скрутило спазмом. Она наклонила голову, и ее вырвало на цементный пол. Рвота обожгла пищевод и носовые пазухи. Желудок сжимался и расширялся, и так продолжалось до тех пор, пока из него нельзя было выдавить ни капли желчи.

Даже если бы остальные и могли видеть ее, приступа рвоты не хватило бы, чтобы отвлечь их внимание от того, что находилось на полу.

Пакгауз стал не только складом для туш животных...

Пол был усеян расчлененными трупами.

Везде валялись разрубленные изуродованные *человеческие* тела. Сиони зажмурилась. Она не находила в себе сил еще раз взглянуть на них, но память – *чтоб ее*, эту память! – увидела более чем достаточно. Сиони знала, что это зрелище уже *никогда* не изгладится из ее сознания. Здесь были обезглавленные мужчины, женщины и дети – распиленные пополам и лишенные сердец, с червями, кишачими в их внутренностях...

Сиони разрыдалась бы, если бы внутри у нее все не пересохло.

Их запах... Они пахли так же, как и останки животных, и Сиони поймала себя на том, что радуется, что ощущает на языке привкус собственной рвоты, а не мертвых и изувеченных людей.

– Чуть-чуть не успели, – пробормотал шеф полиции. – Эх... Они улизнули. Этот совсем свежий, и тот. Мы опоздали.

Содрогаясь, Сиони посмотрела на Эмери. Его кожа посерела, запавшие глаза были обведены фиолетовыми кругами, обветренные губы чуть

приоткрылись... Он молчал, но она знала, о чем он думает.

«Это я виноват, – проносилось в его голове. – Я пожалел ее и отпустил... Они погибли из-за того, что мое сердце оказалось слишком слабым».

Мучительные мысли раздирали Эмери: Сиони видела морщины, прорезавшие его лоб, напряженную шею, влажный блеск его глаз... Она вздохнула, сплюнула, вытерла рот. Угрызения совести Эмери давили на нее, как пульсирующие стены сердечных клапанов, душили ее. От них воздух становился густым и едким. Сиони понимала, что Бумажный маг теперь обречен всю жизнь нести на себе тяжкий груз. Кто ж такое забудет – хотя бы и с плохой памятью. Это просто невозможно изгладить из памяти. Никогда.

Краем глаза Сиони заметила облачко пара, и в ноздри ей ударил запах железа. Даже открывшийся ей ужас и страдания Тейна не могли усыпить ее бдительность.

Вокруг нее взметнулись бурлящие, обжигающие алые струи. Они устремились к ней, как змеи, резко виляя по пути и врезаясь в трупы, которыми была завалена кладовая. Они в буквальном смысле стирали все: и тела жертв, и стеллажи, и коробки, пощадив только стены, шефа полиции и Эмери. Бумажный маг впал в оцепенение, но теперь в его глазах вспыхнула ненависть к самому себе, и он продолжал взирать на трупы, распростертые на полу. Он не видел ни Сиони, ни Лир – нынешней, материальной, самой что ни на есть реальной Потрошительницы. Лира внезапно появилась словно из ниоткуда и, сверля Сиони яростным взглядом, начала приближаться к девушке. С кончиков ее пальцев стекали капли пузырящейся крови. Живое воплощение дьявола из ада – злодейки из волшебных сказок, – разрезанное на куски и сшитое в лоскутный узор, который некогда поражал красотой.

Сиони побелела как полотно. Как же действует магия Потрошительницы? Какие именно кошмарные ужасы – вроде вырывания сердца у ребенка – должен сотворить Потрошитель, чтобы кровь вскипела? А ведь заколдованная кровь не коснулась Сиони, хотя и была нацелена на нее...

Сиони потрогала цепь-щит, опоясывавшую ее грудь, и отпрянула от черноволосой женщины, которая, похоже, была не на шутку раздосадована тем, что ее заклинание не достигло цели с первого раза.

Но Лира не коснулась ее. Слава богу! Сиони не хотела даже думать о том, что могло бы произойти, если бы...

Лира вытащила из-за пояса кинжал, резанула лезвием свою ладонь,

собрала брызнувшую темную кровь в сложенные чашечкой руки. Пробормотав что-то отвратительное для слуха, она швырнула капли в Сиони. Алые горошины скворчали и дымились от невидимого огня, но, прежде чем они долетели до Сиони, звенья бумажной цепи ошетинились и расшвыряли капли в стороны. Кровь затуманила детали видения, мгновенно разъела швы между кирпичами и оставила блеклые пятна на цементном полу. Образ Эмери начал выцветать.

Справа от Сиони, подле исчезавшего Бумажного мага, возникла дверь. Не белая, обрамленная красным, а красная створка, окруженная сгустками теней.

– Нет! – выкрикнула Лира и, выплеснув кровь на пол, кинулась к Сиони, вытянув окровавленные руки вперед.

Сиони метнулась к двери, прежде чем Лира успела схватить ее. Фенхель не отставал от хозяйки ни на шаг. Но Сиони очутилась вовсе не в тесной камере сердца Эмери, а в уже знакомом ей рабочем кабинете Бумажного мага. Здесь царил полумрак, комнату освещали лишь звезды, сиявшие за окном.

Она опять вернулась обратно! Вокруг нее хищно заплясали тени. Сердце Сиони отчаянно трепыхалось в груди.

Она угодила в западню.

Глава 13

Эмери налетел на нее, придавил предплечьем ее горло и швырнул на стену, туда, где только что находилась красная дверь. Сиони зажмурилась, ожидая, что сцена сейчас переиграется, но этого не случилось. Рука Эмери крепко прижимала ее к стене, и когда Сиони рискнула приоткрыть веки, то увидела его глаза, горящие зеленым пламенем.

На коже Сиони выступил пот. Фенхель залаял и вцепился в ногу Эмери бумажными зубами. Сиони сопротивлялась, но маг не ослабил хватку.

– Тебе нечего здесь делать, – прошипел он низким грубым голосом, совсем не похожим на голос Эмери Тейна.

Даже Эмери Тейн из точно такой же сцены, охваченный гневом и потрясенный до глубины души, говорил не столь холодно. Сиони кинуло бы в дрожь, не прижимай Эмери ее к стене так безжалостно.

– Простите! – крикнула она. – Я не...

Теневой Эмери отодвинулся, перехватил Сиони за плечо, а затем спихнул на стопку коробок и книг, аккуратно сложенных в углу. Картонные углы больно уперлись ей в бок и спину, на голову посыпались дешевые издания приключенческих романов.

– Я хочу спасти вас! – добавила Сиони.

Теневой Эмери засмеялся – захихикал, – и от этого звука, который мог бы испускать орган со сломанными трубками, у Сиони сразу свело руки.

– Никто не может меня спасти. Вы заплыли в опасные воды, мисс Твилл.

Фенхель дергал его за штанину и гавкал, но Теневой Эмери его не видел и не слышал. Плавающие глаза вперились в Сиони – так сова наблюдает за отчаянными попытками мыши сбежать, прежде чем пасть с небес и пронзить ее острыми, как иглы, когтями.

Сиони постаралась говорить твердо и уверенно, хотя ей это почти не удалось.

– Пожалуйста, отпустите меня. Тогда я смогу вам помочь.

– Помочь? – повторил Теневой Эмери, скривившись, как будто это слово состояло из неразбавленного уксуса. – А кто поможет *им*?

Видение раздвоилось; стены кабинета остались на месте, а мебель, книжные шкафы и пол исчезли, сменившись кладовой с расчлененными телами, валявшимися на цементе.

Сиони закатила глаза и зажала рот руками, чтобы успокоить вновь

пожелавший взбунтоваться желудок.

– Уберите это! – громко завопила она сквозь пальцы.

– Зачем?! – гаркнул Теневой Эмери. – А хороша ли у вас память, Сиони Твилл? Вы, похоже, успели позабыть о них. Это я убил их.

– Нет! – взвизгнула Сиони, чувствуя, как ее веки набухают от слез, и отвернувшись от призрачной кладовой. – Не вы их убили, а Потрошители!

– Но я не задержал ее! – парировал маг.

– Вы ведь пытались, разве нет? – спросила Сиони, обращаясь больше к себе, нежели к нему. – Я сама видела. Вы хотели спасти их.

– Не *их*, – возразил Теневой Эмери (видение смерти между тем растаяло в воздухе и сменилось кабинетом с захламленным столом и книгами, раскиданными на полу). – А себя. Я просто преследовал Потрошителей.

Сиони взглянула снизу вверх – силы совсем покинули ее, и она не могла встать с кучи смятых картонных коробок.

– Вы же их не знали, верно? Я имею в виду лично. Они были жертвами, но не вашими. Вам хотя бы были известны их имена?

Теневой Эмери отвел взгляд в сторону.

– В этом-то и дело... Ну как же вы не понимаете! – молила Сиони. – Вы охотились за Потрошителями, потому что они губили людей, пусть даже совершенно незнакомых вам. И где тут зло?

Теневой Эмери рассмеялся.

– Я такой же, как она. Как Лира.

Сиони рывком вскочила на ноги.

– Эмери Тейн, она манипулировала вами. Вы когда-то любили ее. Я видела это. – Сиони помолчала и обняла себя обеими руками, чтобы хоть как-то избавиться от пронизывающего холода этого видения. – Я никогда не любила так, как вы, и понимаю, что не могу вас до конца убедить... но если бы я любила и мне выпал бы шанс спасти любовь, я постаралась бы воспользоваться им.

Точно так же, как сейчас я пытаюсь спасти тебя...

Теневой Эмери сгинул, но, мгновенно воплотившись за ее спиной, схватил Сиони за волосы и развернул ее к себе лицом. Сиони задохнулась от боли.

– Здесь нет места для любви, – прорычал маг.

– Возможно, в этой комнате и нет, – прошептала Сиони. – Но ведь это – лишь часть вашей души, не правда ли? Одна часть целого...

Теневой Эмери выпустил ее и материализовался в нескольких шагах от нее. Фенхель истошно лаял и подпрыгивал на бумажных лапах. Скорчив

grimасу, Теневой Эмери нагнулся, подхватил Фенхеля, смял его голову и разорвал песика пополам.

Сиони вскрикнула и рванулась к Фенхелю, но чары в искусно сделанном тельце уже разрушились.

Эмери выпустил из рук обрывки совершенно бесполезной бумаги, и они плавно спикировали на пол.

Сиони в ужасе рухнула на колени. Слезы хлынули из ее глаз.

Эмери *сделал* Фенхеля для нее. Потому что она скучала по Биззи. Эмери хотелось позаботиться о ней. Фенхель – ее единственная реальная связь с миром за пределами сердца Эмери. Ее единственный спутник в сумрачных видениях Эмери – единственное дружелюбное существо, которое сопровождало Сиони в диком калейдоскопе сердца Тейна.

Ощущая себя такой же раздавленной, как и безжизненная, бесформенная голова Фенхеля, она принялась собирать клочкам изодранной бумаги.

– Это не вы, – шептала Сиони себе под нос и глядя на безжизненные останки собачки. – Нет, это не вы!

– Ха! – громыхнул Теневой Эмери. – Ты хоть знаешь, кто я такой?

Его пальцы вновь схватили ее за волосы и вздернули на ноги.

– Темные и опасные воды... – повторил он.

Раскатистый хохот Лиры заполнил комнату. Сиони почувствовала, что разбивается вдребезги, как нагретая стеклянная банка, которую бросили в снег. Она не видела Потрошительницы, а Теневой Эмери, похоже, вообще не слышал ее. По крайней мере, он никак не отреагировал.

– Глупая сопливая девчонка! – Донесшийся словно издалека голос Лиры разнесся по всему кабинету, как будто голосовые связки находились в деревянных стенах дома. – Законы Потрошения непоколебимы, особенно по части сердца.

– Я н-не понимаю, – пересохшим ртом выдавила Сиони.

Она не сводила глаз с Теневого Эмери и цеплялась за его руку, чтобы он не выдрал ей волосы из скальпа.

Лира продолжала смеяться: на сей раз звук был чуть послабее.

– Ни один человек не способен причинить вред тому, кого по-настоящему любит, – иначе его седрце не выдержит! Может, тебе объяснить поподробнее?

Сиони промолчала.

– Он не любит тебя, тупая девка! – добавила Лира и широко улыбнулась: похоже, Потрошительница считала эту ситуацию по-настоящему забавной.

А потом в комнате воцарилась тишина. Сиони не представляла, куда делась Лира – смех угас, как пламя, залитое дождем. Теперь, когда Сиони оказалась так ловко заперта, Лира вполне могла покинуть сердце Тейна и закончить то, что собиралась сделать. Сотворить очередное ужасающее заклинание. Удрать за океан, прихватив с собой сердце Эмери.

Если ей это удастся, Эмери умрет.

Слезы потекли по лицу Сиони. Она крепко сжала запястье Теневого Эмери.

– Я знаю, – прошептала она.

Я знаю, что ты не любишь меня. Пока еще не любишь.

Это была последняя мысль, которая до сих пор поддерживала ее.

– Неужели ты решил, что никто, кроме тебя, не поступал неправильно? – произнесла она вслух. – Ты что, всерьез думаешь, что только ты один на свете совершал ошибки? Ты настолько *слеп*, что не способен видеть дальше своей комнатухи?

Теневой Эмери зарычал, но Сиони не дрогнула. Она впилась ногтями в его запястье, и он отпустил ее волосы. Сиони напряглась и оттолкнула его. Она не будет играть роль беспомощной мыши. *Ни за что!*

– А Лира? – спросила она, указывая на дверь, будто Потрошительница стояла за нею. – Как насчет ее преступлений?

Теневой Эмери помрачнел еще больше.

– А как же я? – понизив голос, осведомилась Сиони и прижала руки к сердцу. – Я тоже делаю ошибки и мучаюсь из-за них, но кем бы я была, если бы не думала ни о чем другом? Какой бы я стала, если бы позволила себе утонуть в сокрушениях по разным – совершенно никому не нужным – поводам?

Эмери не произнес ни слова.

– Как мне относиться к тому случаю, когда я должна была забрать маленькую сестренку из школы, потому что маме сделали операцию на ногах? – продолжала она. – Это было в середине января, но я никуда не пошла, потому что впопыхах доделывала диораму для урока английского! Эмери, я потратила на дурацкую диораму целых три часа, а в это время моя сестренка тряслась на морозе и ждала меня! Она заболела воспалением легких и едва не умерла – ведь я сочла свое домашнее задание важнее, чем все остальное!

Эмери пожал плечами.

– Мне и воровать доводилось, – добавила она и шагнула к двери. – Я увидела, как старик обронил у дороги шесть соверенов, и прикарманила их. А затем побежала домой дальней дорогой, чтобы он не узнал, где я живу.

Теневой Эмери хмыкнул.

– Ты думаешь, что можно сравнить твои проступки со страшной кладовой пакгауза? Неужто простудившаяся сестра и пальчики, к которым прилипает все, что не следует, перевесят на чаше весов тот кошмар?

– Кто дал тебе право судить о моих ошибках и кичиться своими! – огрызнулась Сиони. Ее сердце раздирали угрызения совести, усиливавшиеся с пробуждением новых воспоминаний. – Вы хотя бы в курсе того, почему я так долго жила в Милл-сквотс? У папы имелась прекрасная работа – он был шофером и возил премьер-министра и его семью, – но когда мне стукнуло двенадцать, я забралась в кабину и врезалась в стену королевского дворца! Отец лишился работы, а наши сбережения ушли на ремонт автомобиля. Мы остались без денег и переехали в самую жалкую часть Лондона – и все из-за меня. Мне хотелось поругать, и я не послушалась отцовского запрета!

Сиони покачала головой.

– А взять, кстати, Энис, – выпалила она, не смахивая текущие по щекам слезы. – Вы слышали об Энис Хэттер? А?..

Теневой Эмери хранил молчание.

– Она была моей лучшей подругой! – выкрикнула Сиони. – Первый год в средней школе дался ей очень тяжело... Не знаю почему – никогда не спрашивала. Как-то раз, перед зимним солнцеворотом, она попросила меня зайти к ней. Сказала, что хотела бы поговорить. Я опоздала. Неважно почему!.. А когда я пришла, то обнаружила Энис лежащей в ванне. Она порезала себе вены – от запястий до локтей.

Сиони зажала рот ладонью, чтобы не всхлипнуть. Воспоминание до сих пор мучило и изводило ее, хотя Сиони давно спрятала его в самом темном уголке своего сознания.

Сколько ночей Сиони провела, ворочаясь на кровати и думая о том, как бы все повернулось, если бы она пришла к Энис чуть-чуть пораньше?

Для другого человека те долгие часы слились бы воедино, превратились бы в горестный круговорот, наполненный слезами.

Но Сиони обладала *идеальной* памятью и знала счет ночам. Семнадцать. Она запомнила каждую минуту, когда она рыдала, каждый ночной кошмар, в котором ей мерещилась бледная Энис с окровавленными руками. Она не забыла остекленевшие глаза подруги, глядевшие в никуда. Она помнила каждый вопрос и каждую плохую отметку, полученную после очередной бессонной ночи.

Нет хуже участи, чем знать и помнить все – все, кроме истинной причины. Энис не оставила записки. Даже ее родители на похоронах не

проронили ни слова.

– Была ли я виновата, что Энис покончила с собой? – прошептала Сиони. Она не ждала от Эмери ответа. – Есть ли твоя вина в том, что Лира и прочие Потрошители убили столько людей?

Она судорожно вздохнула и пробормотала:

– Я прощаю тебя.

Теневой Эмери дернулся.

– Я прощаю тебя, Эмери, – повторила Сиони. – Я видела все, и я прошу у тебя прощения. И я не хотела, чтобы это случилось. – Она сморгнула слезы и подавила рыдание, просившееся на свободу из глубины горла. – Но я прощаю тебя. Теперь все в порядке.

Он пошевелился. В груди Сиони затеплился огонек надежды. Неужто она достучалась до Эмери? Она робко шагнула в его сторону.

Он зарычал и, схватив Сиони за руку выше локтя, швырнул ее на пол.

– У тебя нет власти и права прощать! – прогремел над ней низкий грубый голос.

– В таком случае прости себя сам! – выпалила она и попыталась встать, опершись ладонью о книжный шкаф. – У любого человека есть дурная сторона! И любой выбирает сам, возвращать ее или нет! Ты что, не понимаешь? Лира пестовала свою, но ты-то нет. Ты, Эмери Тейн, так не делал.

Он отпрянул от нее.

– Ты хороший человек! – воскликнула она, и ее голос раскатился от стен так же гулко, как и хохот Лир. – Я знакома с тобой меньше месяца, но увидела, какой ты хороший!

Теневой Эмери отступил к окну.

– Выслушай меня, – попросила она. – Давай уйдем – от ненависти, от гнева, от скорби. И отпусти меня. Я не смогу помочь тебе, если ты не выпустишь меня отсюда!

Кабинет полыхнул красным и розовым. Воздух сделался горячим и влажным. Все заполонило мерное «ПАМ-Пом-пуум». Сиони заморгала и обнаружила себя в камере сердца Эмери. Здесь было пусто и царила тишина, нарушаемая лишь еле заметным стуком.

Сиони посмотрела на останки разорванного Фенхеля, которые валялись у нее под ногами.

Опустившись на колени, она благоговейно собрала обрывки своего верного спутника, расправила помятые углы и старательно свернула их по первоначальным сгибам.

– Хороший мальчик, – шептала она, складывая бумажные частички

Фенхеля и набирая в легкие побольше воздуха, чтобы не разрыдаться. Она устала плакать, а, кроме того, ее мать говорила, что слезами горю не поможешь.

Убрав Фенхеля в сумку, Сиони извлекла оттуда кусок хлеба и проглотила его, почти не разжевывая. Она решила просто утихомирить голод, который терзал ее внутренности.

Потом она окинула взглядом «ковер» из пронизанной венами плоти, выстилавший клапан изнутри.

– Еще раз – до самого конца, – пообещала она себе. – А если там не окажется выхода на свободу, ты, по крайней мере, будешь знать, что все же попыталась. Пора, Сиони. Последняя попытка.

Глава 14

Она вслепую преодолела очередное препятствие. Ей пришлось отчаянно работать локтями и пробираться вперед, пока туннель сдавливал ее в тисках, словно громадный удав, обитающий в лондонском зоопарке. Но Сиони не останавливалась: еще во время столкновения с Теневым Эмери она сказала себе, что не будет мышью, и она не собиралась отказываться от принятого решения. Рыча сквозь зубы и оттолкнувшись напоследок ногой, она наконец достигла противоположной стенки клапана.

Как и третья камера, эта сразу же встретила ее видением, правда немного странным. Сиони очутилась не в комнате, не в саду и не в городе. У нее даже возникло ощущение, что это вовсе и не воспоминание. Она никогда прежде не видела такого пейзажа и смутно догадывалась, что он существует лишь в сердце Эмери.

Перед ней простиралась мили сухой бесплодной земли – то была не степь, не пустыня, но нечто иное. Бронзовая равнина раскинулась во все стороны, и ее не прорезали ни горы, ни реки, ни леса. Гладкую поверхность не нарушали ни травинка, ни бугорок. Она тянулась вплоть до линии горизонта, где встречалась с предрассветным сизым небом, обрамленным бледно-вишневой каймой. Казалось, что время здесь остановило свой ход – на безветренном небе не было ни белого облачка, ни яркой птицы, ни хотя бы семечка-крылатки.

Сиони не улавливала запахов цветов, пыли или сухой земли. Она не слышала ничего, кроме самое себя: ни шороха ползучих тварей, ни свистков, ни грома, ни стонов, ни угроз. Ни сетований, ни дождя. Ни *биения сердца*. Ее окутывала тишина. Бесконечная тишина бескрайней равнины.

Лишь одна-единственная деталь нарушала беспредельную протяженность этих мест. Весьма крупная деталь, которую в своих странствиях, конечно, не мог пропустить путешественник по сердцам.

Пропась. Гигантский зигзаг глубоко прорезал бесплодную равнину и проходил как раз слева от Сиони. Наверное, в той стороне и есть север, предположила Сиони. Что ж, данное направление ничем не хуже любого другого. Правда, над пропастью не было мостов, в нее не стекали речушки или ручьи, но все же...

Сиони осторожно, прощупывая на ходу почву, приблизилась к провалу. Он был заполнен песком оттенка предрассветного неба. Сиони почему-то

решила, что раньше пропасть была гораздо глубже, чем сейчас.

Сиони погрузилась в размышления, а на дно – откуда-то прямо из воздуха – упала крошечная горстка песка.

Сиони нагнулась и ощупала край гигантской трещины. Он не поддался под ее пальцами, хотя она пустила в дело ногти. Камень оставался нерушимым и твердым. А на дно пропасти упала вторая горсть, совершенно не изменившая ее глубины. Но Сиони знала, что рано или поздно любой провал можно засыпать. Для того чтобы вылечить чье-то сердце, нужно запастись терпением. А если времени достаточно, то можно исцелить и сердце Эмери, разбитое вдребезги.

Оно уже исцелилось наполовину.

– Я умираю, верно?

Сиони обернулась и увидела Эмери Тейна, одетого в свой безразмерный индиговый балахон. Он выглядел почти так же, как на приеме и в церкви, но был слишком... усталым. Плечи у него ссутулились, под глазами набухли черные круги. Он даже немного просвечивал, но Сиони не стала указывать ему на это.

Долька настоящего Эмери Тейна.

Теперь она сможет с ним общаться.

– Да, – ответила Сиони.

Он серьезно кивнул.

– Если вы поможете мне выбраться отсюда, то я смогу спасти вас, – добавила Сиони и выпрямилась. – Я пришла сюда, надеясь, что найду выход.

Взгляд Эмери обежал пространство.

– Она слишком сильна. Я никогда не мог остановить ее или прочих.

– Мы сможем, если будем действовать вместе, – заверила его Сиони, и пока она произносила эту фразу, ее осенило.

Сомнения, сказала она себе. Как во второй камере хранились надежды, здесь скопились сожаления Тейна. Сердцу требовалась тьма, чтобы уравновесить свет, сомнения, чтобы уравновесить мечты. Все тщательно сбалансировано, правда сейчас посередине застряла она сама.

– Но, Эмери, мне необходима ваша помощь. Я – только подмастерье, простой новичок...

– Хм-м-м, – протянул он, и Сиони не поняла, соглашается он или нет.

Бумажный маг посмотрел на вязаную сумку Сиони.

– Можно я взгляну на него? – спросил он.

Сиони недоуменно заморгала, а затем встrepенулась, аккуратно вынула изувеченного Фенхеля из сумки и протянула Эмери.

Эмери осмотрел обрывки и хмуро сжал губы. Потом молча протянул руку. Сиони на миг опешила, но вновь полезла в сумку и достала несколько листов бумаги, испытывая знакомое покалывание в кончиках пальцев.

Маг сноровисто принялся за работу. Освободив от бирюзового ошейника смятую шею Фенхеля, он начал восстанавливать Складки и соединять обрывки. Сиони вручила ему второй, а потом и третий лист бумаги. Скрестив руки на груди, она наблюдала, как Эмери заново делал Фенхелю голову, в точности повторяя прежние бумажные формы.

Через несколько минут Эмери дал неподвижного песика Сиони.

– Дыши, – шепнула она.

Фенхель встряхнулся и беспокойно задергался в ладонях Сиони. Она рассмеялась и прижала его к груди. Фенхель лизнул ее в щеку раз, другой – и возобновил попытки освободиться.

Сиони поставила его на землю, и песик, замотав хвостом, принялся носиться кругами вокруг нее.

– Спасибо, – сказала Сиони, растерянно улыбаясь и вытирая глаза. – Спасибо.

Тейн кивнул, сдержанно принимая благодарность, и опять обвел взглядом бескрайний простор до розового горизонта. Пропasti, которая лежала позади него, он, похоже, не замечал.

– Вы можете погибнуть, – произнес он. – И если так случится, виноват буду я.

– Это я учитываю, – проговорила Сиони. – И спасти вас я отправилась по собственной инициативе.

– Однако она вас и подвела, – ответил он, обводя жестом лежавшую перед ними пустоту.

Сиони на мгновение задумалась.

– Эмери, – тихо окликнула она Тейна.

Он посмотрел на нее.

– Я думаю, вы способны разбить заклинание, которое держит меня здесь, – вымолвила она, помявшись в нерешительности. – Но это же ваше сердце, верно? И у вас на него куда больше прав, чем у кого-либо другого, особенно у Лиры. Иначе разве вы могли бы со мной сейчас разговаривать?

Она уловила чуть заметное движение его губ – практически улыбку, – но дух сомнения, отяжеляющий атмосферу, так и не дал ей сформироваться.

Тейн ничего не ответил, и Сиони спросила:

– Вы можете... разглядеть его? Заклинание. Как оно работает?

– Нет, – поговорил он. – Но я чувствую его. Полагаю, я мог бы

разрушить его, хотя это и будет... утомительно.

– Утомительно? – переспросила Сиони, сразу вспомнив о собственной усталости. – А такая работа не... повредит вам?

И вновь она заметила на его лице слабый намек на улыбку. Нынешний вариант Эмери Тейна больше походил на настоящего, чем остальные, если не считать чрезмерного пессимизма.

– Пожалуй, я справлюсь.

Сиони поманила к себе Фенхеля. Она ощущала себя легкой, как перышко. Ее переполняла энергия, как будто и не побывала в соседней камере.

Наверное, ее собственная сердечная камера решила запечатлеть именно эти краткие мгновения, чтобы не только сейчас, но и в будущем питать Сиони надеждой.

И она, Сиони, тоже справится!

– Покажите мне какие-нибудь заклинания! – воскликнула она. – Что угодно, что могло бы помочь, но не отняло бы много времени. Вы научили меня многому, но...

– Но мало что годится против Потрошителей, – кивнул маг. – К сожалению, они почти непобедимы.

Эмери задумался, почесывая подбородок.

– Сколько бумаги у вас осталось?

Она вытащила из сумки весьма уменьшившуюся стопку и вручила ему.

Тейн осмотрел бумагу, пересчитал листы и вздохнул, уставившись перед собой.

– Мне придется показать кое-что такое, чему я вовсе не намеревался вас учить.

– Но при нынешних обстоятельствах... – вставила Сиони.

Уголки его рта поползли вверх.

– Вы правы. А когда ситуация изменится к лучшему, мы притворимся, что давно все позабыли... если, конечно, кто-то из нас отсюда выберется.

– Мы оба выберемся, – ухмыльнувшись, заверила его Сиони. – Я точно знаю. У меня есть кое-какие идеи, но я не уверена, что они сработают.

Она расправила подол грязной юбки, опустилась на колени и положила стопку прямо наземь. Испачканная бумага сгодится ничуть не хуже чистой, кроме того, стола в ее распоряжении не имелось.

Эмери внимательно смотрел на нее, и в его глазах не было обычного блеска. Однако теперь Сиони могла читать по его лицу, как по раскрытой книге. Она поняла, что Тейн испытывает любопытство. Пусть и смешанное с сомнением, но любопытство.

– Почему вы делаете все это? – осведомился он.

Сиони застыла, положив руку на стопку бумаги. Фенхель толкнул ее носом под локоть.

– Делаю что? – уточнила она.

Он жестом обвел раскинувшуюся вокруг безжизненную пустыню.

– Я имею в виду все ваши поступки. Что сподвигло вас зайти так далеко? Почему вы собираетесь меня спасти?

Она почувствовала, что ее щеки разгораются, и отвела взгляд, неловко поглаживая бумажного Фенхеля. Задумалась и решила: если признается частичке настоящего Эмери Тейна, то особого вреда не будет. Сиони ни за что не решилась бы сказать эти слова самому магу, но осознание того, что человек, с которым она говорит, лишь фантом, порожденный страдающим сердцем, придало ей смелости.

– Мне кажется, что я люблю вас, – прошептала она, и ее щеки вспыхнули алым, как вишневый восход, цветом. – Я знаю вас совсем недавно, но после всего... – Она замялась, вскинула взгляд к горизонту, где земля встречалась с небом. – У меня возникло чувство, что я знаю вас вечно. Даже не представляю, много ли женщин могут поручиться в том, что изучили сердце мужчины, но я-то прошла ваше сердце, Эмери Тейн, вдоль и поперек. И мне нравится Фенхель.

Выражение его лица не изменилось, разве что губы опять пошевелились, изобразив нечто, напоминающее улыбку, а потом сложились в ровную четкую линию.

– Ладно... – произнес Эмери, опускаясь на колени и закатывая мешковатые рукава синего балахона.

Это был не совсем тот ответ, на который Сиони рассчитывала, но она подумала, что для начала и такой сойдет.

– Начнем с наиболее сложного, – продолжал он, – с того, чему мне не следовало бы вас учить, – добавил он.

Сиони склонила голову, а он взял прямоугольный лист цвета морской волны.

Они встретились взглядами.

– Сиони, что произойдет, если бумага будет очень быстро вибрировать?

– Нечто такое, чего мне не положено знать, – проговорила она.

– Совершенно верно, – подтвердил Эмери. – Но позвольте мне сперва объяснить...

Глава 15

Сиони с трудом запихнула последнее бумажное заклинание в сумку, стараясь не нарушать образовавшегося внутри управляемого хаоса. Именно такой хаос и предполагает, что у каждого из множества необходимых предметов имеется свое строго отведенное ему место. Теперь Сиони гораздо лучше понимала метод, которым руководствовался Эмери, расставляя вещи у себя дома.

Они с Эмери использовали не все листы бумаги, хотя и большую их часть, поэтому сумка, висевшая у Сиони на бедре, заметно раздулась от сотен сложных Складок.

Веснушчатые руки Сиони пробежались по щиту-цепи, обхватывавшему ее грудь, ощупывая каждое звено – в порядке ли. Проверив цепь дважды, она свистнула и щелкнула пальцами, подзывая Фенхеля.

Эмери шагнул в сторону, пропуская бумажную собачку. Умело сделанные лапы Фенхеля оставляли на тонком слое пыли, покрывавшем сухую землю, четырехпалые отпечатки, которые, правда, исчезали столь же быстро, как и возникали.

– Фенхель, мне надо свернуть тебя, – произнесла Сиони. Фенхель заскулил, и она добавила: – Не хочу, чтобы ты снова пострадал, а снаружи мокро. Это будет ненадолго.

– Вы так думаете? – спросил Эмери, в очередной раз оглядывая пространство и насупившись.

Сиони ласково улыбнулась ему и скомандовала Фенхелю:

– Прекратись!

Фенхель замер, и она осторожно свернула бумажного песика.

– Ваша сомневающаяся ипостась не очень сильна, – сказала Сиони. – Вам следует обрести уверенность.

Эмери промолчал.

Упаковав Фенхеля на самое дно сумки, Сиони вздохнула.

– А у меня то же самое должно выглядеть совсем по-другому, – пробормотала она. – Со скалами и бурными реками или с дорогами, которые делают неожиданные повороты. Может, там даже львы водятся. В своей жизни мне приходилось часто сомневаться.

В том числе и в тебе.

– Но без разломов, – уточнил Эмери.

Сиони оглянулась через плечо на шрам, разрезающий землю, и подумала, много ли песка насыпалось в бездну за время их скоропалительного магического урока.

– Трещин полно, а пропастей и впрямь нет, – согласилась она.

И, наверное, все зависит от того, как обернутся нынешние дела.

Она поднялась, отряхнула юбку – какой, спрашивается, от этого мог быть прок? – нервно ощупала цепь-щит и проверила, хорошо ли держится ляпка сумки.

Сиони уже запомнила количество магических предметов, а также их местоположение, чтобы при необходимости мигом достать то, что понадобится.

– Желаю удачи, – пробурчал Эмери.

– Спасибо, – ответила она. – Но как вы...

Сиони повернулась к нему, но увидела пустынное пространство за пропастью в предутреннем освещении. Бумажный маг – по крайней мере, данная ипостась Эмери – как в воду канул.

Едва она успела осознать, что Эмери исчез, как землю сильно тряхнуло. Сиони попыталась найти какую-нибудь опору, но, разумеется, на голой равнине ничего не обнаружилось.

Подземные толчки продолжались, и теперь все вокруг подскакивало, словно Сиони принимала участие в диком родео. Она успела вильнуть в сторону от эпицентра катаклизма, но ее тут же швырнуло на колени, и она рассекла тыльную сторону ладони о каменистую землю – та плавилась, обнажая скрытую под сухой коркой темно-красную плоть.

Видение понемногу развеивалось. Небо рассыпалось, как разбитое стекло. «ПАМ-Пом-пуум» гремело так, что эхом отдавалось в легких Сиони. Пульс ускорился, и вскоре видение полностью растворилось.

Стены сердца Эмери подергивались, по ним пробегала мелкая рябь. Биение сделалось неровным, и Сиони непроизвольно стала дышать чаще. Что-то здесь не так, решила Сиони. Если сердце Эмери навредило себе, стараясь выпустить ее нуружу...

Она похолодела. Мир без Эмери Тейна. Еще месяц назад она могла существовать без него, но вернуться к этому теперь... От одной мысли Сиони стало дурно. Она подкосила ее.

Реки крови, протекавшие вдоль стенок камеры, быстро наполнялись и ускоряли течение. Воздух сделался гуще и жарче, будто Сиони в кухне наклонилась над кастрюлей с кипятком. Сердце извернулось так, потом этак, и Сиони потеряла равновесие.

Она упала на бок, под левой щекой у нее оказалась грубая влажная

галька. Вокруг, касаясь одежды и кожи, веял сырой прохладный ветерок. Привкус соли. Неподалеку раздавался мерный плеск воды – волны разбивались о камни.

Сквозь горловину черной пещеры сочился блеклый солнечный свет. Резкие крики чаек заставили Сиони спохватиться.

Она очутилась на свободе.

– Получилось, – прошептала Сиони, вскакивая на ноги и посмотрев на нишу, где в лужице заколдованной крови билось сердце Эмери. Да, оно до сих пор билось, но гораздо слабее, чем прежде. Впрочем, Сиони еще могла его спасти – если она поторопится.

Она надеялась успеть.

Ее взгляд метнулся к горловине пещеры. Раннее утро. Но сколько прошло ночей – две, три?.. Усталость пронизывала мышцы Сиони, туманила ее зрение и мозг.

Сиони не могла сказать, сколько часов она находилась в сердце Эмери Тейна.

Она сглотнула, впервые осознав, что буквально умирает от жажды.

К сердцу она приблизилась, как жрица к алтарю. Потребуется ли ему заколдованная кровь, окруженная золотым свечением, чтобы пережить путешествие в Лондон? В руке Лиры после того, как та вырвала его из груди Эмери, оно билось без заклинаний – во всяком случае, так показалось Сиони.

Хотя, надо признать, ей было ничего не известно о том, как работают сердца магов, и почти ничего – о Потрошении.

Ей требовалось нечто особенное – какой-нибудь специальный контейнер для перевозки, что ли... Уж тогда бы она сумела в целости и сохранности доставить сердце Эмери в Лондон!

Пока Сиони мысленно перебирала в уме имевшиеся у нее возможности, соленый воздух вдруг начал обжигать ей ноздри. Белесые волоски на ее затылке встали дыбом. Облизнув губы, Сиони развернулась на месте и увидела Лиру. Темные волосы Потрошительницы безукоризненными волнами ниспадали на ее узкие плечи, кофейные глаза сощурились и приняли миндалевидную форму, алые губы кривились в ухмылке.

Напрягшись, чтобы у нее не затрясся подбородок, Сиони шагнула в сторону от каменной ниши, где покоилось сердце Бумажного мага. Нельзя допустить, чтобы заклинание Лиры ударило по нему и уничтожило его – вместо Сиони!

Ничего, она как-нибудь выкрутится. Она сбережет сердце Эмери и,

разумеется, не позволит, чтобы оно пострадало от женщины, которая так плохо обращалась с ним.

Если Потрошительница изумилась при виде Сиони, то виду она не подала. Ее бледная кожа вспыхнула нежным румянцем от гнева, а может, и от ненависти. Сиони не могла утверждать наверняка – никогда прежде ей не приходилось встречаться со столь сильной антипатией. Такого размаха – уж точно.

Сиони сразу попыталась перехватить инициативу.

– Уходи отсюда, Лира, – сказала она, вытянувшись в струнку и жалея, что ее рост не превышает пяти футов и трех дюймов. – Ты хотела сбежать? Вот и беги, пока у тебя есть шанс.

Лира улыбнулась и стала похожа на полудикую кошку.

– Но сначала заберу с собою два сердца. Грат будет очень рад подарку, а уж твое сердечко приведет его в восторг, – промурлыкала Потрошительница.

Лира вскинула окровавленную руку – Сиони не могла определить, была ли на ней ее собственная или чужая кровь, – и одновременно вверх взмыли три пары оторванных, но еще живых культей. Сиони поежилась – она не заметила их на неровном полу пещеры!

Гортань Сиони непроизвольно сжалась, напомнив о синяках, которые совсем недавно оставила на ее шее точно такая же отрубленная рука. Сиони парализовало от ужаса, но тихий стук сердца Эмери вернул ее к действительности. Заставил двигаться.

Она рывком открыла сумку – и в то же самое мгновение рука Лире по-змеиному дернулась вперед и оросила стену пещеры мелкими каплями холодной крови. Полумертвые культы с раскоряченными распухшими пальцами, словно хищные птицы, устремились к Сиони на невидимых крыльях.

Крыльях.

Птицы!

Сиони схватила Сложенных бумажных птиц и вытащила их из своей вязаной сумки.

– Дышите! – прошептала она и добавила, указывая на врагов: – Атакуйте их!

Две птицы бессильно шлепнулись на пол пещеры – похоже, они изрядно помялись! Вероятно, Сиони придавила их, когда упала на сумку, покидая сердце Эмери. Сиони запаниковала, но журавли услышали ее команду, взмыли вверх и закружили над своей хозяйкой. Их было семь – оранжевый, желтый, кирпичный, три белоснежных и серый. Звуки

быстрого хлопанья крыльев разнеслись по пещере. Изыщные шеи вытянулись, кубические туловища распрямились: журавли приготовились атаковать жуткую армию Лиры-Потрошительницы. Сиони почти как наяву услышала, как птицы дружно издали беззвучный боевой клич и самоотверженно ринулись на врагов.

Каждый журавль выбрал себе противника, но затем двое изменили тактику. Бумажные птицы заложили в воздухе крутой вираж и врезались в крупную полусгнившую пятерню – одна целилась в большой, а другая в безымянный пальцы. Ногти впились в журавлиные шеи, но руки не выдержали натиска – как и в тюрьме, они повалились наземь, прямо возле ног Сиони.

Мысли путались у Сиони в голове. От адреналина, хлынувшего в кровь, она ощутила небывалый подъем. Нужно было выбраться из пещеры: сердце Эмери находилось в опасной близости от сражения. Однако Лира загораживала выход и готовила следующее заклинание.

Сиони напряглась. Надо действовать исходя из инструкций Эмери, которые он дал ей совсем недавно!

«Сосредоточьтесь на цели, – голос Эмери прозвучал в ее мозгу, и она буквально увидела Бумажного мага воочию. – Почувствуйте ее в своем сознании, как простые иллюзии из книг. Если сможете, то звезды попадут куда нужно».

Сиони извлекла из сумки пять туго сложенных четырехконечных звезд. Подобное оружие было и у Бумажного мага во время его похода в пакгауз.

Они и Эмери сложили их так прочно, что они не помялись даже после злосчастного падения Сиони.

Девушка впилась взглядом в шевелящиеся губы и окровавленные руки Лиры, метнула звезды и рванулась к горловине пещеры.

Бумажные звезды закрутились в воздухе, как детские вертушки, подхваченные летним предгрозовым шквалом. Сиони не стала наблюдать за тем, нашли ли они свою цель. Это было ясно из того, как Лира яростно вскрикнула.

Утреннее солнце, лившее рассеянный свет сквозь тонкие облачка, обожгло пересохшую кожу Сиони и вспыхнуло на шире океана. Волны бились о черные неприступные скалы. Бездонный, голодный океан буйствовал...

Едва Сиони выбежала на неровный берег, как ее обдало ледяными брызгами. Плеть темно-янтарной ламинарии захлестнула ее за ногу, но тотчас развернулась, как будто поняла, что Сиони торопится и ей не нужно

мешать.

Она успела сделать лишь пару шагов, когда ее окутала потрескивающая лента кровавого тумана. Щит, обхватывавший торс Сиони, отвердел. Пузырящуюся кровь отнесло от тела Сиони и впечатало в мокрую гальку, образовав на камнях след наподобие паутины.

Заклинание разрушилось!

Сиони ощутила во рту металлический привкус и сглотнула.

Лира поморщилась и вынула из-за пояса брюк крошечный флакон с кровью. Судя по всему, запасы вооружения у нее подходили к концу.

– Ярмарочные фокусы! – ухмыльнулась Лира и скорчила гримасу. – Или ты действительно веришь, что меня можно остановить бумажной цепочкой?

Вскрыв флакон своими острыми ногтями, Лира вылила его содержимое себе на ладонь. Кровь забурлила и заструилась вниз, капая в лужицы соленой воды, собравшиеся между прибрежными валунами.

– Уже три раза получилось! – возразила Сиони, делая шаг назад и не сводя с Потрошительницы пристального взгляда. – Уже кое-что!

Лира ответила поистине очаровательной улыбкой, и Сиони на мгновение увидела, чем Потрошительница сумела привлечь к себе Эмери. Но вскоре мягкое выражение лица Леры исчезло – брови женщины сдвинулись, лоб наморщился, ноздри раздулись. Она что-то проговорила на странном и страшном языке и взмахнула окровавленной рукой, словно вознамерилась швырнуть в Сиони крикетный мяч.

Сиони принялась шарить в сумке. Она отразит выпад Леры!

Удар пришелся со спины.

Волны, пронизанные красными жилами, налетели на нее подобно слепящему снежному вихрю и чуть не сбили с ног. Запоздалая вспышка тревоги, как ожог, пронзила Сиони от живота до темени. Она бросилась прочь, чтобы волна не утащила ее в океан, но вода уже совершила свое дело – промочила Сиони до нитки.

Сиони поняла, что сила покидает ее щит. Два звена, находившиеся у нее между лопатками, распались, и цепь кучкой размокшей бумаги упала на берег.

Сиони показалось, что волна напрочь вымыла и ее собственную кровь. Она лихорадочно рылась в сумке побелевшими дрожащими пальцами, выкидывая одну за другой бумажные фигурки с погибшими заклинаниями. Рыба, сложный шар для отвлечения внимания. Его Сложил Эмери, пока Сиони мастерила метательные звезды. Шар должен был воздействовать на Лиру, когда та...

Неожиданно Сиони нащупала симметричные ромбы, которые соседствовали рядом с Фенхелем. Они были сухими, как и Фенхель – их спасли фигурки погибших заклинаний, лежащие сверху. Тонкая пачка бумаги, которая, слава богу, осталась неиспользованной, тоже предохранила ромбы от воды.

Слабый зуд в пальцах сообщил Сиони, что находка не потеряла свой магический запал.

Сиони начала выкидывать из сумки размокшие заклинания, хотя Лира не давала ей передышки. Потрошительница неумолимо приближалась к ней, словно кошка, подкрадывающаяся к кузнечiku. А Сиони пятилась, стараясь ни на секунду не отводить взгляда от Потрошительницы и ее окровавленных рук. Кожа Сиони отчаянно чесалась, а к горлу подступил ком.

Лучше бы ей вновь оказаться в сумрачном сердце Эмери, чем быть здесь безоружной. Но бежать было нельзя. Да и поздно. Нельзя было ни с чем вернуться к Эмери – умирающему, лишенному сердца.

– Ты ведь слабая, как и он, – ухмыльнулась Лира. – Ты абсолютно бесполезна. Как и все Складыватели. У Эмери никогда не было настоящей магической силы, а у тебя и подавно.

Сиони резко остановилась. Хватит играть роль мышки или кузнечика! Она подтверже встала на черные камни. Пусть у нее и нет бумажного отвлекающего шара, но она сможет перехитрить Лиру иным способом.

– В ту ночь, когда Эмери спрятал тебя, он подписал документы о разводе, – заявила Сиони, постаравшись придать своему лицу самодовольное выражение, которого она терпеть не могла у других, к примеру у Леры.

Глаза Потрошительницы превратились в узкие щели. Лиру явно переполняло бешенство, однако она сдерживала себя.

– Ты не очень-то и справлялась с ситуацией. Ты сплеховала, – добавила Сиони.

Теперь у Леры слегка дернулась левая бровь, и Сиони это заметила. Лира продолжала наступление. Сиони упрямо стояла на месте и пыталась игнорировать холодный пот, обильно выступивший у нее на спине.

– Кстати, тебя вообще нет в его сердце, – проговорила она. – По крайней мере, такой, как ты сейчас, там днем с огнем не сыщешь! Разве что в тюрьме. Ты же сама это знаешь, верно, а, Лира?

Лира застыла шагах в восьми или девяти от Сиони. Сейчас она напомнила Сиони змею – свернувшуюся гадюку, готовую кинуться и ужалить. Сиони глубоко оскорбила тщеславие адепки запретной магии

плоти... но возможно, что где-то в темных, пустых камерах своего сердца Лира все еще хранила привязанность к Эмери.

Нет. Конечно же, нет. Женщина, испытывающая истинную *привязанность* к мужчине, не будет вырывать сердце у своего любимого. А для Леры сердце Эмери было обычным трофеем, сувениром. Собственностью. Она намеревалась извращенным способом отомстить Эмери за то, что он хотел изловить ее – свою вероломную жену – и ее приспешников. Пусть Эмери и любил Лиру в прошлом – теперь все перевернулось. Он стал ее проклятием. Нависшей над ней карой. Непрерывно грозящим ей бичом.

И она ненавидела его за это.

Молниеносным движением Лира выхватила из-за пояса длинный кинжал и яростно отбросила ножны в сторону. Держа руку с ножом полусогнутой, так, что она походила на сломанное соколиное крыло, Лира бросилась на Сиони. То был обманный маневр – Лира атаковала не оружием, а своей плотью, покрытой алой пленкой крови.

«Патрисия, не забывайте, что Потрошители очень непростой народ, – говорил мг. Хьюз. – Они чрезвычайно опасны, и любой из них может с легкостью пропустить смертоносный разряд через тело жертвы с помощью одного-единственного прикосновения. Такова темная магия!»

Сиони метнулась вправо. Ее нога застряла между валунами, и Сиони упала ничком. Взмах руки Леры пришелся как раз туда, где только что находилась голова Сиони. Но Сиони, повинаясь инстинкту, выдернула ногу из застрявшей туфли. Острая галька поранила ей ногу, пропоров насквозь грязный и промокший чулок. Но Лира не оставила ей времени, чтобы переживать из-за таких мелочей.

Лира крутанулась на месте, и лезвие кинжала рассекло воздух. Сиони подалась назад и еле-еле уклонилась от острия, свистнувшего рядом с ее грудью. Затем решительно прыгнула в лужу (та собралась в лунке между зубастыми камнями) и вытащила из сумки бумажного голубка.

Складки распались у нее на ладони. Как же ей напакостил океан!

Лира стремительно приближалась. Сиони взвизгнула, перебралась повыше, вновь увернувшись от Потрошительницы, которая жаждала наложить на нее смертоносные чары, и принялась рыться в сумке. В конце концов она нашла подходящее заклинание.

– Дыши! – приказала Сиони летучей мыши, и та взлетела вверх на широких крыльях – каждое было аккуратно сложено из двух листов.

Мыши не потребовалось иных указаний, возможно, она чувствовала

окружающую среду, как и Фенхель. И она спикировала на Лиру – прямо на ее нос.

Пальцы Сиони нащупали опутывающую цепь, сплетенную из двух прядей V-образных звеньев. Это было очередное заклинание из тех, что Эмери Тейн продемонстрировал ей в камере сердечных сомнений.

Сиони обернулась, и прилипшие к шее волосы разметались, приняв форму веера.

Лира поймала летучую мышь в полете и смяла ей крыло.

– Путай! – приказала Сиони цепи.

Как акула в морских глубинах, та вырвалась из руки Сиони и понеслась к Лире...

...А Потрошительница взмахнула кинжалом и перерубила ее пополам. Бумажные звенья упали на гальку, как рыбины, вынутые из воды.

– Я права, – произнесла почти не запыхавшаяся Лира. – Магической силой здесь и не пахнет.

Она картинно вынула из-за пояса последний флакон с кровью и швырнула его себе под ноги. Лиру окутал вихрь алого тумана – такое же заклинание она использовала, чтобы покинуть столовую, когда похитила сердце Эмери.

Но сейчас она никуда не исчезла, а возникла на расстоянии фута – как раз перед Сиони.

Выдох застрял у Сиони в горле, словно воздух внезапно обзавелся когтями и вонзил их в нежные стенки гортани. Сиони полезла в сумку за ромбом, последним из оставшихся у нее заклинаний...

Лира вцепилась Сиони в локоть и поднесла острие кинжала вплотную к подбородку Сиони.

Лира усмехалась во весь рот.

Не обращая внимания на нож, Сиони отчаянно оттолкнула Лиру и, не чувствуя усталости, вытащила из сумки простенький бумажный ромб.

«Сиони, что произойдет, если бумага будет очень быстро вибрировать?»

Лира зарычала, всем телом врезалась в Сиони и увлекла ее к валунам, изъеденным ветрами и соленой водой. Рука Лирy схватила Сиони за шею. Острие кинжала уткнулось ей в ребра. От Лирy пахло кровью и старыми позеленевшими монетами.

Лира принялась заклинять, и Сиони стало тепло. А потом жарко и душно. Похоже, древнее заклинание Лирy должно было спалить саму душу Сиони дотла.

Неужели Сиони проиграла? Она держала в руке сотворенное Эмери

заклинание, но не могла даже пошевелиться.

Но воспользоваться им необходимо! Здесь. Сейчас.

– Взорвись! – шепнула Сиони, выпуская бумагу.

Ромб задрожал, завибрировал и, зажужжав, как летящий шершень, лениво опустился на гальку.

Жужжание сделалось еще громче, выше тоном и превратилось в писк...

Сложенный ромб лопнул, выбросив кучу искр и язык пламени, как взорвался бы пистолет с заткнутым дулом.

Сиони отбросило в сторону. Камни изранили ее и порвали ей одежду. Она ушибла локоть и бедро, во рту явственно ощущался привкус пепла.

На продолжении нескольких ударов сердца все казалось ослепительным, как утреннее солнце. Постепенно она начала различать цвета, очертания и тени, а в ушах высоко зазвенела какая-то нота, не желающий умолкать камертон.

Сиони с трудом села. Мышцы ныли, бедро отказывалось ей подчиняться. Каменистый берег ходил ходуном. Виски вздрагивали вместе с биением сердца: «ПАМ-Пом-пуум».

Эмери.

На другом конце каменистой площадки – где пенились волны, ругалась и ползала на четвереньках Лира-Потрошительница. К ее щекам прилипли эбеново-черные локоны.

Сиони схватилась за скальный выступ и заставила себя встать. Мир качался и кружился перед глазами. В ее голове непрерывно звенела та же нота – кажется, си-бемоль.

Нужно действовать. Лира успела прикоснуться к ней – теперь Потрошительнице надо лишь прийти в себя, и она продолжит заклинание, которое прервал взрыв.

Возле Сиони лежали наполовину промокшие листы, выпавшие из сумки. Кинжал Леры валялся ровно посередине между противницами, его рукоять броско выделялась на пятне лишайника. Над океаном с криком носились перепуганные чайки.

Не обращая внимания на рябь перед глазами, Сиони помчалась к оружию. Лира с перекошенным лицом тоже поднялась на ноги и кинулась ей навстречу.

Две руки почти одновременно протянулись к ножу.

Сиони опередила Лиру на четверть секунды.

Подняв увесистый кинжал, Сиони испустила нечленораздельный вопль, вскинула оружие и неловко описала им дугу в воздухе. Странно, но

она почувствовала легкое сопротивление, которого, впрочем, было недостаточно, чтобы ее остановить. Острое лезвие блеснуло...

...И Лира вскрикнула.

Камни окрасились в красный цвет. Лира, шатаясь, отступила и прижала ладони к лицу, пытаясь сдержать кровь, хлынувшую из разрезанной щеки и рассеченного глаза.

Сиони выронила кинжал: желудок у нее внезапно завязался в тугой узел. Лира снова закричала и тыльной стороной ладони ударила Сиони в челюсть.

Сиони упала, успев опереться рукой о мокрые камни. Лира рухнула на колени: она ругалась и что-то шипела сквозь зубы. Затем безуспешно попыталась произнести исцеляющее заклинание. Пока Лира запинаясь при каждом слове, Сиони смогла осмотреться по сторонам. Кровь была уже повсюду – она окрашивала соленые лужицы и ручейки, оставшиеся после прилива, обагрила лишайники, гальку и смятые бумажные листы-заклинания.

Бумага! Сырая и рваная бумага, пропитанная густой алой жидкостью.

Сиони неловко потянулась к листу, который показался ей посуше. Кровь Леры нехотя впитывалась в тонкие края.

Совершенно бесстрастно и как-то автоматически Сиони прикоснулась к крови – телесным чернилам – своим указательным пальцем. Ее сознание не принимало ни в чем участия – спасительная идея попросту вынырнула из глубин ее памяти, как ностальгическое воспоминание, которое наконец пришло ей на помощь.

Сиони не сомневалась, что все сработает.

Она написала одиннадцать букв и прочла их дрожащим, но звонким голосом:

– Лира, застынь.

И случилось чудо.

Сиони ошеломленно смотрела на неподвижную Лиру, прижимающую руки к своему изуродованному лицу.

Ледяные язычки взбегали вверх по ногам Потрошительницы и ее сгорбленной спине. Стоны и проклятия умолкли, губы остались полураскрытыми на вдохе. Пряди угольно-черных волос вздыбились, неподвластные земному притяжению, словно кто-то намазал их мгновенно застывшим клеем.

Сиони разинула рот и взглянула на свежее заклинание. Она-то считала, что сотворила иллюзию вроде картинки из «Дерзкого бегства Пипа». Но нет! Все это не было выдумкой. Или, вернее сказать, это было ее

собственной выдумкой. И вовсе не иллюзией.

Сиони уставилась на свой указательный палец, измазанный в крови, но ее мысли – ее способность к сознательному действию – оставались где-то вдали от нее. Она склонилась над листом, что-то на нем написала и прочитала вслух:

– ...и никогда больше не двигайся.

Лира превратилась в изваяние.

Сиони поднялась на ноги, оставив окровавленную бумагу лежать на камнях. Маленький водоворот плеснул на лист, как будто желая растворить заклинание в океане. Сиони отошла от Лиры и заметила, что на волнах плещется продолговатый темный предмет. Он приближался, и Сиони могла даже не прищуриваться, чтобы хорошенько его рассмотреть.

К берегу плыла лодка. А в ней находились два человека. Один греб, весла синхронно вспенивали воду по бокам от лодки. Второй сидел около руля и следил за курсом.

Сиони вспомнила об изувеченной чайке, которую встретила, когда прибыла сюда, и остолбенела. Несчастную птицу послали за кем-то, возможно, за этой парочкой.

Что же теперь делать?

Сиони поехала, вышла из ступора и направилась к пещере. Душа требовала бежать, но тело отказывалось подчиняться. Оно не было разбито, лишь чувствовало себя разбитым. Измотанным. Отстраненным.

Сиони доковыляла до входа в пещеру и вошла внутрь. Приложила руку к шероховатым камням и принялась вести пальцами вдоль стены – вплоть до той ниши, где лежало живое сердце Эмери.

В сумке Сиони не было ничего, кроме останков Фенхеля. Сиони чуть слышно заговорила с песиком: она благодарила его и обещала обязательно его восстановить.

Она осторожно оторвала несколько клочков бумаги, стараясь не повредить хрупкое туловище Фенхеля. Преодолевая усталость, Сиони Сложила цепь жизненных сил как раз такой длины, чтобы та могла обвить сердце взрослого человека.

Сиони выскользнула из пещеры и вскарабкалась на скалу лишь немногим раньше того, как лодка причалила к берегу.

Назад она уже не оглядывалась.

Огромный бумажный голубок находился на том самом месте, где Сиони его и оставила. Она оседлала его и сразу полетела в Лондон. Сердце Эмери было спрятано у нее на груди – там, где билось ее собственное.

Глава 16

Скорчившись под напором ветра, который немилосердно хлестал ее по щекам, Сиони мысленно вернулась в дом Эмери. В свой дом. А вдруг за время ее отсутствия Эмери умер? Может, она слишком долго возилась? Способно ли обретенное сердце оживить бездыханное тело?

Сиони посмотрела на свои заледеневшие пальцы.

Сердце Эмери уже утратило значительную часть своей энергии после того, как Сиони вынула его из лужи с заколдованной кровью. Сейчас она трепыхалось слабо, как воробышек.

Но время у нее еще было! Не может быть, чтобы она опоздала! Истории, подобные той, что случилась с ней, не имеют права заканчиваться плохо!

Магичка Эйвиоски, Хьюз и Кэттер наверняка заметили ее отсутствие, но Сиони поняла, что ее вообще не тревожат кары, которыми ей будут угрожать. Какое ей дело до претензий преподавателей! Она не сожалела о принятом решении и не будет жалеть, даже если окажется, что кое-как сляпанное ею бумажное сердце не смогло избавить Эмери от худшей участи. Она лишь молилась, чтобы ее Складывание выдержало.

По крайней мере, маги оставили открытым люк в крыше дома Эмери. Голубок притормозил на лету и изящно сел на пол просторного зала, не дожидаясь команды от Сиони. Жилище хозяина было хорошо ему знакомо.

Сиони оторвала онемевшие пальцы от опор и потерла их о юбку, чтобы вернуть подвижность фалангам. В голове у нее гулял ветер, но не в том смысле, что она погрузилась в мечты. Просто там было совершенно пусто.

Половицы заскрипели у нее под ногами. Вязаная сумка болталась на боку, как сломанный часовой маятник, а самой Сиони казалось, что она тоже сделана из бумаги. Спускаясь на второй этаж, Сиони одной рукой держалась за стену, а другой прижимала к груди сердце Эмери – коротенькая цепочка жизненных сил на нем уже окрасилась красным. Свою туфлю Сиони потеряла на берегу и не стала искать – она не хотела задерживаться на мокром галечном пляже ни на минуту.

Замерзшая ушибленная ступня ныла при каждом шаге.

Сиони взглянула на спальню Эмери – дверь распахнута настежь, на кровати – никого нет. Значит, они не решились перенести его. Он внизу и наверняка жив. Ждет ее. Не могли же его похоронить, пока ее не было в

Лондоне.

Она отсутствовала не очень долго.

А так ли это?

Сиони плелась мимо библиотеки, миновала ванную, туалет, увидела свою спальню... Опять оперлась о стену и начала спускаться на первый этаж.

Мг. Эйвиоски подбежала к лестнице.

– Сиони Твилл! – воскликнула она с горячностью изволновавшейся матери, суровостью главного наставника школы и облегчением, которое испытывает фермер, ощущая на своей коже капли первого весеннего дождя.

Впрочем, глаза у магички тут же сделались размером с обеденные тарелки. Похоже, Сиони паршиво выглядела.

Мг. Эйвиоски побледнела и кинулась вверх по ступенькам, но возглас Сиони заставил ее остановиться.

– Я не пострадала, – заявила Сиони.

Она сказала почти чистую правду. Кровь, запекшаяся на ее блузке, принадлежала не ей.

Сиони бережно вынула из-за пазухи сердце Эмери. Мг. Эйвиоски зажала рот руками.

– Не может этого... – прошептала она сквозь ладони.

Сиони преодолела восемь ступенек, протиснулась мимо мг. Эйвиоски, которая не попыталась задержать ее. У Сиони не оставалось энергии на споры. К счастью, мг. Хьюз и мг. Кэттер вроде бы убрались восвояси.

При виде Эмери, настоящего Эмери, лежащего на импровизированном ложе в столовой, ее сердце лихорадочно забилося. Он даже не сменил позу. Его кожа посерела. Губы сделались почти фиолетовыми. Глаза ввалились.

Но он не умер. Бумажное сердце, которое Сложила Сиони, еще билось в его груди.

Мг. Эйвиоски затворила дверь и произнесла роковые слова, которые мучили и Сиони:

– А получится?

– Не знаю, – прошептала Сиони.

Ей стало страшно, потому что вопрос задала столь опытная волшебница, как Эйвиоски. Что, если не получится?

Она обошла Эмери и опустилась возле него на колени. В правой руке она держала его сердце, а левой распахнула полы его рубашки. Тело Эмери было прохладным на ощупь, но не холодным.

– Здесь осталось немного магии, – пробормотала Сиони.

Она сразу поняла это – ведь ни одно сердце не способно биться самостоятельно, без своего хозяина, – если ему не помогут магией. Что ж, Лира оказалась сильной колдуньей.

Оставалось надеяться, что теперь все сработает.

Сиони положила сердце на грудь Эмери. Кожа Бумажного мага замерцала золотым сиянием заклинания Леры, и в его грудной клетке возникло отверстие. Это зрелище испугало бы Сиони, если бы ей не довелось в некотором роде пожить внутри Бумажного мага.

– Сколько времени я отсутствовала? – спросила она, глядя на бумажное сердце, которое приветствовало ее вялым сокращением.

– Одну ночь, – прошептала мг. Эйвиоски.

Сиони кивнула. Запустив руку в теплую грудь Эмери, она вынула искусственное сердце и положила на место его собственное – из плоти и крови.

Эмери выгнул спину и шумно втянул ртом воздух. Отверстие исчезло столь быстро, что Сиони едва успела отдернуть пальцы.

Золотое сияние угасло.

Сиони затаила дыхание. Эмери сохранял неподвижность и как будто спал.

Приложив ухо к его груди, Сиони прислушалась. Сердце отозвалось ленивым, но ровным «ПАМ-Пом-пуум».

Сиони улыбнулась. У нее получилось.

– Он поправится, но лучше все-таки вызвать врача, – легко и весело произнесла она и подумала, что со стороны ее реплика звучит по-детски.

Потом она убрала волосы Эмери со лба и, хотя мг. Эйвиоски смотрела на нее, наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Мисс Твилл, – начала мг. Эйвиоски, когда Сиони выпрямилась, но что она хотела сказать, осталось неизвестным, поскольку фраза оборвалась, едва начавшись.

Наверное, дело было в том, что Сиони ужасно выглядела. А может, мг. Эйвиоски просто смирилась с поведением Сиони. Как-никак, а ноги Сиони дрожали так, будто она за одну ночь прошла сотню миль и постарела на добрую сотню лет.

Однако взгляд мг. Эйвиоски сверлил спину Сиони, когда она отошла от мага Эмери Тейна и поплелась к лестнице.

Вскарабкавшись по ступенькам, Сиони ввалилась в свою спальню и рухнула на кровать.

Сиони проснулась с ощущением свинцовой тяжести в костях и

ноющей головной болью в центре лба. Ныли все мышцы, в особенности ноги и предплечья: лишнее доказательство того, что завтра будет еще хлеще. Кровь пульсировала где-то в районе крестца, которым она проехала по выступу скалы на берегу Фаулнесс. Желудок, хотя и воспринимался как нечто крошечное, настойчиво требовал пищи, а слюны во рту не хватало даже на то, чтобы сглотнуть.

Кто-то вложил ей в руку стакан с водой.

Мужчина, присевший возле ее кровати, был ей незнаком – в отличие от мг. Эйвиоски, которая тревожно поглядывала на Сиони. Магичка быстро помогла бывшей ученице сесть и подсунула ей под спину подушку. Сиони в четыре с половиной глотка осушила содержимое стакана и протянула его мг. Эйвиоски. Она хотела добавки.

Лишь потом она заметила конический стетоскоп, висевший на шее мужчины. Незнакомцу было около пятидесяти лет, волосы его давно поредели, а на носу сидели очки с круглыми стеклами. Сиони решила, что в дом Эмери пожаловал тот самый доктор, пригласить которого она посоветовала мг. Эйвиоски.

Но она не нуждается во врачах!

Утренний свет за окном позволил сделать вывод, что спала она довольно долго.

– Обезвоживание, – заявил медик, прижав пальцем запястье Сиони и посмотрев, сколько времени потребовалось, чтобы белый отпечаток на коже обрел нормальный цвет. – Множество ссадин. И крайне нуждается в хорошем мытье. Но вы, без сомнения, выживете, мисс Твилл.

Сиони откашлялась.

– Эме... Тей... Маг Тейн, – заикаясь, выдавила она, чувствуя, как ее щеки наливаются краской под внимательным взглядом мг. Эйвиоски. – Он в порядке?

– Как вы и сказали, мисс Твилл, – проговорила мг. Эйвиоски. – Он поправится, но ему необходим полный покой. Мистер Ньюболд с уверенностью подтвердил ваше предположение.

Сиони с облегчением вздохнула и откинулась на подушку. Мистер Ньюболд наклонился и сунул стетоскоп ей под рубашку: впрочем, врачи всегда отличаются бесцеремонностью. Немного послушав ее сердце, он глубокомысленно кивнул.

– Жидкость и мягкая пища на протяжении двадцати четырех часов, – подытожил он. – Если не желаете страдать от колик, не ешьте того, что надо жевать.

И мистер Ньюболд принялся рыться в медицинском саквояже, который

стоял на полу. Сиони могла поклясться, что этот саквояж с коротким наплечным ремнем наверняка уже несколько раз латали: ведь на потрепанной коже явно проступали стежки, сделанные черными нитками.

Наконец мистер Ньюболд вытащил на всеобщее обозрение банку с желтой желеобразной массой. Сиони почему-то сразу вспомнился крем алоэ, который хранился в школьном кабинете медсестры – в шкафу номер три, помещавшемся между койками номер один и два.

– Мазь поможет быстрее залечить ваши ссадины, – пояснил он. – Смазывайте их дважды в день и тогда, когда они начнут вас беспокоить.

– А Эм... маг Тейн? – пролепетала она.

– У него нет ссадин и шрамов, – ответил мистер Ньюболд. – Раны, нанесенные магией, обладают весьма необычными свойствами. Поэтому если он, очнувшись, будет вести себя странно, вызывайте меня. – Он воздел вверх указательный палец, призывая к вниманию. – Не будите его, дайте ему возможность выспаться. Тело способно себя исцелить без постороннего вмешательства.

– Но как я догадаюсь, нормально он будет себя вести или нет? – осведомилась Сиони. – Он и так... немножко со странностями.

Мг. Эйвиоски осуждающе щелкнула языком, а Сиони поймала себя на том, что улыбается. Когда мг. Эйвиоски снова поцокала языком, Сиони мигом посерьезнела и спрятала улыбку в своем сердце, где магичка уж точно не могла ее видеть.

– А вы проводаете мистера Тейна сегодня вечером? – обратилась мг. Эйвиоски к врачу.

Доктор отрицательно покачал головой.

– Незачем! Его состояние кажется мне стабильным. Сейчас он находится в полной безопасности и спит в своей собственной постели. Не люблю, когда пациенты без крайней необходимости лежат на полу.

– Я буду ухаживать за ним, – выпалила Сиони, сев вертикально и поморщившись от боли в спине. – Здесь ведь нет ничего сложного, верно? Надо следить, чтобы все нормально шло своим чередом, да? – спросила она, взглянув сначала на доктора, а затем на мг. Эйвиоски. – Я его подмастерье, и я уже здорова. А вы все, вероятно, очень заняты...

Мг. Эйвиоски поджала губы в тоненькую нитку, но Сиони не могла понять, одобряет она ее предложение или нет. Мг. Эйвиоски почти всегда поджимала губы в щекотливых ситуациях.

– События развивались чересчур стремительно, чтобы надеяться на скорый благополучный исход, – сказала магичка. – Если говорить начистоту, то я пребываю в некоторой растерянности. Однако если мистер

Ньюболд считает, что все продвигается нормально, то я буду склонна согласиться с вами.

– Все нормально, – произнес врач и, закрыв саквояж, с кряхтением поднялся. Его правое колено громко хрустнуло. – Но обязательно телеграфируйте мне, если заметите какие-нибудь отклонения.

– И мне тоже, мисс Твилл, – добавила мг. Эйвиоски, сцепив руки за спиной.

На мг. Эйвиоски была та же самая одежда, в которой она явилась на панический призыв Сиони. У нее защипало в глазах. Она была так благодарна мг. Эйвиоски – магичка мгновенно откликнулась на зов Сиони и оставалась рядом с Эмери, когда все бросили его умирать.

– О, разумеется, – заверила ее Сиони. – Обещаю, что буду сообщать вам о каждой перемене.

Мг. Эйвиоски улыбнулась, насколько позволяла ее суровая внешность.

– Рада слышать, мисс Твилл. Приношу вам извинения за неприятный инцидент, нарушивший ход вашего обучения. – Она пронзительно взглянула на Сиони. – Признаюсь, я не сторонница практики сотрудничества разнополых учителей и учеников, и хотя остальные Складыватели тоже мужчины, намерена поставить вопрос о перенаправлении вас, мисс Твилл, к другому наставнику.

Сиони прикусила язык, чтобы не заорать «нет!». Все ее существо воспротивилось этой идее.

– Маг Тейн показал себя прекрасным учителем, – максимально вежливо сказала Сиони. – Он всегда относился ко мне с большим терпением. Я хотела бы продолжить обучение у него, если такое, конечно, возможно.

Мг. Эйвиоски склонила голову. Тень скепсиса слегка затуманила ее спокойное лицо.

– Мистер Ньюболд, – вымолвила она наконец, обратившись к доктору, который оказался почти одного роста с ней. – Спасибо вам, что уделили нам время. Счет за оплату ваших услуг я отправлю в Кабинет. А теперь, пожалуйста, не обессудьте...

Врач понимающе кивнул и покинул спальню. Сиони стало неудобно. Она-то рассчитывала, что мг. Эйвиоски уйдет вместе с ним. О чем еще она хочет говорить?

Как только доктор Ньюболд затворил за собой дверь, мг. Эйвиоски изящно присела на край узкой кровати Сиони.

– А теперь расскажите мне в подробностях о том, что случилось, – потребовала она. Сиони сжалась в комочек.

– Простите, но я страшно хочу есть.

– Неужели история настолько долгая? – не приняла возражения мг. Эйвиоски и выпрямилась. – Вы сбежали, нарушив приказ не преследовать Потрошителей! – Она сделала паузу и продолжила: – Однако вы, мисс Твилл, не только выжили, но и спасли сердце самого талантливого Складывателя во всей Англии. Мисс Твилл, я имею право узнать подробности.

– Вы не приказывали мне остаться, – возразила Сиони. – Вы сказали, чтобы я вышла из столовой. Я так и поступила.

Мг. Эйвиоски потеряла переносицу под дужкой очков.

– Сиони, у меня такое впечатление, что вы мне дерзите.

– Я только... ну... по-моему, это очень личное, – проямлила Сиони.

– Личное? – повторила магичка, искренне удивленная выбором прилагательного. – То есть как? Что здесь может быть столь личного, что вы не можете рассказать даже мне? – Она моргнула. – Не пытайтесь торго...

– Нет-нет, – поспешно перебила ее Сиони и уставилась на свои пальцы, на которых запеклась кровь.

Перед ее внутренним взором предстала Лира. Окаменевшая Потрошительница зажимала руками пустую глазницу, из которой хлестала кровь.

Кровавая магия, подумала Сиони.

«Неужели я тоже превратилась в Потрошительницу?»

Раньше Сиони не допускала такой мысли. Что будет делать мг. Эйвиоски (и Магический кабинет), если узнает о том, каким образом Сиони одолела Лиру?

– Я нашла на чердаке большого бумажного голубя, Сложенного магом Тейном, – пробубнила Сиони, не глядя на мг. Эйвиоски. – И я воспользовалась бумажными птицами-разведчиками, чтобы догнать Лиру. Она, вероятно, заметила голубя, испугалась и сбежала. Но я выследила ее. Она находилась где-то на... побережье или на острове. Но потом я потеряла ее след. Думаю, сейчас Лира уже очень далеко. Я увидела лодку в океане. Наверное, Лира позвала сообщников.

Мг. Эйвиоски вскинула бровь.

– Значит, она не захватила с собой сердце мистера Тейна?

Сиони кивнула.

– Весьма глупо и опрометчиво с ее стороны. Натворить бед и оставить без присмотра такое сокровище, – протянула мг. Эйвиоски. – Я выясню координаты этого места и отправлю туда детективов.

У Сиони перехватило дыхание. Она надеялась, что мг. Эйвиоски не придала этому значения.

– Мне нужно отдохнуть, – прошептала Сиони. – И поесть. Я посмотрю по карте, попробую определить это место... и телеграфирую, где оно находится... вечером.

А что вообще происходит на острове в данный момент? Вдруг та парочка не погрузила Лиру в лодку?

Надо выиграть время. Хотя бы несколько часов.

У мг. Эйвиоски, кажется, имелись подозрения, но она решила не настаивать. Ведь Сиони, несмотря на ее склонность дерзить, являлась одной из лучших ее учениц.

Магичка встала и поджала губы.

– Я рассчитываю получить сведения сегодня, если вы, мисс Твилл, не хотите, чтобы вами занялся Кабинет. Маг Хьюз нетерпелив и весьма пристрастен к подробностям, – пояснила она и поправила очки. – Поэтому я не буду отпускать извозчика, – добавила она и удалилась.

Прижавшись лбом к оконному стеклу, Сиони дождалась, пока мг. Эйвиоски миновала магические декорации, уродовавшие облик коттеджа.

Затем она вышла из спальни и на цыпочках направилась в комнату Эмери.

Дверь заскрипела. Эмери лежал на кровати, укрытый двумя одеялами. Шторы были задернуты.

Сиони наполовину приоткрыла их, чтобы впустить в спальню солнечный свет. Эмери выглядел лучше, на его щеках появилось подобие румянца.

– Я не представляю, что мне теперь делать, – призналась она, глядя, как его грудь поднимается и опускается в такт ровному дыханию. – Придется сказать магичке Эйвиоски, где я нашла сердце. Я боюсь, что меня вызовут в Кабинет на допрос. И она... Лира... она осталась там, на берегу. Я не знала, сработает ли магия письма, но сообразила, что кровь создает какую-то связь, и у меня получилось, – проговорила Сиони, рассеянно потирая плечо. – Но я не такая, как она. Пожалуйста, не считай меня такой же.

Шагнув к кровати, она бережно пожала его теплые пальцы и отправилась в ванную, чтобы наконец-то хорошенько вымыться.

Она больше никогда не хотела видеть на своих руках чужую кровь. Но зависело ли это от нее?

Прежде чем вернуться к себе в комнату, Сиони отыскала в одном из многочисленных книжных стеллажей мг. Тейна географический атлас

старого издания. Определив координаты острова, Сиони отбила телеграмму м.г. Эйвиоски.

После этого она легла в кровать, но ей далеко не сразу удалось заснуть.

Глава 17

На следующий день Сиони проснулась спозаранку, развела огонь в камине гостиной и положила на уголья щипцы для завивки.

И хотя мг. Эйвиоски собрала с пола разбитые тарелки и поставила на место опрокинутый стол, Сиони все же порылась в шкафах в поисках моющих средств, а потом вымыла пол и тщательно протерла всю мебель в столовой. Она перемыла в раковине тарелки, вытерла и аккуратно расставила посуду на полку. Заглянула в холодильник, чтобы понять, из чего можно приготовить ланч и обед. На завтрак она съела абрикос и выпила молока.

Наверху, в ванной, где находилось самое лучшее в доме зеркало, Сиони тщательно завил волосы и вплела в них ленту. Присмотревшись к себе, она убрала ленту, приподняла густые пряди с боков и сколола их простой оливковой заколкой. Мама всегда говорила, что оливковый цвет идеально подходит рыжим волосам, хотя у Сиони они были, скорее, не рыжие, а оранжевые.

Из шкатулки с косметикой она извлекла карандаш для век и подкрасила глаза. Помусолила кончик карандаша в пальцах и оттенила ресницы. На щеки она нанесла чуточку румян и переоделась во второй из своих парадных комплектов одежды: темно-синюю юбку с поясом чуть выше бедер и персиковую блузку с плиссированным воротником (ее Сиони заправила в юбку). На минутку она подумала, что ей стоит надеть лучшую одежду – зеленое с серым отливом платье в обтяжку с крохотным воротником, – но испугалась хватить через край.

Удовлетворившись своей внешностью – и даже поверив в нее, – она вошла в комнату Эмери посмотреть, как у него дела. Он сохранял полную неподвижность, но ей показалось, что дышать он стал полегче.

Она присела на кровать, пробежала кончиками пальцев по его волосам и провела розовым пальчиком по его лбу. Проверить температуру. Нормальная. Она принесла для него бульон в чашке и осторожно, по ложечке, влила ему в рот. Собственно, кроме этого, она ничего больше сделать не могла.

Спустившись вниз, Сиони, невзирая на предписания врача, приготовила сэндвичи с огурцом и картофельный салат. Она стряпала на двоих, но, поскольку Эмери лежал без сознания, Сиони поела в одиночестве и убрала остатки в холодильник, на будущее. Вытерпев несколько

спазмов в желудке, она сделала на обед колбасный соус, бисквиты и спаржу. Она опять приготовила две порции и выждала до восьми вечера. Эмери не очнулся, она опять разогрела бульон, накормила Эмери и протерла ему лицо и шею влажным полотенцем. Быстро перекусила, не сядя за стол, и взяла из своей комнаты «Дерзкое бегство Пипа». Из библиотеки она притащила в комнату Эмери кресло, села и стала читать ему книгу со всеми доступными ей выражением и чувством. Прямо над грудью Эмери играли, сменяя друг друга, яркие картинки. Маленький мышонок Пип бегал по кишащей котами помойке в поисках любимой игрушки.

Эмери не просыпался.

Сиони умылась, развесила одежду на спинке стула и поздно легла спать.

На следующее утро она поднялась с солнцем, приняла ванну, положила в огонь щипцы для завивки, а пока они грелись, подмела и протерла прихожую и вытерла пыль в гостиной. Она даже переложила в другое место безжизненный остов скелета Джонто и добралась до подоконника. Закончив с уборкой, она завила волосы чуть крупнее, чем накануне, и собрала их ленточкой за левым ухом, чтобы они свободно падали ей на плечо. Подкрасилась карандашом для век и румянами, переделалась в персиковую блузку и синюю юбку. Завтракать Сиони не стала. Она решила разобрать свои грязные вещи, благо их оказалось совсем мало.

Белая блузка – та самая, в которой она скиталась по сердцу Эмери, – была безнадежно испорчена, зато юбку вполне можно было носить, если сделать пару-тройку заплаток. Сиони отстирала ее, повесила сушить во дворе под лучами солнца и занялась ланчем. Она сделала сэндвичи с огурцом и съела их в одиночестве. На обед она захотела приготовить курицу с розмарином.

Курицу она взяла из ледника, увядшую луковицу – из шкафа возле кухонной раковины, а пучок сушеного розмарина сняла с веревки, натянутой напротив двери в гостиную. Но когда Сиони принялась резать грудку, ее пальцы оцепенели, как только из мяса выступила водянистая кровь.

Лица застыла... и никогда не пошевелинется.

Сиони отложила нож и внимательно осмотрела руки, пытаясь разглядеть кровь там, где, как она точно знала, ее уже не могло быть.

«Я сотворила бумажное заклинание – вот и все», – напомнила себе Сиони.

Но бумажные иллюзии не действуют на живых людей, верно?

Сиони закусила губу. От мг. Эйвиоски до сих пор нет вестей. Неужто бывшая учительница подозревает ее? А может, она вообще телеграмму не получила?

Сиони выглянула в столовую. Дверь, ведущая на лестницу, была закрыта. На втором этаже спал Эмери.

Что Сиони скажет ему?

– Чепуха! – воскликнула она и начала резать курицу.

Натерла мясо приправами, обваляла в панировке и сунула в духовку. Аромат домашних блюд, мытье и уборка помогли ей успокоиться.

Сиони навестила Эмери. Он не очнулся, хотя и выглядел мирно и совершенно безмятежно.

После обеда Сиони разобрала содержимое вязаной сумки, отнесла Фенхеля в библиотеку и, усевшись за стол, попыталась делать разнообразные Складки. Она хотела понять, сумеет ли самостоятельно восстановить собачку. Оказалось, что она еще слишком неопытна. Да уж, она еще совсем зеленый подмастерье! Сочленения туловища и лап, резкие линии сотен несхожих Складок поставили Сиони в тупик. Она сомневалась, что смогла бы повторить работу Эмери, даже если бы увидела воочию, как он создавал песика. Заклинания были чересчур сложными для нее.

Отчаявшись и стараясь не замечать щемящей занозы в сердце, Сиони прошла вдоль стеллажей и выбрала повесть под названием «Паук из амбара». В книге было много наглядных графических иллюстраций. Сиони прочла ее Эмери от корки до корки, но поскольку прежде не была знакома с историей амбарного паука, то не смогла создать ни единой иллюзии. Значит, ей нужно практиковаться.

В тот вечер, едва она успела поставить книжку на место, застрекотал телеграф. Пока он печатал текст, Сиони держала пальцы скрещенными на удачу.

Прикусив зубами первую фалангу мизинца, она прочла сообщение от мг. Эйвиоски.

Телеграмма гласила: «Проверили по координатам точка нет следов лиры точка кабинет начал расследование точка надеюсь все хорошо точка».

Непонятно почему, но известие о том, что Лиру не удалось отыскать, не слишком успокоило нервы Сиони. Наоборот, оно взбудоражило и напугало ее еще сильнее.

Она мучилась от бессонницы, ее мысли бродили где-то на острове Фаулнесс. В голове прокручивалась недавняя схватка с Лирой.

В конце концов Сиони принялась проверять пульс у себя на шее – «пуум» из созвучия «ПАМ-Пом-пуум» практически не ощущалось.

На следующее утро она проснулась поздно и взялась за свои обычные утренние занятия: завивалась, красилась, одевалась и занималась прочими делами.

На завтрак, или, вернее, ланч, она пожарила яичницу с беконом и тостами. Ну, просто горячая еда из закусочной на колесах! Да еще на двоих. Съев свою порцию в полной тишине, Сиони проверила, сколько продуктов осталось у Эмери, и сделала вывод, что скоро нужно отправиться за покупками. Она предпочла бы сделать это не в одиночку.

Однако позже она вышла из дома Эмери Тейна. Сквозь редкие облака на коттедж падали лучи теплого летнего солнца. Сиони огляделась по сторонам: на заднем дворе – как раз под навесом крыши – был разбит самый настоящий садик с живыми растениями, а вовсе не с их бумажными подобиями. Он выглядел вполне ухоженным, хотя среди мяты, петрушки и чего-то, похожего на редиску, уже пробились робкие стебельки сорной травы. Сиони вырвала их с корнями и отложила, чтобы они засохли. Потыкала указательным пальцем в землю – пора поливать.

Она вернулась на кухню за кувшином и услышала в столовой негромкий, но отлично знакомый ей звук: нечто вроде слабого похлопывания в ладоши.

Это означало только одно – бумажный лай Фенхеля.

Ей показалось, будто ее нутро развалилось на части, как затейливая мозаика, и начало медленно собираться, но теперь сердце прочно обосновалось где-то возле горла.

В кухню, возбужденно таявая, вбежал Фенхель. Лапы песика скользили по гладкому паркету. Он завалился на бок, но тотчас вскочил и кинулся к Сиони. Она, разинув рот, опустилась на колени. Фенхель лизал ее рукава бумажным язычком и так яростно махал хвостом, что она забеспокоилась, как бы тот не оторвался от тела и не улетел в ледник.

– Ну вот! – приговаривала Сиони, почесывая Фенхеля за ухом и глядя по голове... – Ведь ты спал совсем немного, да?

Но она отлично понимала, что Фенхель не мог магически реанимировать себя сам. Пульс в ее ушах звучал, как колокол, и теперь без всякого труда она различила гулкое «пуум».

Она успела дважды вдохнуть и выдохнуть, и тут дверь на лестницу отворилась, и на ступеньках показался Эмери в синем балахоне, но в чистой сорочке и серых брюках, которые Сиони постирала только вчера.

Она медленно поднялась, чувствуя, как ее лицо розовеет. Он шел,

слегка сутулясь, что говорило о некотором дискомфорте, но во всех прочих отношениях казался совершенно здоровым.

Его глаза поймали ее взгляд – его прекрасные зеленые глаза, – и они улыбались.

– У меня есть твердое ощущение, что я пропустил нечто весьма впечатляющее, – сказал он.

Его голос звучал грубее, чем обычно, и он откашлялся, а уж затем добавил:

– И еще я невыносимо голоден.

– Ох! – вырвалось у Сиони, и она бросилась наперерез Фенхелю к хлебнице. – Я сейчас приготовлю что-нибудь. Садитесь. Вы любите огурцы? Ну конечно, любите... Это же ваши огурцы.

Он нахмурился, но его глаза смеялись, и уголки его губ поползли вверх.

– Думаю, Сиони, я достаточно здоров и способен сам сделать сэндвич.

Но она упрямо мотнула головой, схватила разделочную доску и вынула из ледника последний огурец. Эмери постоял секунду на пороге между столовой и кухней, но потом сдался и опустился на стул.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Сиони, у которой продолжал грохотать в ушах пульс. Она принялась лихорадочно чистить и резать огурец, ее руки заметно тряслись. Она мысленно запретила себе торопиться, чтобы ненароком не полоснуть себя по руке.

– Как человек, у которого в груди кто-то хорошенько потоптался, разглядывая то, чего ему видеть в принципе не полагалось, – ответил он.

Нож застыл в воздухе.

Она осмелилась взглянуть ему в глаза и увидела в них понимание пополам с весельем.

Ее шея и уши вспыхнули.

– Вы... ведь знаете, что произошло?

Он намотал на палец прядь волос.

– Сиони, это мое сердце. Естественно, я в курсе всего, что там творится. Хотя бы в основном.

«В основном?» – подумала она, открывая дверцу шкафчика, чтобы скрыть от Эмери пылающее лицо и стараясь сосредоточиться на нарезке огурца.

Сколько же составляет это «в основном»?

Она вспомнила об их коротком разговоре в четвертой камере сердца, и ее обдало таким жаром, что она испугалась, как бы ее одежда не вспыхнула.

Дверь шкафа захлопнулась, и Сиони, дернувшись, увидела рядом с собой Эмери. Он вынул ножик из ее руки и положил на стол.

– Но я не знаю, что случилось до и после, – произнес он.

Его взгляд остановился на ее шее. Он легонько прикоснулся костяшками пальцев к подбородку Сиони и заставил ее приподнять голову. Сиони поняла, что он рассматривает лиловые синяки, оставшиеся от пальцев той жуткой полумертвой культи.

Сиони отодвинулась и перебросила волосы из-за спины на грудь, чтобы прикрыть шею.

– Я украла вашего голубя, – призналась она.

– Неужели?

Она кивнула.

– Я разослала бумажных птиц на разведку и последовала за ними. Я решила, что она... Лира... хочет удрать на корабле...

– Но она этого не сделала, – задумчиво произнес Эмери и замолчал.

А Сиони прорвало. Слова посыпались горохом.

– Я наткнулась на Лиру в пещере на берегу. Она наложила на ваше сердце какое-то заклинание, и меня забросило внутрь. Я не хотела там «топтаться», но у меня не было выбора!

Сиони осознавала, что с каждой фразой говорит все быстрее и не может отвести взгляда от пронизательных глаз Эмери.

– И я решила, что если пройду сердце до конца, то выберусь наружу. Лира тоже каким-то образом была там, правда не всегда. Я выбивалась из сил и старалась не останавливаться. Я не хотела, чтобы вы умерли.

Она перевела дыхание.

– А потом я оказалась снаружи, – пробормотала она.

Эмери кивнул. Значит, он действительно помнил события, но лишь частично. Ступни Сиони внезапно похолодели – наверное, оттого, что вся кровь прилила к лицу.

– И Лира тоже была на берегу... мои заклинания намокли, а она схватила меня и сказала, что заберет мое сердце и...

Сиони отступила подальше от Эмери и уткнулась копчиком в край кухонной раковины.

– Эмери, я не такая, как она. Я вовсе не собиралась, но так получилось.

На его лбу залегли морщины.

– Сиони, объясните мне, что случилось?

– Мы обе одновременно кинулись за кинжалом, – начала она, боясь, что если она упустит хоть малейшую подробность, от Эмери ускользнет

смысл истории. – Я схватила его первой. Я ранила ее. – Сиони показала на себе, как лезвие разрезало лицо Леры. – Кровь... она так и хлестала. Камни были усыпаны бумагой... из-за того заклинания, которое вы дали мне. Взрывающегося заклинания. И я написала на листе, чтобы она... Лера навсегда замерзла...

К горлу Сиони подступил ком, заставив ее перейти на полусшепот. Она сглотнула и почувствовала режущую боль в пищеводе.

– Вот и все, – прошептала она. – Она должна и сейчас оставаться там, если ее не забрали. Я написала это кровью, и заклинание сработало...

В уголках ее глаз выступили слезы, и она заморгала, чтобы стряхнуть их.

– Я не такая, как она, – пискнула Сиони. – Я не Потрошительница...

Рука Эмери легла на ее плечо, и Сиони невольно подняла к нему глаза.

Как глупо она выглядит, а уж слушать ее...

– Конечно же, нет, – заверил он ее спокойным уверенным тоном. – Вы привязаны к бумаге, поэтому это просто невозможно. Ни при каких обстоятельствах.

Она с мольбой посмотрела в зеленые глаза Эмери.

– Но Лера...

– Лера, когда я познакомился с ней, не была магом, – ответил он, убирая руку. – Она работала ассистенткой фельдшера. Кровь и подобные материи вообще никогда не волновали ее.

Сиони медленно кивнула, почему-то лишившись на мгновение дара речи.

– Значит, я не... я не творила запретной магии?

– Я не понимаю, что именно вы сделали, – ответил Эмери, приглаживая ладонью свои волосы от лба к затылку. Он посмотрел в окно, расположенное за спиной Сиони. – Вы не нарушали закон. Нет ничего такого, что могло бы стать предметом судебного разбирательства, если вас это тревожит. Сиони, вы спасли мне жизнь. Если бы не вы, я бы уже давно умер, а представления о потустороннем мире меня всегда разочаровывали.

Сиони уставилась на свои туфли, пряча облегчение и улыбку.

– Меня бы крайне расстроило, если бы вы очутились в потустороннем мире и оказались бы мертвы, Эм... маг Тейн. Ведь это бы означало, что я улетела напрямик в океан и лежала бы сейчас где-нибудь на дне.

Фенхель тявкнул и ткнулся носом в туфлю Сиони. Эмери усмехнулся.

– Ладно, – вымолвил он после паузы, которая затянулась настолько, что успела стать неловкой. Взял ломтики огурца, положил их на хлеб, вынул из шкафа тарелку и, вернувшись к столу, сказал: – А теперь мы,

пожалуй, можем заняться едой, верно, Сиони?

– Заняться едой? – повторила Сиони, изучающе глядя на его жалкий сэндвич. А Тейн откусил кусок, даже не потрудившись положить сверху майонез. – Любая еда, которую я согласна называть съедобной, многократно превосходит качеством сэндвич с огурцом. Если помните, я ведь могла бы выучиться на первоклассного шеф-повара.

– Правда? – спросил он, откусывая кусок.

Сиони начала резать хлеб и для себя, но задумалась над разделочной доской.

– Вы не могли бы развлечь меня?

– По-моему, я развлекаю вас с того момента, как вы переступили порог моего дома.

Она хмыкнула.

– В таком случае минуточку...

Она оставила хлеб и огурец на доске и побежала в кабинет. Взяла с полки, стоявшей позади стола, квадратный лист небесно-голубого оттенка. Положив его на стол, она сделала полуострую Складку, а затем – остроконечную, легко извлекая из памяти порядок изготовления «коробки случайностей». Как-никак, а ведь именно бумажная коробка наобещала ей «приключение», прежде чем Сиони впервые услышала имя Лир.

Сиони нацарапала ручкой знаки судьбы, помявшись после пятого, и ринулась обратно в столовую.

– Какие подойдут сюда? – поинтересовалась Сиони, продемонстрировав Эмери свое творение.

Глаза мага изумленно блеснули – вероятно, это была его излюбленная эмоция. Затем Эмери взял у Сиони ручку и, не переставая жевать, начертил на коробке три остальных знака.

Сиони отметила их в памяти и быстро схватила готовую гадательную игрушку.

– Назовите девичью фамилию вашей матери? – спросила она у Эмери.

Он поставил локоть на стол и оперся подбородком на ладонь.

– Разве вы не помните?

– Помню, – ответила она, – но боюсь сглазить. Давайте отвечайте.

– Владейра. С одним «р», – произнес он, и на его лице появилось лукавое выражение.

Она восемь раз открыла и закрыла коробку и осведомилась:

– Дата вашего рождения?

– Четырнадцатого июля тысяча восемьсот семьдесят первого года.

Сиони подвигала коробку взад и вперед.

– Назовите число.

Эмери некоторое время молчал, вглядываясь в лицо Сиони. Глаза никоим образом не выдавали его мысли. Впрочем, прежде чем Сиони снова бросило в краску, он проговорил:

– Один.

Сиони открыла клапан, на котором был нацарапан квадрат, разделенный на три части – этот символ только что изобразил Эмери.

Сиони всматривалась в знак – через секунду в ее сознание хлынул образ куда большей интенсивности и яркости, чем в тот день, когда она впервые читала судьбу Эмери Тейна.

Видение показалось ей знакомым – закатное солнце, раскидистая слива, зеленый холм с полевыми цветами. Ласковый ветерок, несущий ароматы земли, клевера и меда.

Эмери сидел под деревом на лоскутном одеяле, волосы у него были короче, чем сейчас, возле него покоился бережно свернутый индиговый балахон. Он смотрел на закат, и в его ярких глазах Сиони прочла умиротворение.

Рядом с Эмери прикорнула молодая женщина. Она водила своим веснушчатым пальчиком по венам, выступившим на тыльной стороне его ладони. Через ее плечо была переброшена аккуратно заплетенная рыжая – нет, даже апельсиновая! – коса. По другую сторону дерева забавлялись на качелях два мальчика, они раскачивали друг дружку, хватались за веревки и залиисто хохотали.

Сиони захлопнула клапан и сморгнула свет летнего заходящего солнца. Комок, застрявший в ее горле, рассосался, и сердце забило так, как ему и следовало.

– Ну? – любопытствовал Эмери.

– Знать собственную судьбу – к несчастью, – наставительно произнесла Сиони.

– А по-моему, к несчастью – *читать* собственную судьбу, – возразил он.

– Лучше не рисковать, – парировала Сиони, пытаясь скрыть улыбку, что ей самым позорным образом не удалось.

Быстро подвинув стул, она села за стол и спросила:

– Кстати, я думала о Прите. Вы презирали Складывание. Почему вы решили связать свою жизнь с бумагой?

– По той же причине, что и вы, Сиони, – ответил Эмери, откидываясь на спинку стула. – Это решил не я. Но в конце концов все обернулось наилучшим образом. Между прочим, Сиони, мы с вами схожи больше, чем

вам может показаться.

– Да, – согласилась она, улыбаясь уже совершенно открыто. – Я уверена, что так оно и есть.

Благодарности

К появлению этой книги причастно очень много людей. Прежде всего я бы хотела поблагодарить моего мужа Джордана – он читал мои самые грубые и предварительные наброски и получил самые натуральные синяки от идей, которые я обрушивала на него.

Огромная благодарность моим альфа- и бета-читателям – Джессике, Лауре, Хейли, Линдси, Уит, Эндрю и особенно Джулиане – ее вера в меня и в мои сочинения послужила генератором, снабжавшим энергией мое творчество.

Большое спасибо моей семье и, конечно же, маленькой сестренке Алекс, которая подробно рассказывала мне обо всех своих подружках.

Спасибо тебе, Лорен, – ты читала бесчисленные эпизоды, вызывавшие у меня сомнения, и помогала мне в преодолении трудностей с сюжетом.

Спасибо вам, Брэндон Сэндерсон, лучший учитель и вдохновитель, какого только может пожелать себе автор. Спасибо моему писательскому кружку, где в свое время из меня выковывали человека, способного выстроить приемлемую фразу. Вы знаете, кого я имею в виду.

И, разумеется, спасибо Марлен и Дэвиду за предоставленный мне шанс, а также команде 47North за то, что они претворили мои мечты в реальность и дали возможность этой книге появиться на свет.

И, наконец, глубокая признательность Большому Человеку, Который живет наверху, потому что любой проблеск таланта, который может встретиться на этих страницах, несомненно, исходит именно от Него.

Об авторе

Чарли Н. Хольмберг, уроженка Солт-Лейк-Сити, как и три ее сестры, тоже получившие мальчишеские имена, выросла на фантастическом телесериале «Звездный путь». Она не только сочиняет романы-фэнтези, но и работает редактором-фрилансером. Чарли закончила Университет Бригама Янга, играет на укулеле, имеет внушительную коллекцию очков и мечтает в один прекрасный день завести собаку. Ее дебютный роман «Бумажная магия» открывает серию удивительных историй о мире магов, управляющих рукотворными материалами. В настоящее время писательница живет со своей семьей в штате Юта.